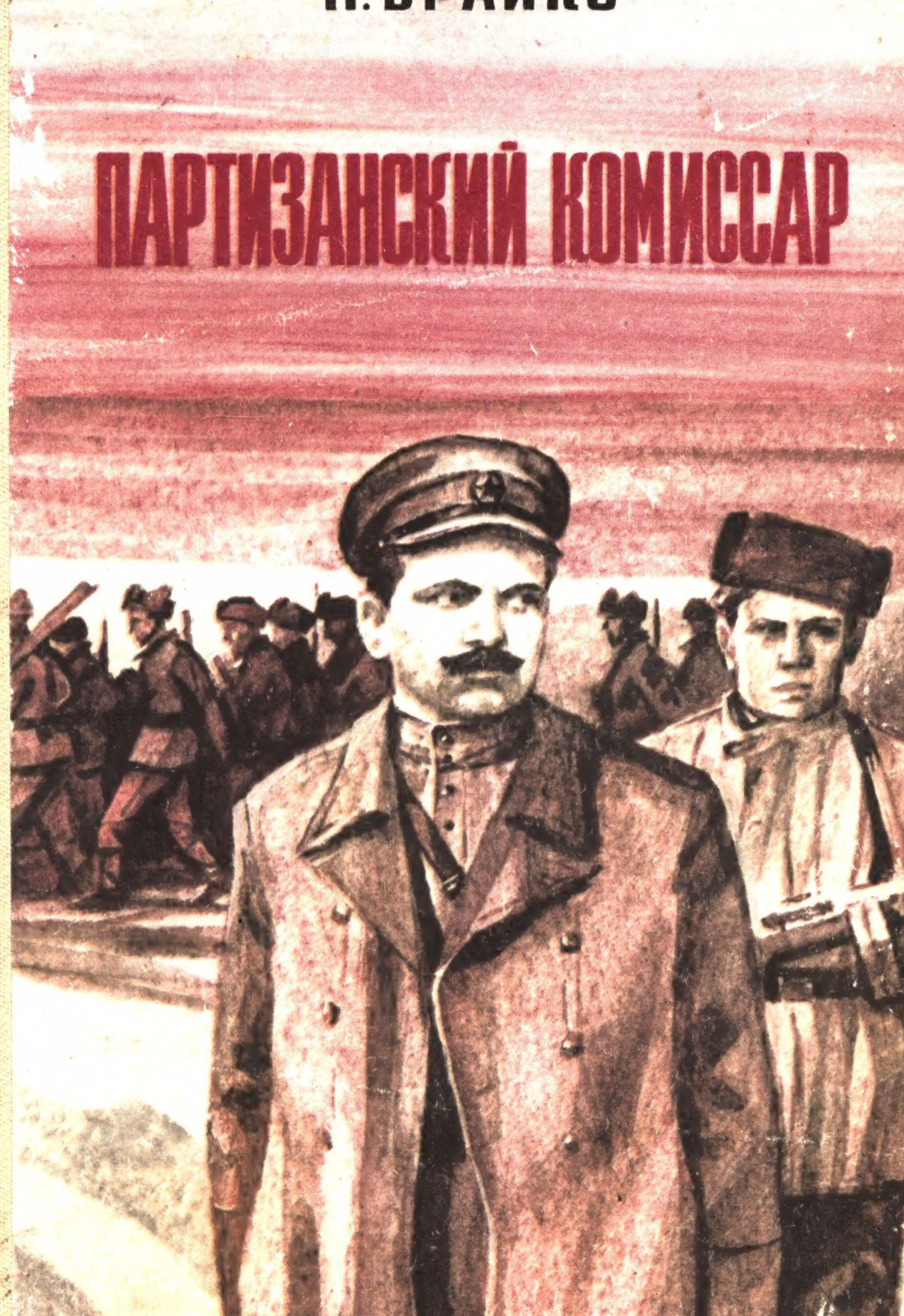
П. БРАЙКО

ПАРТИЗАНСКИЙ КОМИССАР

П. Брайко

ПАРТИЗАНСКИЙ КОМИССАР

Документальная повесть

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1982

ББК 63.3(2)722.5
Б87

Рецензенты: И. Я. Жученко, кандидат исторических наук, И. Г. Старинов, кандидат технических наук.

Брайко П. Е.

Б87 Партизанский комиссар: Докум. повесть.— М.: ДОСААФ, 1982.— 248 с.

В пер:, 1 р.

В документальной повести Героя Советского Союза, бывшего командира полка в прославленном соединении С. А. Ковпака, рассказывается об одном из организаторов партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков — легендарном комиссаре партизанского соединения Герое Советского Союза Семене Васильевиче Рудневе, о его боевых делах во время рейдов по тылам врага. Автор показывает С. В. Руднева как человека большой души, стойкого бойца ленинской партии, талантливого воспитателя молодежи.

Для массового читателя.

Б $\frac{4702010200-067}{072(02)-82}$ 32—82

ББК 63.3(2)722.5
9(С)277

В работе над книгой принимала участие
Оксана Семеновна Калиненко

УЧЕНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

В эту субботу Семен Васильевич пришел домой не к семи вечера, как обычно, а после десяти.

— Ну, друзья мои, вы не представляете, какая у меня сегодня крупная победа! — воскликнул он, шагнув в комнату. И схватив под руки поднявшуюся навстречу жену, закружился с ней по комнате.

Таким веселым и возбужденным Домникия Даниловна еще не видела мужа с тех пор, как он вернулся в Путивль, после демобилизации.

— Да что случилось, Сеня? Скажи толком!..— спросила, смеясь, жена, когда он наконец остановился и выпустил ее из своих объятий.

— Сегодня райком партии утвердил мой план районного осоавиахимовского учения!.. И даже разрешил провести его завтра! — провозгласил он, подняв указательный палец.— А ты ведь знаешь, сколько я потратил на это сил... и сколько раз его уже откладывали?! Вот почему завтрашнее учение для меня не только величайший праздник, но и победа!

Семен Васильевич всегда выражал свои чувства открыто и пылко, почти по-юношески.

— Отец, а мне ты разрешишь принять участие в твоем «сражении»? — спросил вдруг старший, шестнадцатилетний сын, Радик, сидевший на диване с книгой Николая Островского «Как закалялась сталь».

— Тебе? — Семен Васильевич посмотрел с гордостью на сына.— Ну, если ты действительно очень хочешь участвовать в этом учении, то, пожалуй!..— И подумав, добавил:— Только рядовым.

— Есть рядовым! — вскочив с дивана и вытянувшись по-военному, отчеканил Радик. В его темных, карих, как у отца, глазах светилась радость.

— Папа, а меня ты возьмешь в сражение? — подбежал к отцу и младший, семилетний сынишка.

— Тебя-а?..— Семен Васильевич поднял сына на руки и пощекотал его лицо своими пышными, черными как смоль усами.— Тебе, сынок, еще рано! Маловат еще.

— Не-ет, я уже большой! Я хочу вместе с Радиком!

— Нет, Юра,— возразил отец мягко.— Лучше ты будешь со мной, на главном командном пункте. Оттуда мы с тобой увидим всех!.. Договорились?.. Ты придешь ко мне с мамой.

— Правильно,— подхватила Домникия Даниловна, улыбнувшись.— И мы, Юрик, все увидим, как в кино.

— Идет,— согласился младший.

— Ну вот и чудесно! — обрадовалась Домникия Даниловна.— А теперь, мои милые мушкетеры, давайте покушаем, пока все не остыло. А какой я вам приготовила ужин!.. Да поскорее поворачивайтесь, потому что кое-кому давно пора спать.

Спустя минуту Домникия Даниловна принесла в комнату и стала раскладывать на столе вилки, ножи, чайные ложки...

— Ну, орлы, раз такое дело, пошли мыть руки! — весело скомандовал отец сыновьям.

А когда все трое вернулись в комнату, мать уже успела наполнить тарелки молодой румяной картошкой с мелкими хрустящими шкварками и теперь доставала из эмалированного бидончика пупырчатые малосольные огурцы. Комната наполнилась аппетитными запахами укропа и жареного сала.

Все сели на свои обычные места. Семен Васильевич, порезав малосольный огурец, наколол на вилку маленькую обжареную картофелину и отправил в рот; затем — кружочек огурца. И, проглотив их, закачал от удовольствия головой.

— Вот это вкуснота! Первая молодая картошка!.. Объявим нашей маме благодарность в приказе?

— Объявим! — поддержали в один голос оба сына.

— Спасибо тебе от всех мужчин этого гарнизона, от всех трех мушкетеров, Ньома.— Это было уменьшительное, ласковое имя Домникии Даниловны.

И, следуя заведенному в семье обычаю, Радик «заиграл» на губах туш.

— А от меня — вдвойне,— добавил Руднев.— Ведь я с самого утра ничего не ел. До вечера надо было

подготовить все к завтрашнему учению: согласовать план, проинструктировать посредников. И конечно же отработать взаимодействие... А главное, необходимо было к концу рабочего дня во что бы то ни стало связаться с командирами воинских частей.

— А что, армейские части тоже будут участвовать в твоих маневрах? — с радостным удивлением воскликнул Радик.

— Да, представьте себе, друзья мои! А связаться с военными не так-то просто. У них — свои планы, свое командование. Вот и пришлось пожертвовать обедом. Зато в нашем учении примут участие и танки, и авиация! В том числе — и два наших, осоавиахимовских самолета, купленные на деньги путивлян. Эти самолеты уже находятся в Конотопе, в авиационном училище...

— Вот здорово! — закричал Юрик.

— Словом, друзья мои, завтра у нас в районе будет грандиозное сражение! — воскликнул Семен Васильевич.

Домникия Даниловна, глядя на помолодевшее, одухотворенное лицо мужа, невольно подумала: «Ведь ему уже сорок!.. Вот и первые сединки на висках появились. А он все такой же неуемный, все у него — взахлеб. Как тогда, когда со старшими братьями бежал на штурм Зимнего!.. И всю жизнь он на таком подъеме!..»

Она всегда радовалась любому успеху мужа. И не только радовалась — старалась, чем только могла, помочь.

— Ну вот, Ньома, я уже сыт.— Ел он, по обыкновению, немного, но быстро и с аппетитом.— Хорошо бы было еще и чайку выпить чашку.

— Обязательно! Чай у нас сегодня тоже особенный: со своей клубникой!

И Домникия Даниловна достала из буфета вазочку с ароматной свежей ягодой. А Семен Васильевич, невольно задержав взгляд на миловидном чернобровом лице жены, сказал:

— Мне сейчас почему-то вдруг вспомнилось, как я тебя за руку по Ленинграду водил, еще в двадцать девятом году. У меня тогда товарищи по академии спрашивали: «Как твою сестренку зовут?»

Радик рассмеялся. А Домникия Даниловна подтвердила:

— Да, Радик, нас с твоим отцом не раз за брата и сестру принимали.— Ей приятно было думать, что она и муж так схожи внешне и (что было еще дороже для нее) духовно...

Допив свой чай, Руднев откинулся на спинку венского стула, ожидая, пока младший сынишка доест клубнику. Уходить из-за стола, когда кто-либо еще не покончил с едой, в рудневской семье было не принято. И сам Семен Васильевич постоянно следил, чтобы ребята правильно вели себя за столом в обществе взрослых.

Когда чаепитие было окончено, он поднялся.

— Спасибо тебе, Ньома, за вкусный ужин... Ну, а теперь, друзья мои,— обратился Семен Васильевич ко всем,— скорее — спать. Завтра рано вставать.

Однако поспать в эту ночь Рудневу почти не пришлось. Будучи по натуре человеком очень эмоциональным, он еще долго оставался в состоянии того радостного возбуждения, с которым так энергично трудился до позднего вечера, успев, вместо положенных двух-трех суток, за неполный день сделать все так, чтобы каждый участник, а главное — весь руководящий состав четко представлял себе, что от кого требуется и как надлежит выполнять свою задачу завтра.

Семен Васильевич любил делать все точно, наверняка. Он принадлежал к числу тех людей, которые не только стараются выполнить порученное дело как можно лучше, но и требуют того же от окружающих. Качество это Семен Васильевич приобрел еще в юношеские годы, когда, работая в Питере на Русско-Балтийском вагонном заводе, стал помогать большевикам-подпольщикам.

Даже сейчас, уже лежа в постели, Руднев продолжал напряженно думать о предстоящем учении.

«Не упустили ли мы чего-нибудь в спешке? — спрашивал он себя.— Вроде, нет. Народ подобрался чудесный! Задачи свои обе стороны поняли. Командуют ими люди серьезные, вчерашние командиры Красной Армии!.. Взаимодействие тоже вроде бы организовали как положено, по-армейски, на всех этапах: и с танками, и с авиацией... Спасибо командиру танковой части и на-

чальнику авиационного училища, что пошли нам навстречу и согласились принять участие в военной игре!.. Вот только зря я не попросил у командира танковой части выделить еще несколько мотоциклов для связи. Ладно, попросим парочку у нашей милиции...»

Потом он еще подумал: «С посредниками тоже вроде отработали все, как следует, по этапам. Хорошо, что людей для этого дела подобрали толковых!..»

И в памяти возник неприятный разговор по поводу этого учения с первым секретарем райкома партии:

— Не до игр нам сейчас, товарищ Руднев. Надо план выполнять!

— А разве готовить молодежь к защите Родины не входит в план райкома? — сохраняя внешнее спокойствие, спросил Руднев.

Первый секретарь даже чуть вздрогнул, будто его кто толкнул сзади, и недовольно сверкнул глазами.

Руднев спокойно выдержал этот взгляд, прекрасно зная, что дела в районе обстоят неплохо, и хотел было сказать, что осоавиахимовское учение нисколько не помешает нормальному ходу сельскохозяйственных работ, а наоборот, поможет поднять молодежь на воскресник.

— Что ж, товарищ Руднев! Может, вы и правы. Давайте проведем это ваше учение!..

«А может, я зря все это затеял? — вдруг возникло у Руднева сомнение.— И все эти военные учения никому не нужны?.. Нет, нужны! Ведь Гитлер давно уже готовится к нападению на нашу страну. И это, несмотря на его коварные увертки, прекрасно понимает наш народ. Именно поэтому ребята-допризывники с таким рвением готовятся к защите Родины...»

Он вспомнил, с каким азартом участвовала вся путивльская молодежь в зимней военной игре. В памяти, будто наяву, возникли веселые, румяные от мороза лица; лихой штурм снежного городка... Потом все это куда-то уплыло, исчезло... А сам он провалился в мягкую дрему.

Проснулся Семен Васильевич от страшного грохота. Потом тоненько зазвенели оконные стекла. Спросонок ему показалось, будто неподалеку разорвался артиллерийский снаряд крупного калибра. Но когда, вслед за первым «взрывом», все небо прорезала огненная молния с узловатыми, будто у старого карагача, бесчислен-

ными отростками, а вслед за ней совсем рядом снова ударил новый громовой раскат, Руднев понял: гроза.

«Вот чего нам сегодня не хватает, так это дождя!» — подумал он с тревогой. И в подтверждение этой мысли услышал, как застучали крупные частые капли по оконным стеклам и крыше.

Семен Васильевич вздохнул с досадой и повернулся со спины на бок, лицом к окну. За окном серело. Дождь лил, как из ведра.

Жена тоже проснулась от грозы и, сразу поняв беспокойство мужа, вздохнула с сочувствием.

— Который час? — тихо спросила она.

Руднев достал из-под подушки свои наручные часы.

— Без четверти пять. Спи. Еще рано!..

Жена, казалось, заснула.

А Руднев, поглядывая в окно, продолжал вслушиваться в густой, все нарастающий шум ливня. «Хорошо, что он хоть грозовой,— успокаивал себя Семен Васильевич,— его пронесет, и часам к девяти июньское солнце подсушит землю».

Огненные вспышки и грохот постепенно стали удаляться от дома на восток и вскоре почти прекратились. Но тучи не уходили. Они продолжали висеть над городом. Ливень, ненадолго утихнув, опять с новой силой захлестал по окнам и крыше дома. Семену Васильевичу показалось, будто на дворе даже чуть потемнело, хотя рассвет уже наступил.

«Похоже, что грозовой дождь перестраивается на обложной,— подумал Семен Васильевич.— Если это продлится еще часа два, танки по нашему чернозему вряд ли пройдут, особенно — под Сумами. Да и авиация при такой облачности не сможет подняться в воздух... Вот досада! Неужели придется отменять учение?.. Нет, нельзя убивать патриотический порыв ребят! Разве Суворов отменил бы такое учение? Ни за что! Ведь мы постоянно твердим: «Тяжело в учении — легко в бою!..» А разве враг отменит намеченное наступление из-за плохой погоды?..»

Руднев осторожно выбрался из-под одеяла. Вышел на веранду, облился холодной водой из ведра. Потом побрился, надел свою новую без знаков отличия форму: темно-синее суконное галифе, блестящие хромовые сапоги и коверкотовую, защитного цвета гимнастерку.

Наскоро позавтракал, не позволив жене подниматься в такую рань.

— Если учение состоится, я пришлю за Радиком,— тихонько, на носках подойдя к жене, шепнул Семен Васильевич. И, чмокнув ее в теплую заспанную щеку, направился к двери.

Надел фуражку, накинул на плечи брезентовую накидку и вышел из дому.

Дождь не прекращался. Только стал чуть помельче, будто его кто-то сеял сквозь густое сито.

Руднев, не поднимая головы, из-под козырька мокрой фуражки посмотрел на небо. Оно было все затянуто плотной свинцово-серой тучей, тяжело ползущей с запада.

Штаб учения до девяти часов утра решено было разместить в помещении райкома партии: туда можно было дозвониться из любого сельсовета даже ночью. А потом, на втором этапе военной игры, к началу наступления «синих», штаб должен был перебазироваться на северо-западную окраину города, на КП и НП руководителя учения.

В заместители себе Семен Васильевич взял директора путивльской школы № 2 Григория Яковлевича Базыму — тоже участника гражданской войны, бывшего буденновца, человека исполнительного, аккуратного и очень добросовестного, как все настоящие педагоги.

Григорий Яковлевич уже давно сидел в райкоме. Он прибыл сюда в третьем часу ночи и контролировал ход развертывающегося учения, начав сразу вести свой, как он в шутку говорил, «судовой журнал».

Как и Руднев, Базыма тоже был в комсоставской суконной форме и сшитой на военный манер фуражке. Когда Семен Васильевич вошел в комнату, Базыма встал из-за стола, шагнул навстречу, вытянулся и, приложив руку к козырьку, бодро доложил:

— Товарищ руководитель учения! За время вашего отсутствия никаких происшествий не случилось. Учение развивается согласно разработанному нами плану. В семь ноль ноль обе стороны заняли исходные позиции.

Руднев дружески улыбнулся, глядя в приятное, гладко выбритое лицо Базымы, которому очки и маленькие, чуть рыжеватые усики-мотыльки придавали какую-то

особую чеховскую интеллигентность. «Молодец, старина! Хорошо докладывает, совсем по-уставному. И оделся соответственно обстановке...» — с удовольствием подумал Руднев.

— Командующие обеих сторон спрашивают,— чуть понизив голос, продолжал между тем Базыма,— будут ли какие-нибудь дополнительные указания в связи с изменением погоды?

Руднев перехватил его взгляд, обращенный к заплаканному окошку, сразу поняв, каких «указаний» ожидают командующие обеими сторонами. Но он все еще не хотел допускать мысли об отмене учения.

— Вольно, Григорий Яковлевич! — Семен Васильевич протянул ему по-дружески руку. Затем, сняв с себя брезентовую накидку, повесил ее на вешалку у двери.— Это хорошо, что все вовремя заняли исходные позиции. Значит, не подвели! Не испугались дождя!..

— Да, чуть было не забыл,— спохватился Базыма.— Перед вашим приходом звонили дежурные по танковой части из Сум и по авиаучилищу из Конотопа...

Руднев, будто его ударило током, быстро повернулся и шагнул вперед. В глазах его были одновременно и надежда, и скрытая тревога: от танкистов и летчиков зависело многое. Если они будут участвовать в учениях, ребятам не страшен никакой дождь.

— Доложили оба, что не смогут принять участия в нашем учении.

— Я так и думал!..— Руднев с досадой рубанул воздух ладонью.— Тоже мне... испугались дождя. Значит, в дождь они воевать не намерены.

Скрестив руки на груди, Руднев прошелся по комнате; потом остановился у окна, поглядел на пузырящиеся дождевые капли в лужицах и снова повернулся к Базыме.

— Что же будем делать, Григорий Яковлевич? Дождь не прекращается. Итак: если летчики и танкисты отказались «воевать» в дождь, то, может быть, хоть попробуем провести учение с ребятами?

Григорий Яковлевич неопределенно двинул плечами. Затем, глядя сквозь стекла очков на Руднева, заметил неторопливо:

— В такую погоду, Семен Васильевич, и пехоте будет трудно действовать. Не только танкам!..

— Короче говоря, ты предлагаешь отменить учение?

— Да, Семен Васильевич. Дождь льет уже больше трех часов. Земля превратилась в месиво. Какое же это учение, когда грязь по колено?

— Может, ты и прав,— после минутного молчания согласился Руднев. Но тут же добавил:— И все-таки, давай еще подождем до девяти ноль-ноль. Если дождь не перестанет, тогда... отменим.

— Хорошо,— согласился Базыма.

И сев за стол, опять принялся что-то записывать в свой «судовой журнал».

А Руднев, расстроенный срывом учения, зашагал по комнате, кляня в душе погоду, которая поломала все его планы... Вдруг до его слуха донесся слабый шум мотора. «Машина первого секретаря райкома партии,— сразу определил он.— Неужели приехал узнать, как обстоят дела с учением? С ним все и решим...»

Вслед за шумом автомобильного мотора в коридоре послышались торопливые шаги целой группы людей.

«Что бы это могло быть? Делегация? Или гости нагрянули в район? — строил Руднев догадки.— Пойду-ка я гляну, что там за народ? Заодно и посоветуюсь с первым секретарем».

С этими мыслями он и направился в приемную. Она была уже полна народу. Семен Васильевич сразу определил, что гостей нет, одни свои: секретари путивльского райкома, председатели районного и городского Советов депутатов трудящихся... Лица у всех были сосредоточенные, суровые.

«Что-то стряслось!..» — мелькнуло в голове Руднева.

Открыв дверь своего кабинета, первый секретарь жестом пригласил всех к себе. Потом, увидев Руднева, протянул и ему руку.

— Здравствуйте. Хорошо, что зашли.

— Я был здесь. Услышал, что вы приехали, и решил посоветоваться, как быть с начавшимся учением в связи с переменой погоды...— начал Семен Васильевич.

— Садитесь, товарищ Руднев,— секретарь показал ему на свободный стул.— Потом об учениях... Сейчас у нас дела поважнее! — И быстро направился к своему столу.

Когда все уселись, он обвел собравшихся каким-то беглым, необычно тревожным взглядом и начал приглушенным, чуть дрогнувшим голосом:

— Товарищи! Началась война с Германией!

Наступила полная тишина. Все сидели, затаив дыхание. Кое у кого даже появилась на лбу испарина.

— Сегодня в четыре часа тридцать минут,— продолжал первый секретарь,— немецкие войска без всякого предупреждения начали наступление по всей западной границе от Балтийского до Черного моря.

«Вот мерзавцы!..— хотелось крикнуть Рудневу. Но он только молча стукнул кулаком по коленке. Потом вспомнил о своих маневрах.— Так вот почему танкисты и летчики отказались от участия в нашем учении!..»

— Уже получен мобилизационный план нашего военного командования,— продолжал первый секретарь.— В двенадцать ноль-ноль по радио будет выступать товарищ Молотов. Он скажет обо всем...

С минуту в кабинете стояла мертвая тишина.

Молчал и Руднев. Он, как всегда, старался сначала сам разобраться во всем, что произошло. «Да, кажется, на этот раз драка будет намного серьезней, чем с японцами на Халхин-Голе в тридцать девятом году или с белофиннами — в сороковом...»

И глядя, как по оконному стеклу скатываются дождевые капли, вспомнил, что в поле мокнут, ожидая дальнейших указаний, участники осоавиахимовского учения — тысячи парней и девушек.

Попросив разрешения у секретаря райкома, Руднев поспешил к Базыме.

Тот по-прежнему сидел за столом возле молчавшего телефона, что-то записывая в свой «судовой журнал».

— Григорий Яковлевич,— открыв дверь, сказал прямо с порога Руднев.— Позвони, пожалуйста, нашим командующим и сыграй отбой!

— Что-нибудь случилось? — удивился Базыма.

— Да... Началась война!

Базыма так и застыл, не дотянувшись рукой до телефонного аппарата.

— На нас напала Германия!.. В общем, звони всем, скомандуй отбой! Не до игры сейчас. Пусть люди не мокнут зря.— И, пожав Базыме руку, Руднев снял с вешалки свою брезентовую накидку и поспешил обратно в кабинет первого секретаря, добавил на ходу: — В двенадцать часов по радио будет выступать Молотов!..

Вернувшись на свое место и вслушиваясь в разговор членов бюро, Руднев сказал себе: «Да, сейчас, когда Родина в опасности, мое место — на фронте. Именно там я, кадровый армейский политработник, принесу больше пользы. Ведь у меня за плечами немалый военный опыт. Опыт, которого так не хватает сегодня многим из нашего командного состава... Да, именно опыта им не хватает сейчас! — повторил он мысленно, глянув в глаза секретаря райкома.— А борьба, по всему видно, будет нелегкая... Впрочем, а когда же собственно нам было легко?!»

И ему вдруг вспомнилась лунная апрельская ночь семнадцатого года в Петрограде — решающая в его жизни ночь, когда он семнадцатилетним парнем*, с винтовкой за плечом, вместе со своими боевыми побратимами, рабочими Русско-Балтийского вагонного завода шагал к Финляндскому вокзалу. Разве ждали они, что борьба за новую жизнь будет легка?.. Но вот на перрон вышел простой, такой дорогой всем Ильич; с помощью рабочих быстро взобрался на броневик, окруженный со всех сторон несокрушимой стеной вооруженных солдат и матросов, и, обращаясь к каждому, произнес свою знаменитую речь, ставшую затем боевой программой революции.

Разве легко было Семену Рудневу и всем, кто в темную холодную октябрьскую ночь того же семнадцатого года, под свинцовым ливнем юнкеров, засевших во дворце, решились штурмовать Зимний? Ведь юнкера сидели там, как в крепости! И патронов они не жалели: поливали атакующих из пулеметов. Но ничто не смогло остановить революционный народ! Взяли Зимний. Арестовали укрывшееся в нем Временное правительство...

Или, может быть, в бою под Пулковым было легче, когда малочисленным, слабо вооруженным революционным отрядам надо было любой ценой остановить корниловские казачьи полки, рвущиеся в красный Питер, чтоб потопить в крови революцию?.. Тогда, в бою, на юного, еще по-девичьи тонкого Семена Руднева коршуном бросился с лошади огромный казак; Руднев успел первым

---

* С. В. Руднев родился в 1900 г. Но при получении паспорта вынужден был прибавить себе год, чтобы поступить на работу.— Прим. авт.

выбить из рук врага клинок. Вцепившись друг в друга, они покатились клубком по земле. Дважды Сене удалось вывернуться из-под жилистого, верткого казачины. Но силы были не равны. Верзила снова подмял под себя паренька и схватил его за горло здоровенными ручищами. У Сени уже перехватило дыхание, потемнело в глазах... «Хорошо, что на помощь подоспел друг, с которым вместе штурмовали Зимний — Виталий Примаков! Эх, Виталий, спасибо, вовремя опустил ты свой приклад на голову беляка. А то ведь мог бы стервец задушить...»

И не столько сама мысль о смерти испугала тогда Руднева, а боязнь, что вражья сила помешает главному в его жизни, тому, что для Руднева олицетворялось в Ленине, в Ильиче, с которым он встретился вскоре после жаркого боя в Пулково.

Отряд рабочих Русско-Балтийского авиационного завода, в котором сражался Семен Руднев, направили на охрану Смольного. И вот ночью, едва Руднев заступил на пост у двери с табличкой № 67, перед ним неожиданно появился Владимир Ильич Ленин. Спросил, не тяжело ли ему, такому молодому, дежурить в столь поздний час... «С тех пор уже прошло двадцать четыре года, а я помню каждое слово,— поразился Семен Васильевич.— И то, какой у него был грустный и проницательный взгляд, когда он сказал, что сохранить завоевания революции намного трудней, чем совершить ее!..»

А разве легко было им весной восемнадцатого года, когда Руднев, восемнадцатилетний коммунист, и такие же, как он, парни 1-го Выборгского революционного отряда вели ожесточенные бои за освобождение Украины от войск кайзера Вильгельма и погромщика Петлюры, с его предательской «Центральной радой»?.. Или в девятнадцатом году, когда шли кровопролитные оборонительные сражения с рвавшимися к Москве полчищами генерала Деникина — оплотом всей внутренней контрреволюции и интервенции?

Куда только не бросала военная судьба Семена Руднева в те тяжкие для молодой Советской республики дни!.. Сражался он под Донецком, под Старым и Новым Осколом. Стоял насмерть под Курском, Орлом и Кромами... Около пяти лет прошагал он с винтовкой по дорогам революции.

Да и после освобождения Донбасса от деникинцев, когда начали восстанавливать разрушенный войной угольный бассейн, было нелегко! Все приходилось делать вручную, жили впроголодь. К тому же и контрреволюция все еще продолжала сопротивляться... «Просто чудо, что мне в это опасное, тяжкое время вдруг так чертовски повезло!» — с теплотой вспомнил Семен Васильевич весну двадцатого года, когда он, работая инспектором политотдела трудармии Юго-Западного фронта, встретил в Кадиевке молодую учительницу-комсомолку, Домникию — свою Ньому...

Жизнь, после долгих лет непрерывной борьбы и разрухи, стала постепенно налаживаться. Руднев знал, что такое любовь, семья, счастье. Но личное счастье для Руднева и его поколения было неотъемлемо от счастья Родины. И мирная армейская жизнь или, точнее говоря, армейская политработа, где главным оружием Семена Васильевича было острое, как клинок, и меткое, как пуля, слово, требовала от него полной самоотдачи.

Началась эта мирная политработа для Руднева с того дня, когда его из трудармии перевели в регулярную Красную Армию, в легендарную 15-ю Сивашскую стрелковую дивизию помощником военкома полка в город Николаев, а потом — в Херсон.

Казалось бы, наступило такое счастливое время: мир, хорошая семья, увлекательная учеба. А впереди — четко определившийся путь... И вдруг — трагический удар: смерть самого дорогого для всех советских людей человека — Владимира Ильича Ленина!.. А для Семена Руднева тот день оказался тяжким вдвойне. В ту пору получил он из родной деревни Моисеевки, что затерялась в снегах где-то под Путивлем, весть о смерти отца. После траурного митинга в части Руднев, придя домой, обнял младшего, четырнадцатилетнего братишку Костю, который вот уже несколько месяцев гостил в молодой семье Семена Васильевича и, не скрывая слез, сказал:

— Все советские люди осиротели сегодня... А мы с тобой, Костик, осиротели вдвойне: умер и наш отец.

Тяжко переживали это горе. И все же — пережили. Жизнь шла дальше, вперед...

Учиться в Военно-политической академии, которая в те годы находилась еще в Ленинграде, Рудневу было

интересно, но порою и очень не просто! Словно на клинках схватывались тогда в спорах недавние боевые друзья. В этих спорах Руднев часто вспоминал ленинские слова о том, как трудно сохранить подлинные завоевания революции.

Но вот уже и годы учебы остались позади. Севастополь, куда направили Руднева на должность военкома артполка, его первая после академии, настоящая, масштабная самостоятельная политическая работа. Молодая страна Советов росла и мужала в капиталистическом окружении: империалисты сколачивали агрессивные блоки, готовили армии для нового вторжения, и надо было как можно быстрее построить на нашей границе мощные оборонительные сооружения. Все это начиналось с азов. И во всем молодой политработник Руднев должен был являться образцом, примером для коллектива...

А когда все самое трудное по строительству укреплений в Севастополе осталось позади, Руднева направили на Дальний Восток: сначала комиссаром артбригады во Владивосток, а через полгода — комиссаром и начальником политотдела военно-строительной бригады. Снова, еще в более трудных условиях Рудневу пришлось начинать все сначала.

Полковой комиссар воодушевлял громадный коллектив строителей, возводивших фортификационные сооружения, чтобы сделать недоступным для врага «нашинский», как говорил Ленин, Дальний Восток, на который тогда с яростью точили зубы и Чан Кай-ши, и японские милитаристы...

Надо было не только строить укрепления, но и охранять границу от частых набегов врага. К тому же строить приходилось все вручную. И очень быстро. Поэтому трудились сообща и солдаты, и командиры, и их жены.

Ньоме с двумя ребятишками приходилось нелегко. Но она успевала думать не только о семье, но и о тех, кому посвящена была жизнь мужа — о солдатах, несших нелегкую свою службу, чтобы спокойно жилось и работалось всей стране.

У жены комиссара — как ни у кого в их военном округе — была образцово поставлена работа в красно-

армейской библиотеке. И самодеятельность она умела организовать, и стирку белья для личного состава, и закатить праздничный обед на всех военнослужащих части, подняв на это доброе товарищеское дело соседок — таких же, как она, командирских жен. Бывало, женщины лепили тысячи пельменей для красноармейского общего котла, и какой веселой казалась эта работа!..

А коллективная новогодняя елка? Своей, на всю жизнь родной, та дальневосточная — первая гарнизонная елка вошла в сознание всей семьи Рудневых потому, что сыновья вместе с отцом выбирали нарядное деревцо для всех ребят военгородка. «Напрасно некоторые наши командиры ополчились против новогодней елки. Владимир Ильич никогда не считал новогоднюю детскую елку предрассудком. Он даже встречал Новый год вместе с ребятами. Это общеизвестно!..» — доказывал тогда Руднев.

Собственно, это с них, с Рудневых, Семена Васильевича и его приветливой кареглазой Ньомы, ее подруги Валентины Хетагуровой и других командирских жен, и началось знаменитое патриотическое движение женщин, прогремевшее на всю страну и названное затем «Хетагуровским», так как о патриотическом начинании женщин-дальневосточниц отчитывалась перед советским правительством в Кремле боевая Валя Хетагурова — одна из активисток.

Для Руднева главным в жизни был не личный успех, не собственная слава, а ощутимый для всех результат общего дела.

Там, в гарнизоне довелось комиссару Рудневу познакомиться и с такими замечательными, государственного масштаба людьми, как маршал Василий Константинович Блюхер. Руднев восхищался военным талантом маршала Блюхера, начавшего свой путь с рядового бойца. Старался, насколько возможно, учиться у него, легендарного героя гражданской войны, науке побеждать врага «малой кровью», то есть щадя своих солдат и нанося максимальный урон врагу. Этот удивительный боевой опыт дала крупнейшим советским полководцам гражданская война, с ее подлинно новаторскими, партизанскими методами...

Председатель горисполкома Сидор Артемович Ковпак, уже седоватый, с небольшой остренькой бородкой, доброжелательно протянул свою твердую, грубоватую руку с перебитыми еще на гражданской войне двумя пальцами.

— Значить, в запас тэпэр? — понимающе спросил он; хотя видел Семена Васильевича впервые, но семью Рудневых он знал хорошо, особенно Василия Васильевича.

— Не люблю я в запасных игроках ходить,— ответил вроде шутя Руднев.

Ковпак одобрительно кивнул головой.

— Верно говоришь. Без роботы нэльзя.— И с интересом вглядываясь в энергичное, дышащее молодым задором лицо Семена Васильевича, откровенно спросил:

— Ищешь дело для души... Так кажи прямо: яка робота тоби по сэрцю?

— Куда партия пошлет, туда и пойду,— спокойно ответил Руднев.

Ковпак посмотрел ему прямо в глаза:

— Председателем районного совета Осоавиахима пойдешь работать?.. А то у нас некому обучать молодежь военному делу.

— В Осоавиахим?..— бывший полковой комиссар, уже не скрывая любопытства, посмотрел на этого откровенного и, видно, толкового человека, окруженного ореолом героя гражданской войны. Потом, протягивая Ковпаку свой заветный портсигар, немало поездивший по свету вместе с хозяином, сказал:

— Конечно, пойду, Сидор Артемович!.. Готов учить молодежь военному делу... если доверите, конечно. Это может еще нам пригодиться!..

На том и порешили.

Работал Руднев с душой. Вообще он не умел работать кое-как, равнодушно. Вскоре Путивльская организация Осоавиахима загремела на всю область, заняв первое место по оборонной работе. Созданы были новые для того времени военные кружки во всех школах — не только в городе, но и в дальних селах. В кружках этих готовили Ворошиловских стрелков и медсестер.

Тир, приборы, макеты, регулярные занятия и даже свои осоавиахимовские маневры — все это заставляло

молодежь жить какой-то новой, наполненной событиями жизнью.

Военные игры — зимняя и летняя — придуманные Рудневым, запомнились жителям надолго, как яркий праздник. «Даже брали приступом снежный городок!..» — вспомнил сейчас Руднев.

Но как далеко унесли его все эти мысли от того, что происходило сегодня — 22 июня сорок первого года — в кабинете секретаря райкома!..

Вдруг раздался знакомый короткий щелчок — включили радиоприемник.

Тревожный гул голосов сразу оборвался. Все как по команде повернули головы к приемнику и застыли в ожидании. Из динамика, нарастая, донеслась музыка военного марша. Затем голос диктора объявил о выступлении заместителя председателя Совета народных комиссаров и наркома иностранных дел Союза ССР Молотова.

«Вот это правильно! — подумал Семен Васильевич.— Надо сразу сказать народу единую правительственную точку зрения по такому важнейшему событию, как начало войны, чтоб исключить любые кривотолки...»

От имени Советского правительства Молотов обращался к народу с заявлением, в котором излагал обстоятельства вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. В заявлении указывалось, что агрессия совершена несмотря на договор о ненападении и на миролюбивую позицию Советского Союза; что эта война навязана нам не немецким народом, а кликой кровожадных правителей гитлеровской Германии, уже поработивших почти всю Западную Европу, и у советского народа остается один выход — вступить в смертельную схватку с врагом. Правительство призывало наши вооруженные силы самоотверженно сражаться с фашистскими захватчиками, а народ — теснее сплотиться вокруг своей партии и героическим трудом обеспечить победу армии и флота над врагом. Заявление заканчивалось словами, ставшими потом лозунгом советского народа: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

— Ну вот, товарищи,— обращаясь к присутствующим, сказал первый секретарь, выключив приемник.— Теперь обстановка всем ясна?

— Да уж куда яснее! — ответил за всех Руднев.

— Тогда все свободны! — сказал первый секретарь, поднимаясь с кресла. И, нахмурив брови, добавил:— Завтра, видимо, нам придется провести внеочередное заседание бюро райкома. Наметим план дальнейших мероприятий. Поэтому еще раз прошу всех: хорошо подумать о новых предложениях!..

Дождь лил по-прежнему. Руднев поспешил домой. Он представлял себе, как будет переживать Ньома, узнав о случившемся. «Она ведь сразу поймет, что я уйду, должен добровольно уйти; а значит, нам снова придется расстаться!.. Она, бедная, больше всего на свете боится расставаний, боится потерять меня».

И он продолжал напряженно думать, какие найти слова, чтобы утешить ее. «Да как же я забыл, что у нас вчера перестал работать радиоприемник?! — спохватился он.— Пожалуй, это даже к лучшему. Я сам сообщу ей о войне и, по возможности, успокою»,— решил он, подходя к дому.

Но как только Семен Васильевич вошел в комнату и увидел бледное, заплаканное лицо жены и расширенные глаза сыновей, которые, тесно прижавшись к матери, сидели на диване, он сразу понял: «Уже все знают».

Домникия Даниловна бросилась к мужу на шею, с трудом сдерживая слезы.

— Успокойся, Ньома! Ничего страшного пока не произошло,— стал он утешать жену, гладя ее по плечу.— Нам ведь не привыкать: придется теперь проучить и немецких фашистов, как проучили японских самураев у озера Хасан...

— Нет, Сеня,— возразила жена почти шепотом,— это — не Хасан! Это — намного страшнее. Я слушала у соседей выступление Молотова по радио и все поняла...— Она подняла на мужа испуганные глаза.— Что же теперь будет?.. Опять ты, я это знаю точно, уйдешь!..

— Правильно, Ньомочка, уйду. Я солдат партии Ленина, я кадровый военный!.. И когда над Родиной нависла смертельная опасность, мое место — в армии. Я должен вести в бой солдат, защищать свое Отечество!

И не желая при детях продолжать этот тяжелый для обоих разговор, Семен Васильевич вдруг предложил ободряющим тоном:

— А знаете, друзья мои, давайте мы сейчас, всем домашним гарнизоном, сходим в гости к дяде Василию. Как, согласны?

— Пойдем! — ответили оба сына, вскочив с дивана.

— Ну вот и прекрасно! — Он с благодарностью посмотрел на них и тут же, повернувшись к жене, весело скомандовал: — Мать, собирайся в гости к старшому!..

Уж так повелось в большой и дружной семье Рудневых, что в самые ответственные, самые решительные минуты жизни все, не сговариваясь, шли за советом к старому большевику-ленинцу, Василию, авторитет которого был чрезвычайно велик.

Василий Васильевич стоял у этажерки, опираясь на массивную узловатую палку, без которой не мог ходить, так как еще в гражданскую войну в бою с деникинцами получил тяжелое ранение в ногу. Забрав кипу газет, он направился к столу, стоявшему у самого окна.

— Можно к вам? — шире распахнув дверь и вытирая сапоги о маленький половичок, спросил Семен Васильевич.— Здравствуйте!

— Здравствуйте, дорогие! — первой отозвалась хозяйка дома, Розалия Михайловна.— Я знала, что вы придете к нам!

Семен Васильевич подошел к брату.

— Так у тебя есть уже сегодняшняя «Правда»?!

— Не-ет! — Василий Васильевич безнадежно махнул рукой.— Сегодня, судя по всему, она выйдет поздно. Хоть бы к вечеру получить.

Тихо, стараясь не мешать разговору мужчин, Домникия Даниловна с детьми устроились на диване, к ним вскоре подсела и хозяйка.

— Это я решил пока просмотреть старые газеты,— между тем объяснял Василий Васильевич брату.— Думаю, может, что-то пропустил? Не заметил чего-то важного?.. Ведь в последнее время отношения с Германией были вроде спокойные. И вдруг — война! Как-то непонятно...

— А что тут понимать? — гневно сказал Семен Васильевич, заложив правую руку за портупею.— Архиподло поступил Гитлер! Нанес внезапный удар!.. Ну ничего!.. Если Гитлеру оказалось недостаточно уроков истории, полученных его предшественниками, то Красная Армия хорошо проучит фашистов!

Семен Васильевич зашагал по комнате.

— Я уверен,— резко говорил он,— не сегодня-завтра наши войска перейдут в контрнаступление и начнут громить гитлеровские полчища на их же земле!..

— А по-моему, Сеня, ты все упрощаешь,— спокойно заметил Василий Васильевич: он был вообще хладнокровней брата. Да и опыт, пришедший с годами, сказывался.— Мне кажется, дела наши обстоят намного серьезнее! По-моему, ты все еще представляешь себе Германию такой, какой мы ее знали по гражданской войне, то есть во времена кайзера. А ведь сегодня это — совсем другое государство!..

Семен Васильевич, все это время энергично ходивший взад-вперед по комнате, вдруг остановился и посмотрел на брата так, будто увидел в нем что-то новое, незнакомое.

— Да, да, Сеня! Не смотри на меня так!.. Во-первых, Гитлер, начиная с тридцать шестого года, захватил почти всю Западную Европу, всю промышленность оккупированных стран, всю их военную технику.

Василий Васильевич в слове «во-первых» сделал неправильное ударение, на последнем слоге; и вся речь его изобиловала украинизмами. Но вместе с тем, Семен Васильевич не мог не отметить про себя логичности и жизненной правды в рассуждениях брата.

— Во-вторых,— продолжал Василий,— армия Гитлера получила огромный опыт ведения войны...

— Да, немцы действительно уже почти три года ведут войну,— согласился Семен Васильевич.— Но все равно мы проучим негодяев-фашистов. Все равно мы их разобьем!.. Хоть и трудно нам придется, но победа будет за нами!..

— В этом я тоже, Сеня, уверен,— горячо согласился с ним старший брат.

Женщины, молчавшие все это время, но внимательно слушавшие их разговор, выразительно переглянулись. И Роза, как старшая, обняв за плечи сидевшую рядом с ней расстроенную Ньому, увела ее на кухню, чтобы отвлечь хлопотами об обеде.

Юра вскочил и тоже побежал вслед за матерью. Только Радик, как взрослый, остался с мужчинами. Он не шевелясь, с напряженным вниманием вслушивался в разговор своего отца с дядей Василием.

— Знаешь, Вася,— продолжал Семен Васильевич,— когда я услышал о нападении Германии, первая моя мысль была, что сегодня, когда над Родиной нависла такая опасность, мое место — в армии! Ведь я — кадровый политработник, с военным опытом!.. Ты меня окончательно убедил: завтра же я должен поехать в Харьков, в штаб военного округа и просить о возвращении меня в кадры и направлении в действующую армию!

— Правильно, отец! — воскликнул Радик, молчавший до сих пор.— Я бы тоже так поступил на твоем месте.

— Спасибо, сынок,— ответил Руднев, с любовью посмотрев на сына.— А ты что скажешь на это, Василий?

— Думаю, что поступишь правильно. Сейчас твое место — в армии...

О многом переговорили в этот день два брата. И какого бы вопроса они ни касались, неизбежно возвращались к трагическим событиям, начавшимся сегодня на рассвете на западной границе. И всякий раз оба приходили к одному и тому же выводу: как бы ни была тяжела война, враг будет разбит, победа будет за нами!

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

На следующий день Руднев отправился в Харьков, в штаб военного округа. Полковой комиссар, пробежав глазами краткий, горячий, как клятва, рапорт Руднева откинулся на спинку кресла и после паузы произнес:

— Та-а-к... К сожалению, сам я не могу решить этого вопроса. Вам придется подождать часок, пока я доложу о вас начальству.

Спустя два часа Руднева принял начальник политуправления округа.

— Мы ознакомились с вашим рапортом, товарищ Руднев,—сказал он мягко и, как показалось Семену Васильевичу, благожелательно,— но к сожалению, вашу просьбу удовлетворить не сможем.

— Значит, не справляюсь,— воскликнул Руднев.

— Что вы? Как вы могли так подумать?— ответил генерал с укоризной.— Мы бы с удовольствием, хоть сегодня, вернули бы вас в кадры. Нам вы очень нужны. Но из ЦК партии Украины поступила команда: вам следует оставаться на месте и продолжать работать в Осоавиахиме, готовить молодежь. Там вы сейчас нужнее!

На этом разговор окончился.

Руднев ушел. Многое передумал Семен Васильевич, пока возвращался в свой родной Путивль...

По мере того как над районом нависала угроза вражеской оккупации, а учеба в Путивльском Осоавиахиме принимала все более активный и суровый характер, Руднев все более убеждался, что нужен здесь.

С первых дней войны на базе районного осоавиахимовского клуба был создан истребительный батальон. Командиром его стал, разумеется, сам Руднев. А начальником штаба назначили члена районного комитета Осоавиахима, верного помощника Семена Васильевича — Григория Яковлевича Базыму. Коммунист с большим стажем, он участвовал в годы гражданской войны в ликвидации банд Зеленого под Киевом.

Базыме исполнилось уже 53 года, и мобилизации он, разумеется не подлежал. Но желание Григория Яковлевича остаться в тылу врага, чтобы вместе с Рудневым поднимать народ на борьбу, совпало с планами райкома партии.

Без устали тренируя и обучая молодежь, Руднев везде был вместе с этими ребятами, которых знал, как своего родного сына Радика. Занятия проводили днем и ночью, в любое ненастье.

Подрывное дело Семен Васильевич досконально изучил еще в тридцатые годы, в специальной партизанской школе. И верный своему неизменному железному правилу, он показывал самое трудное лично: быстро закладывал аммонал под рельс, вставлял взрыватель, потом ловко привязывал к кольцу чеки шнур и, отойдя на безопасное расстояние, выдергивал чеку...

Наряду с ребятами-допризывниками теперь в так называемом истребительном батальоне проходили стажировку и военнообязанные, отобранные райкомом партии люди.

Всего в истребительном батальоне Руднева было сорок пять человек, большинство — молодежь, то есть комсомольцы. Жили пока по домам, чтобы ничем не привлечь постороннего внимания.

Собирались, когда надо, по удару колокола, вроде продолжая прерванные занятия. А потом перешли на казарменное положение. Днем и ночью охраняли мосты, почту, телеграф, подступы к городу, так как в любое время можно было ожидать вражеского воздушного десанта.

Спокойные ночи выдавались не часто. Но такой напряженной жизнью жил весь район.

В первых числах августа фронт уже приблизился к путивльской земле настолько, что пришлось принять ряд конкретных мер на случай вражеской оккупации.

Коммунисты и комсомольцы всем сердцем восприняли слова из обращения Сталина, который призвал советский народ создавать в занятых врагом районах партизанские отряды и наносить любыми средствами урон ненавистным захватчикам.

Вопрос о том, каков призывной возраст старых большевиков, даже не дискутировался. Многие «старики», ветераны войны и труда вслед за председателем Путивльского горисполкома Ковпаком и председателем районного совета Осоавиахима Рудневым готовы были пойти в партизаны, веря в их храбрость и боевой опыт.

Бюро райкома партии по рекомендации Сумского обкома вынесло решение: соблюдая строжайшую конспирацию, создать из партийного и советского актива путивлян, а также из личного состава истребительного батальона, организованного при районном совете Осоавиахима, четыре партизанских отряда: на базе урочища Спадщина, в Новослободском и Казенном лесах и в большом, затерявшемся в лесной чащобе, селе Литвиновичи. Словом, сплести партизанскую сеть вокруг Путивля.

Командиром отряда, которому предстояло базироваться в Спадщанском урочище, обком партии назначил Ковпака. В Новослободском лесу должен был обосноваться отряд Руднева.

По-хозяйски, с расчетом на долгую упорную борьбу начали закладывать партизанские базы.

В нескольких мастерских городка и даже в МТС срочно делали походные котелки, ведра, баки для приготовления пищи. Шилось днем и ночью добротное обмундирование: ватные куртки и брюки, сапоги, теплые солдатские шапки-ушанки, грубое прочное белье, крепкие рабочие рукавицы. В колхозах по заготовительной цене закупались продукты: масло, колбаса, варенье, крупа. И наконец партизанский глубоко законспирированный актив раздобыл самое ценное для того времени и тех условий — взрывчатку!..

Чтобы не привлекать излишнего внимания любопытных, будущие партизаны работали под видом шефской помощи, которую тогда нередко оказывали нашим армейским частям советские люди на самых различных предприятиях.

Все имущество для создаваемых отрядов прятали в лесу, в хорошо замаскированных ямах-хранилищах.

28 августа фронт почти вплотную приблизился к Путивлю. Началась спешная эвакуация. Партизанские руководители, урывая считанные минуты, торопились попрощаться с семьями, которые тут же садились в повозки и, вздымая пыль на проселочной дороге, катили на восток...

Руднев не успел эвакуировать Домникию Даниловну с Юрой: все силы и помыслы его были отданы делу. И Домникия Даниловна, многое повидавшая на своем недолгом веку, осталась в Путивле на свой страх и риск. Она верила прежде всего в порядочность окружающих людей, знавших, любивших, уважавших ее мужа.

Шестнадцатилетний Радик решил тоже идти в партизанский отряд. Он даже на всякий случай объяснил всем, что в метрике его — ужасная, роковая ошибка и что, на самом деле, он старше на год.

Отец посмеивался, довольный сыном:

— Это хорошо, Ньома, когда человек хочет Родине служить! Не беда, что Радик еще молодой. Я тоже спешил стать взрослым...

А Путивль между тем превратился уже в прифронтовой город. И близость регулярных войск, родной Красной Армии, где у каждого служили сейчас сыновья, братья или отцы, придавала особое настроение жителям древнего белокаменного городка: торжественное и грустное одновременно, как бывает перед прощанием...

В Конотопе — рукой подать — уже шли упорные бои у городской черты.

6 сентября, после тщательного отбора, двадцать восемь путивльских «ястребков», как любовно называли в городе бойцов истребительного батальона, были вызваны в райком партии и прямо оттуда командированы в обком — в Сумы на двух грузовиках-полуторках. Там, в областном центре, этой группе дали провожатого и отправили в лес.

В лесу под Сумами собрались и другие группы из соседних районов. Молодых бойцов (а добровольцев становилось все больше) учили, где и как применять взрывчатку, устраивать диверсии.

То были краткосрочные трехдневные курсы, которые экстренно собрали работники ЦК Компартии Украины и секретарь обкома товарищ Иванов.

Руднев, проводя показательные занятия, и тут старался все делать своими руками. Получалось это у него очень легко, просто и красиво. Такая простота порождала уверенность в собственных силах и у остальных бойцов.

9 сентября в Сумах секретарь обкома Иванов, испытывающе оглядев личный состав «трехдневной академии» будущих партизан, сказал:

— Ну что ж, товарищи?.. Молниеносная учеба наша, а точнее просто установочный семинар исчерпался тремя вопросами. Первое — организация партийно-политической работы на захваченной врагом территории. Второе — осуществление связи с местным населением. Третье и самое главное — диверсии в тылу врага.

Тут был почти весь партийно-хозяйственный актив ближайших районов. Неустанные труженики, создававшие когда-то первые колхозы, совхозы и МТС, затаив дыхание, слушали секретаря обкома и товарища из ЦК КП(б)У о том, как надлежит взрывать, сжигать уничтожать все, чтобы сама земля горела под ногами у фашистских захватчиков...

Руднев, по старой, «кадровой» армейской привычке к неукоснительной точности хотел было записать в блокнот по пунктам все самое главное, что следовало немедленно принять к исполнению. Но, тщательно выведя под номером первым слова: «Организация партийно-политической работы на захваченной врагом

территории», невесело усмехнулся своим мыслям. «О нашей партизанской борьбе,— сказал себе он, — когда-нибудь, быть может, напишут целые тома. Но пока что передо мной чистый, нетронутый лист бумаги. Неизведанный путь!.. И самое сложное здесь — человек. Ибо сделать так, чтобы героизм стал нормой поведения — куда труднее, чем научить, как незаметно подкрасться к железнодорожному полотну и взорвать рельсы!..»

Решением бюро обкома Руднев со своей группой был командирован прямо с того совещания обратно в Путивльский район — уже через линию фронта, приблизившуюся к областному центру. Линия эта проходила тогда как раз по левому берегу реки Сейм.

На двух полуторках поехал Руднев со своими людьми в Новослободский лес, имея в запасе около 200 килограммов тола, около сотни бутылок с зажигательной смесью и несколько старых, еще времен гражданской войны, трофейных английских винтовок. Были и патроны, но к этим винтовкам они не подходили. Правда, в порядке компенсации, группе дали по две гранаты на человека, да один ППД — Рудневу персонально, как командиру.

Из Сум поехали по дороге, ведущей на Белополье. Здесь Руднев зашел в милицию узнать обстановку. Ему сказали коротко и ясно:

— Путивль уже занят немцами!

Руднев на миг закрыл глаза. Представил себе: вместе с сумерками на путивльских старинных улочках, когда-то вымощенных камнем, который ушел теперь частично на противотанковые сооружения, появились первые вражеские солдаты...

— Что ж, бывает на войне и такое,— ответил спокойно Семен Васильевич, хотя привычный ворот гимнастерки стал ему странно тесен. Горло что-то сдавило.— Но еще будет и на нашей улице праздник!..

Переночевав в сарае, тут же рядом с милицией, группа Руднева двинулась рано утром дальше на Теткино, где занимала оборону по реке Сейм дивизия генерал-майора Чеснова.

Одну из своих машин будущие партизаны оставили здесь, у армейцев. А на другой поехали прямиком к своему Новослободскому лесу...

Лица у всех были тревожны, сосредоточенны. А когда за спинами рудневских «ястребков» чесновцы взорвали мост на реке Сейм, чтобы этой переправой не смог воспользоваться враг, у всех защемило сердце.

— Теперь мы в полном смысле слова сожгли за собой мосты! — сказал Руднев.— Мы находимся уже в тылу врага. Друзья, наступил самый трудный, самый отчаянный период в истории партизанской борьбы. Никто толком не знает: что делать, с чего начинать и как?..

Руднев говорил о том, что каждый начинает эту борьбу как умеет, как может,— словом, как подсказывают ему его опыт и совесть. А она — настоящая, взыскательная, неусыпная партийная совесть рождает мужество, которое преодолеет и горечь утрат, и чувство безнадежности, охватывающее подчас и хороших, честных людей. И происходит это сейчас потому, что к такой народной, партизанской войне все они не готовились и, следовательно, не знают, как же ее по-настоящему развернуть на оккупированной врагом территории.

Но Руднев был одним из тех немногих, кто лучше других понимал, что надо делать: он опирался не только на свой боевой опыт, приобретенный им еще в годы революционного подполья и гражданской войны, но и на те бесценные сейчас знания, которые он получил в специальной партизанской школе в начале тридцатых годов.

— Вот теперь мы с вами из «кандидатов в партизаны» должны стать настоящими партизанами! — сказал в заключение Руднев своим бойцам.— Я верю в вас, друзья мои! Пусть вас не смущает, что наш отряд пока невелик. Самые могучие реки начинаются с небольших ручейков. Как только мы начнем громить врага, наши ряды пополнятся! Главное в любом деле — начать... и кончить победой, друзья! Так что работенка предстоит нам немалая.

Кто-то весело рассмеялся, отзываясь на шутку. Люди постепенно привыкали к новой, необычной обстановке.

В Новослободском лесу спрятали тол и другое военное имущество. Потом решили понаблюдать за ближним шляхом.

Но когда партизаны наведались на свою базу, она оказалась уже разграбленной. Все, что им было необходимо на время долгой, тяжкой борьбы, увезли гитлеровцы. Деваться было некуда, обращаться за помощью не к кому: в ближайшем населенном пункте, Слободе, уже хозяйничали немцы.

Ночью Руднев послал одного человека в деревню Калищи, где еще не было противника, и к утру отряд имел шесть буханок хлеба. Потом раздобыли у лесника и картошки. Все повеселели, да ненадолго. Еда нужна была каждый день!

Кто-то вспомнил о старом монастыре, где до войны находился детский дом. Разумеется, детдом этот эвакуировали, но кое-что из провизии там могло остаться: всего в дорогу не возьмешь!.. Партизаны решили заглянуть в монастырь. И кое-что нашли там.

Довольствоваться приходилось крохами. Жили впроголодь, ночевали в лесу.

Так продолжалось несколько суток. А потом кто-то спросил:

— Чего мы здесь сидим? Кому мы этим поможем? Все равно все помрем!.. С голыми руками против такой силищи идти? Да он, Гитлер, пол-Европы уже подмял...

Этот унылый, надломленный отчаянием голос показался Рудневу странно знакомым, нечто подобное он уже слышал давным-давно. И вглядываясь в пригашенные холодной тоской глаза бесконечно усталого, голодного человека Руднев сказал:

— А я верю в конечную победу нашего святого дела, в победу партии большевиков и всего советского народа над фашизмом так же непреклонно, как тогда, когда шел с Выборгской стороны на Литейный мост штурмовать Зимний!.. Ну, а если на пути к нашей победе над захватчиками у нас с вами возникнут большие, даже очень большие трудности, что поделаешь? На то мы и солдаты, обязаны выстоять.

Он сделал паузу, затем сказал, уже другим, строгим голосом:

— Запомните твердо, друзья: тех, кому стало страшно в фашистском тылу, мы не будем корить и наказывать, потому что не каждый способен бороться в таких специфических условиях — на оккупированной территории. Однако свой патриотический долг обязан выполнить любой гражданин! Поэтому тех, кто боится партизанить, я предлагаю отправить обратно через линию фронта, в ближайшую воинскую часть. Посоветуйтесь с вашей совестью...

И шесть человек, включая больных, отсеялись сразу.

Остальные двадцать два решили твердо: партизанить в Новослободском лесу.

Между тем Ковпак, не ездивший на установочный партизанский семинар в Сумы, был в Путивле, когда немцы подошли вплотную к городу.

Сидор Артемович до последней минуты оставался в исполкоме — это была его «штаб-квартира». Отсюда, дождавшись сумерек, перешел он в городской парк, удобный для обороны.

От фашистов группу Ковпака отделял всего один квартал.

Теперь надо было спешить, так как оставался свободным лишь семикилометровый скрытный проход по заболоченному берегу Сейма.

Пробирался Ковпак со своей группой болотами. Никто партизан не видел. Казалось, то ветер шуршит камышом. Зыбкие стежки да кочки, на которых сам черт ногу сломит, партизаны знали наизусть благодаря Рудневу: это он проводил здесь занятия со своими осоавиахимовцами буквально в последние дни перед приходом врага.

Гитлеровцы, заметив подозрительное движение в камышах, открыли было минометный огонь. Но все обошлось благополучно.

По маршруту, намеченному загодя Рудневым, Ковпак добрался до цели, и наконец густой Спадщанский лес укрыл отряд.

Это живописное урочище находилось в междуречье Сейма и Клевени. Окаймленное полосой почти непроходимых болот, особенно опасных с наступле-

нием дождливой осени, оно могло служить надежным укрытием для партизан.

«А как же там сейчас наш Семен Васильевич?» — находясь в Спадщанском лесу, подумывал время от времени Ковпак, стараясь представить, что же творится у Руднева в Новослободском лесу...

Чувство локтя было необходимо старому вояке. Сама по себе мысль о боевых друзьях рождала надежды, а вместе с ними и тревоги за близких теперь вдвойне людей.

В ЕДИНЫЙ КУЛАК

В то же время Руднев сам думал о Ковпаке: «Как он там? Жив ли? Уцелели ли его базы?..» Чтобы получить ответ на все эти вопросы, Семен Васильевич решил послать своего связного к Ковпаку.

Но связного схватили фашисты. Это был мужественный партизан Коханов. Как потом стало известно в отряде, он вынес все пытки, не выдав никого, и был повешен.

Следующим вызвался идти в разведку Клопиков. Он вернулся через день, под вечер, и ошарашил всех страшным известием:

— Ковпака немцы уже поймали и повесили. Я своими глазами видел, как он там в Путивле, на площади висит!.. И все базы в Спадщанском лесу немцы уже понаходили! Честное слово, надежный человек рассказал. Можете мне плюнуть прямо в глаза, если я вру! — Он зачем-то вытер рукавом свое красное лицо и продолжал: — В Путивле почти двести тысяч гитлеровских солдат! Техники — чертова прорва!.. И везде спецчасти с овчарками, чтоб искать партизан!

— Сам ты — немецкая овчарка! — угрожающе сжав кулаки, кинулся к нему Николай Политуха, экономист райфинотдела, один из активистов Осоавиахима.

Руднев жестом остановил Политуху, хотя прекрасно понимал: в таком городке, как Путивль, с трудом разместятся даже двадцать тысяч солдат, а значит Клопиков либо струсил и не пошел в Путивль, либо лжет. Но верный правилу — убеждать людей не только словами, но и неопровержимыми фактами, Руднев сказал:

— Спокойно, товарищи!.. Хотя сведения эти очень похожи на провокацию, мы должны их проверить. А уж потом примем решение.

Понимая, что все это добром не кончится, Клопиков в ту же ночь сбежал. Предположения Руднева полностью подтвердились: Клопиков оказался трусом, а слухи ложными. Это отчасти успокоило партизан: значит, Ковпак жив. Но вместе с тем пришла и тревога: а что, если Клопиков не только паникер, но и предатель? Что, если он приведет карателей?

Рудневу и его ближайшим помощникам: Базыме, Пятышкину (тоже директору школы) и заведующему орготделом райкома партии Якову Григорьевичу Панину пришлось серьезно подумать, куда перебазироваться небольшому, почти совсем не вооруженному отряду. Но особенно беспокоила Семена Васильевича мысль, где же все-таки Ковпак.

Ответ на этот мучительный вопрос Руднев получил, встретив в лесу чесновцев, месяц назад державших оборону по реке Сейм. Знакомый Рудневу старший лейтенант сообщил, что в Спадщанском лесу они недавно видели отряд Ковпака.

— Мы решили пробираться на восток! — сказал старший лейтенант.— Чтобы продолжать сражаться на фронте.

— Правильно!..— согласился Руднев. Потом добавил: — Но ведь здесь, в тылу врага, можно тоже сражаться за Родину!..

Старший лейтенант ушел со своими красноармейцами на восток, пожелав партизанам боевой удачи. Но на следующий же день группа нарвалась на засаду и погибла. Погибла зря. А знай старший лейтенант, что на захваченной противником территории можно с успехом громить неприятеля, послушайся он Руднева, группа армейцев могла бы остаться в живых, да еще принести немалую пользу.

Оценив создавшееся положение, Руднев собрал своих людей и сказал:

— Итак, отряд Ковпака действует. Думаю, нам больше нет смысла оставаться в Новослободском лесу. Надо объединиться с Ковпаком! Это удвоит наши силы. Что вы скажете на это?..

Решили сразу уходить к Ковпаку. Имеющиеся взрывчатку, оружие и боеприпасы взять с собой.

Перед самым выходом неожиданно встретили в Новослободском лесу харьковских партизан под командованием Воронцова. Их было человек тридцать. Для того времени группа было хорошо вооружена, а главное, имела рацию, что чрезвычайно обрадовало Руднева. Воронцов тоже обрадовался этой встрече и охотно согласился уходить в Спадщанский лес вместе с группой Руднева.

Путь был не прост: продвигались в обход Путивля по осеннему бездорожью, выслав вперед разведку. И только через сутки добрались в Новую Шарповку, расположенную у северо-восточной опушки Спадщанского леса.

Здесь присоединился к Рудневу еще один небольшой отряд, под командованием Горбушко и Погорелова, тоже из-под Харькова и также со своей рацией.

Все партизаны — харьковские и сумские — чувствовали себя сейчас силой. Люди повеселели, перешучивались.

— Вот бы всегда так, в кулаке держаться! — поговаривали бойцы.

Из Шарповки на переговоры в Спадщанский лес, где базировались ковпаковцы, пошли Базыма и один из самых проверенных, надежных разведчиков — Бабинец, работник милиции.

Ковпак, разумеется, обрадовался встрече с обоими земляками, которых знал, «як облуплэных». Разговор был самый откровенный.

— Мы, Сидор Артемович, посоветовались со своими людьми и пришли к выводу, что для пользы дела нам надо объединить свои силы,— прямо сказал Базыма.

Ковпак тоже без всякой дипломатии ответил:

— Так переходьтэ в Спадщину. Подилымся з вами, чем богаты... и начнэм громыть фашистов вместе...

18 октября отряд Руднева вместе с харьковчанами прибыл в Спадщину, в лесную «штаб-квартиру» Ковпака, разместившуюся в землянке.

Бойцы обоих Путивльских отрядов обнимались, как братья после долгой разлуки.

Позаботившись о партизанах — и своих, и харьковских, Ковпак с Рудневым могли наконец вдоволь наговориться у печурки, согреть в откровенной беседе душу.

— Добрэ ты зробыв, Сэмэн, шо прийшов в Спадщину,— сказал Сидор Артемович, раскуривая толстую самокрутку и озорно поблескивая своими темными цыганскими глазами.

— Да, недаром говорят: одна головешка и в печи не горит, а две и в поле курятся! —ответил Семен Васильевич, возбужденно потирая руки.

— Точно! Трэба всим сусидним партизанам собраться в кулак. От тоди покажем фашистам! Поднимем настроение своему народу... А то дуже нагло брэшуть фашисты. Мои разведчики говорять: недавно в Путивле туш играли, будто в честь взятия Москвы немцами!.. Пустылы даже утку, шо и мэнэ вжэ повисылы. Это ж надо так брэхать?!

Ковпак даже сплюнул от возмущения. Потом, после паузы, добавил деловым тоном:

— Уже ко мне приходили из Глуховского отряда, от Кульбаки. И из Шалыгинского — от Саганюка и Матющенка!.. Ищут контактов. Цэ добрэ.

Все было за то, чтобы объединяться. Оставалось только решить вопрос: кто будет командир?

Семен Васильевич — сам кадровый военный — предложил:

— Сидор Артемович, вы командуйте нашими объединенными силами, а я буду комиссарить. Постараюсь быть вам хорошим помощником.

В пользу такого решения говорил не только партизанский опыт Ковпака. Придавая громадное значение политической, воспитательной работе, Руднев добавил:

— Если тактика наша в условиях вражеского тыла должна быть особой, специфичной, не армейской, то дисциплина и сознание наших бойцов-партизан должны быть особенно высоки, как в самой образцовой воинской части! Только такой отряд сможет стать полпредом советской, подлинно народной власти на оккупированной территории. Только к такому отряду будут тянуться все новые и новые патриотические силы!..

Начальником штаба объединенного отряда назначили Базыму. А его помощником по оперативной части — молодого инициативного лейтенанта Николая Курса, сумевшего еще в самые первые дни боевой деятельности ковпаковской группы обезвредить целое минное поле, на котором то и дело подрывался крестьянский скот, и использовать эти мины для партизанских диверсий.

Было проведено совещание приехавших на связь командиров групп — будущих отрядов из соседних районов. Началось оно ровно в полдень. Присутствовали на нем Ковпак и Руднев, шалыгинцы — Саганюк и Матюшенко; командир глуховчан — Кульбака, участник гражданской войны, воевавший и с белофиннами; были тут и конотопцы — Кочемазов с Канавцем; председатель воргольской партизанской группы Кириленко. А также — харьковчане: Воронцов и Погорелов, пришедшие к Ковпаку вместе с группой Руднева.

Именно на Воронцова с Погореловым возлагали сейчас особые надежды Ковпак и Руднев, так как харьковчане имели две рации для постоянной связи с советским командованием.

Договорившись о совместных действиях с отрядами сумских партизан, Воронцов и Погорелов незамедлительно дали шифровку на Большую землю. В ответ пришло указание: одну из своих раций харьковчане должны передать сумчанам.

— Теперь мы заживем! — сказал довольный Руднев.

На радостях устроили товарищеский обед — да какой! Холодец с хреном казался наголодавшимся партизанам королевской пищей.

Но едва участники этого исторического совещания уселись за праздничный обед, как раздался тревожный голос часового:

— Немецкие танки!..

Руднев и Ковпак первыми выскочили из землянки. Гости, хоть и прибыли одни, без своих отрядов, тоже схватились за оружие.

Две рыжие пятнистые машины ползли прямо к лесной базе партизан по дороге со стороны Путивля: именно она не была заминирована ковпаковцами, как резервная, для собственных нужд.

Люки у вражеских танков были открыты. Головной шла тяжелая машина, за ней более легкий танк. Они с ходу открыли огонь, и домик лесника, стоящий неподалеку от партизанского лагеря, запылал.

Путивляне, залегшие вдоль шляха, дали залп по танковым люкам. Это вынудило непрошеных гостей быть поосторожней и пользоваться только смотровыми щелями. Движение машин стало теперь менее уверенным. Но все же, неуклюже раскачиваясь на ухабах, танки с грохотом двигались прямо к партизанским землянкам.

Руднев, обменявшись с Ковпаком несколькими короткими фразами, отдал распоряжение Курсу:

— Заминируйте колею, оставленную танковыми гусеницами...— и подумав, добавил: — Где-нибудь на выходе из леса!

— А если фрицы не пойдут обратно по своему следу? — усомнился главный партизанский «спец» по минированию — Курс.

— Пойдут! — со спокойной уверенностью ответил комиссар.— У всех танкистов существует железный закон: возвращаться по собственному следу, чтобы не завязнуть в болоте или не наскочить на мину. Мы внесем в этот закон свою, партизанскую поправку!

Курс со своими помощниками бросился выполнять приказ. А Руднев вместе с Ковпаком, начальником штаба Базымой, Паниным и несколькими бойцами кинулся перебежками, умело маскируясь, вслед за фашистскими машинами.

Но танки, дойдя до заболоченного мелколесья, остановились.

Когда комиссар и Ковпак в сопровождении группы партизан догнали машины, то увидели из-за кустов такую картину: оба танка стоят почти борт к борту, тяжелый прикрывает собой средний. У среднего открыт верхний люк, из которого высунулся до пояса немец — видимо, командир машины. Он растерянно озирается по сторонам. Остальные танкисты возятся около гусеницы.

Руднев подкрался поближе к машинам, вскинул автомат и выстрелил в наблюдателя. Тот кулем свалился обратно в люк. Мотор у этого танка заглох. Партизаны осмелели. Кто-то крикнул: «Урра-а!» Все дружно откры-

ли огонь по машинам и по тем танкистам, которые возились у поврежденной гусеницы.

Тяжелый танк дал задний ход, потом развернулся и, ломая кусты, ринулся обратно, в том же направлении, откуда пришел. А другой, средний танк остался на месте.

Партизаны подошли к нему вплотную. Руднев, осмотрев вражеский танк и вытоптанные, забрызганные кровью кусты вокруг него, понял: экипаж из этой машины успел вместе с раненым перебраться через нижний люк в другой, большой танк.

Комиссар вскочил на трофейную машину. Заглянул в люк и, обернувшись к товарищам, крикнул:

— Ура! Танк наш! — Разрумянившееся от возбуждения, загорелое чернобровое лицо Руднева было сейчас таким же задорно веселым, как и в дни осоавиахимовских игр.

В руках партизан оказалась почти совсем исправная машина. Не хватало буквально мелочи: из гусеницы выпал палец. А боекомплект был совсем не израсходован.

Вдруг в той стороне, куда удрал тяжелый танк, раздался сильный взрыв, а за ним второй, еще сильнее, многократно повторенный лесным эхом. Руднев и Ковпак с бойцами устремились туда. Вскоре они увидели впереди на дороге буро-оранжевый хвост дыма, поднимавшийся к верхушкам деревьев, а затем и пламя, объявшее танк; внутри то и дело рвались патроны. Рядом лежала башня с пушкой, сорванная мощным взрывом боекомплекта.

Николай Курс со своими минерами сработали точно.

Когда огонь погас, партизаны вытащили из фашистского танка восемь обгоревших вражеских трупов.

А вскоре прибежала связная. Она доложила командиру и комиссару, что между селами Берюх и Моисеевка на партизанской мине подорвался еще один вражеский танк.

Первый успех окрылил партизан, настроение у Руднева и Ковпака было праздничное. Бойцы ликовали, бросали в воздух свои овчинные деревенские шапки, солдатские пилотки, радостно восклицали:

— Вот это денек!.. Три фашистских танка угробили!

— Да, товарищи, сегодня мы — молодцы! — разделяя всеобщее оживление, говорил комиссар.— Поздравляю всех с победой!.. Но учтите: вряд ли оккупанты легко примирятся с потерей этих танков. Они постараются взять реванш. Поэтому нам надо немедленно начать подготовку к повторному, еще более яростному наступлению противника!

И действительно, на следующее утро, 20 октября началось новое наступление карателей. Пять грязно-серых, лязгающих гусеницами танков и одна танкетка, да еще четырнадцать грузовиков с гитлеровцами появились возле партизанского урочища. Двигались они на Спадщанский лес по двум дорогам: от хутора Кутыри и от села Кардаши.

Две малочисленные партизанские роты, которые в то время еще назывались просто группами, заняли оборону по краю леса на высотке, откуда открывался широкий обзор местности в сторону сел Спадщина и Кардаши. А основные свои силы Ковпак с комиссаром замаскировали на другой лесной высотке вблизи дороги, ведущей из хутора Кутыри.

Подойдя к опушке леса, фашисты обстреляли ее. Но никто им не ответил.

Тогда, поддерживая свой боевой дух пальбой, каратели начали углубляться в лес... Но тут раздались два гулких взрыва. Это подорвались на самодельных партизанских минах первые два танка.

Наступление прекратилось. Фашисты принялись спасать технику. Вытащив на буксирах подорванные машины, гитлеровцы отошли. А потом открыли яростный огонь по лесу.

Партизаны молчали, берегли патроны.

— Главное сейчас — выдержка, друзья! Пускай немцы расходуют боезапас,— подбадривал своих товарищей комиссар Руднев.— Будем бить противника наверняка, когда он подойдет на близкое расстояние.

Он, как и Ковпак, считал, что после такого яростного обстрела гитлеровцы предпримут еще одну попытку уничтожить партизан. Но ровно в полдень, хотя обычно каратели «воевали» до наступления темноты, они вдруг снялись и уехали в Путивль, даже не решив-

шись выяснить судьбу тех двух танков, которые остались в лесу накануне...

И следующий день опять принес победу партизанам: на дороге Путивль — Берюх подорвался немецкий грузовик с боеприпасами; были убиты офицер и два солдата.

Все это окончательно убедило партизан, что они хозяева своей земли, которая уже горит под ногами захватчиков.

Но Руднев был не из тех, кто привык полагаться на удачу.

— Инерция удачи — дело хорошее, психологически очень важное для наших бойцов, конечно,— сказал Руднев на совещании в штабной землянке.— Однако нам надо всемерно повышать боеготовность отряда, потому что мы уже достаточно громко заявили о себе!

После этого перешли к «оргвопросам». Свой объединенный, начавший быстро расти и развиваться отряд Ковпак и Руднев разбили на восемь групп.

Первую такую группу, будущую роту минеров, куда первоначально входило всего десять бойцов, возглавил помначштаба Николай Курс. Во второй группе было семнадцать человек. Командиром ее стал Петр Васильев, один из первых, пришедший в Путивльский отряд. Третьей, самой многочисленной, командовал Федор Карпенко, который вместе с бывшим пограничником, а затем сержантом воздушно-десантной бригады Родимцева Андреем Цимбалом привели в отряд Ковпака по отделению войсковых разведчиков. Четвертой — директор путивльской школы Павел Пятышкин; пятой — прокурор Конотопского района Василий Кочемазов; шестой — председатель колхоза Степан Кириленко. Партизанскую санчасть возглавила комсомолка Дина Маевская, молодой врач из села Воргол. Все хозяйственные вопросы возложили на плечи Павла Демьяненко. А разведку поручили Андрею Бабинцу.

— Теперь,— сказал Руднев, слегка щурясь от табачного дыма,— в наших рядах уже сто три человека! И чем активней мы будем действовать, тем быстрее будем расти. Чего доброго, скоро наш Спадщанский лес станет тесным для разросшегося отряда, как родная колыбель для выросшего богатыря.

Он мягко улыбнулся, вглядываясь в лица своих боевых товарищей. И добавил с уверенностью:

— Все новые и новые люди будут приходить к нам, убедившись в лживости и зверской жестокости оккупантов!.. Многие новички уже приходят со своим оружием, что мы особо ценим. Однако иметь горячее сердце и держать в руках винтовку или гранату — еще не значит уметь воевать. Надо неустанно учиться всем формам и способам партизанской войны.

И Руднев по согласованию с Ковпаком взвалил на свои плечи важнейшее дело обучения молодых бойцов. А путивльская молодежь, пополняющая отряд, по-прежнему видела в Семене Васильевиче своего главного учителя и наставника. Вот почему Ковпак, оценивая эту сторону деятельности комиссара, записал в своем, теперь уже общеизвестном дневнике:

«Тут, в условиях тяжкой партизанской действительности, нам всем очень понадобились знания военного дела, полученные в кружках оборонного Общества, пригодился опыт и бывших активистов осоавиахимовцев Руднева, Базымы, Попова, Панина. Они-то и организовали учебу бойцов-партизан».

23 октября дозорные обнаружили на дальних подступах к партизанскому лагерю группу наших военных, попавших в окружение. Вел их уже немолодой и очень осторожный человек — полковник Петров. С ним было всего четырнадцать бойцов, прибившихся к нему из разных частей, потрепанных в боях.

— Так что, товарищи? Будете воевать вместе с нами? — проверив документы новоприбывших, оживленно спросил Семен Васильевич.— Народ вы военный, имеете различные, очень нужные для нас специальности. Добро пожаловать!

Но Петров ответил:

— Нет, мне думается, я и мои товарищи больше принесем пользы в действующей армии...

— Дело ваше,— сказал Руднев.— Вы видите свой долг в том, чтобы вывести из вражеского тыла полтора десятка людей. Не мало ли это для вас, полковник?.. Приказывать я вам, конечно, не могу. Дело ваше. Но я тоже оставлен здесь Советской властью и военным

командованием. Оставлен для организации партизанской борьбы!

После разговора с Рудневым Петров решил пока остаться. Его группа была временно придана Путивльскому отряду.

Спустя несколько дней, в ночь на 26 октября, партизаны взорвали четыре моста на реках Сейм и Клевень. В одну ночь были выведены из строя главные дороги, связывающие четыре районных центра: Путивль, Конотоп, Глухов и Кролевец. Разъяренное столь крупной диверсией фашистское командование на следующий же день повело наступление на Спадщанский лес.

И тут полковник Петров, назначенный начальником ковпаковской «артиллерии», ударил по наступающим из трофейного танка. Фашисты, никак не предполагавшие, что у партизанского отряда имеется на вооружении артиллерия, в панике побежали обратно, оставляя раненых и убитых солдат. Причем больше в тот день противник уже не наступал.

Руднев, сердечно поблагодарив Петрова за такую активную помощь, сказал:

— Жаль все-таки, что вы решили уходить от нас!

А любящий шутку Ковпак добавил:

— Шо условлено, то условлено. Нэхай идуть... Но проводников мы дадим только тогда, когда воны научать наших хлопцив управлять той «дурой»,— кивнул он на трофейный танк,— и стрелять из нее!..

— Мы согласны!

И Петров охотно взялся за дело.

Самым способным учеником оказался разведчик Митя Черемушкин, комбайнер из-под Вологды...

А когда «танковая учеба» была окончена, армейцы опять стали просить, чтобы партизаны помогли им переправиться через линию фронта.

— Мы окрепли у вас, набрались сил. Спасибо вам за это. Но наше место — на фронте! — настаивал на своем полковник.

— Что поделаешь? — вздохнул комиссар.— Люди вы хорошие, мы успели уже сдружиться с вами. Но, как военные специалисты, вы, пожалуй, на фронте еще нужнее, чем тут.

Прощались тепло. Кое-кто в глубине души завидовал уходящим: ведь они шли на соединение с армией...

Комиссар Руднев обнял полковника.

— Желаем вам, товарищи, благополучно добраться к своим и продолжать борьбу на фронте. Удачи вам! Только удачи!

За этим последовали крепкие рукопожатия. Уходящие на восток были взволнованы не меньше партизан.

Затем раздалась короткая хрипловатая команда Петрова:

— Шагом... марш!

Густой ореховый кустарник, вышитый кое-где красными ветками рябины, закачался, пропуская уходящих, и сомкнулся вновь.

ЗНАМЯ ОТРЯДА

Свершилось подсказанное жизнью. На листке того самого блокнота, где Руднев еще на установочном совещании «кандидатов в партизаны» в Сумском обкоме партии пометил: «Пункт первый: Организация партийно-политической работы на захваченной врагом территории», теперь были вписаны конкретные имена опытных пропагандистов, возглавляющих партизанский агитколлектив.

Список начинался с бывшего заворга Путивльского райкома партии Якова Григорьевича Панина.

— Главное,— говорил комиссар Руднев своим политработникам,— чтобы слово нашей большевистской правды своевременно доходило до людей! Это важно не только для наших бойцов. Мы не имеем права ни на минуту забывать о мирном населении в зоне действия отряда. Ведь мы пока что — единственные представители Советской власти здесь, на захваченной врагом территории.

После этого, по предложению комиссара, командование отряда назначило политруков во все оперативные группы — будущие роты. Разумеется, выдвигали на такую работу самых грамотных, авторитетных и стойких бойцов из числа коммунистов.

— Чтобы эти люди не только звали, но и действительно вели других вперед, за собой! — подчеркнул Руднев, обсуждая все кандидатуры с Ковпаком и Базымой.

Агитколлектив провел собрания уже во многих селах, начиная с ближайших к лагерю: Спадщины, Новой и Старой Шарповки, Литвиновичей...

Теперь добрая инициатива партизанских пропагандистов была утверждена Рудневым, как повседневная норма партизанской жизни. Норма героическая: ведь ходить в занятые оккупантами населенные пункты означало уже, само по себе, большой риск.

Руднев подключил к этим застрельщикам-пропагандистам много новых помощников из самых толковых бойцов, умеющих обстоятельно поговорить с народом. И работать агитколлективу стало легче.

Люди, оставшиеся в селах, главным образом женщины и старики всем сердцем отзывались на слово правды, которое несли им партизанские агитаторы.

Находились активисты и в окрестных селах, стремившиеся помочь отряду. Подойдет, бывало, партизанский агитатор ночью к знакомой хатенке, постучит в дверь и скажет хозяину или хозяйке:

— Будем у вас завтра ночью, проведем в селе политинформацию!..

И повторять уже не надо. Соберутся все жители. Но расскажут они о сходке только тем, кому доверяют.

— Удивительная чуткость у наших простых советских людей! — восхищался Руднев после каждой такой подпольной сходки.— Опасность заострила их чувство бдительности. И нашим агитаторам радостно общаться с таким народом, даже при том риске, с которым связана пропагандистская работа под самым носом у врага!

Агитаторы рассказывали колхозникам о положении на фронтах. Разъясняли, какую помощь может оказать партизанам местное население.

Люди, у которых сыновья и братья сражались сейчас на фронтах Великой Отечественной войны, готовы были помогать партизанам всем, чем могли. Однако осторожность была первым и непременным условием этой помощи.

Расходились участники сходок молча, боясь малейшим шумом привлечь внимание какого-нибудь предателя. И без лишних слов делали все, что советовали им при беседе партизанские агитаторы: то незаметно разберут деревянный мост через речушку, по которому могут повести наступление на ковпаковцев карательные

войска; то подожгут амбар с «немецким» — награбленным зерном и салом. Продукты же, которые удавалось собрать, люди сами, не дожидаясь просьбы, переправляли партизанам. Случалось, ночью проведут ковпаковцы очередное собрание в селе, а утром на опушке леса уже лежат мешки со свежим душистым хлебом да ходит скотина — четвероногий «сухой паек».

А бывало и такое — на партизанскую заставу вроде невзначай набредет мальчонка и расскажет:

— Дяденька, сегодня из нашего села повезут продукты на станцию... для проклятых фашистов!

И партизаны уже мотают себе на ус: где и как лучше «встретить» такой обоз. Мгновенно разгрузят все подводы. А крестьянки, с шутками да прибаутками, помогают им...

В конце октября произошло событие, которое стало важнейшей вехой в истории всего отряда.

На дороге Путивль — Берюх на партизанских минах подорвались фашистский танк и тягач, тащивший на прицепе другой, новенький танк. Мины эти ставили Политуха и Терехов с Ивановым.

В ту же ночь (это было как раз под 30 октября) Семен Васильевич с группой бойцов поспешил к месту взрыва. Партизаны сняли с поврежденной, брошенной фашистами техники 70 снарядов, 15 тысяч патронов и два пулемета. Но самой ценной находкой оказалось простое школьное знамя. Руднев очень обрадовался ему.

— Товарищи, теперь у нас будет свое знамя! Знамя юности — знамя будущего! Девчата вышьют на нем название отряда, чтобы понятно было, кто сражается под этим знаменем.

Медсестры энергично взялись за дело. Раздобыли у людей цветных ниток, даже золотистый шелк нашли! И работа закипела.

К октябрьским праздникам боевое ковпаковское знамя было уже готово.

7 ноября все бойцы Путивльского отряда выстроились возле штабной землянки. После торжественного выноса знамени комиссар, особенно подтянутый, с радостно сияющими глазами, зачитал приказ, в котором

командование отряда горячо поздравило всех бойцов с 24-й годовщиной Великого Октября, провозгласившего новую эру на планете, и пожелало скорейшей победы над врагом.

После короткого митинга стихийно, не сговариваясь, запели «Интернационал».

Потом состоялся праздничный товарищеский обед, после которого были еще и партизанские песни, и даже пляски.

Но эта радостная, приподнятая атмосфера была на следующее утро омрачена досадным событием. Оказалось, что ночью с 7 на 8 ноября Воронцов и Погорелов увели своих людей из Спадщанского леса, не сказав никому ни слова, и забрали обе рации, вопреки приказу Большой земли.

А в полдень прибыл из урочища Марица комиссар Шалыгинского отряда Федот Данилович Матющенко. Он принес Ковпаку и Рудневу новость: Воронцов и Погорелов со своими людьми остановились на отдых в Марице и собираются вскоре двинуться дальше, на север.

Между Федотом Даниловичем и харьковчанами произошел крутой разговор, причем, сторону Матющенко принял и его сосед, тоже дислоцировавшийся в Марицком лесу, командир Глуховского отряда Петр Леонтьевич Кульбака.

И Федот Данилович, яростно посверкивая глазами из-под своих густых черных бровей, передал суть этого спора:

— Наши взгляды, сумских партизан, и Воронцова с Погореловым на дальнейшее развитие партизанской борьбы — дуже разные. И тактика наша, значить, тоже разная! Воронцов и Погорелов казалы мэни в очи: «Шо вы делаете? Для чого принимаете в отряд непроверенных людей — окруженцев?!.. А я им в глаза казав: без молодежи много нэ навоюешь!.. На кого нам опираться здесь — в фашистском тылу? На одних стариков с ребятишками? Нам нужен обстрелянный, смелый народ!.. Воронцов же и Погорелов кажуть, шо воны з этим не согласны!

— Да как же не принимать окруженцев? Мы просто обязаны вовлекать их в свои отряды! — возмутился Руднев.— Ведь эти люди, рискуя жизнью, живут по ов-

рагам и болотам, в надежде примкнуть к какому-либо партизанскому отряду. Это — резерв нашего роста. Не принимать их — значит затормозить партизанскую борьбу!.. Другое дело — мы обязаны проверять их...

— Конечно, брать. В противном случае гитлеровцы уничтожат цых людэй физически,— кивком подтвердил слова Руднева Ковпак.

А Матющенко, все еще продолжая возмущаться, говорил:

— Воронцов и Погорелов стоят за малые, незаметные территориальные отряды. И вообще они такими конспираторами заделались, шо даже удрали от вас конспираторским образом!..

Ковпак, сидя в углу штабной землянки, молча скрутил гигантскую козью ножку, помолчав, заметил:

— И оцэ воны называють «боевой дружбой»?.. Подхарчились, отдохнули за нашей спиной — и задали стрекача?.. Да ще й забралы рацию, которую по приказу Центра должны были оставить нам!..

— Действительно, очень странно,— пожал плечами комиссар.— Если даже они в чем-то не согласны с нами, так надо было обсудить это вместе, со всей партийной прямотой.

— А воны кажуть, шо ты, Сэмэн Васильевич, их, бедных, с толку сбиваешь! Шо воны, значить, только свои районы обязаны «обслуживать», а мы — только свои! В общем, каждый воюй единолично, обороняй свой дом?! Я с комиссаром глуховчан Белявским всячески старался убедить Воронцова и Погорелова в пользе объединения сил. Приводил самый убедительный пример: Руднев сам пришел к Ковпаку, и оба отряда — в выигрыше! Если кто и проиграл от их объединения, так только оккупанты!..

И только сейчас заметив в углу землянки знамя, на котором золотым шелком были вышиты слова: «Путивльский объединенный партизанский отряд», Матющенко воскликнул:

— Так у вас уже и Боевое Знамя есть? Цэ добрэ. Знамя объединяет людэй.

— Мы с Сидором Артемовичем очень рады, что ваша и наша точки зрения полностью совпадают. В этом единении — залог роста нашей боевой мощи! — подвел итог Руднев.

12 ноября произошло еще одно знаменательное для всех ковпаковцев событие. Вернулся с важнейшего задания из-за линии фронта Алексей Ильич Коренев — партизан гражданской войны, один из основателей рудневской группы. Он должен был связаться в Харькове с переехавшим туда из Киева ЦК КП(б)У и попросить радиостанцию для объединенного Путивльского отряда.

Коренева все ожидали с нетерпением, возлагая на эту опасную «командировку» особые надежды. Сведения, принесенные им с Большой земли, были, разумеется, секретными, поэтому разговор происходил в штабе при закрытых дверях.

Едва успев вытереть свой вспотевший, почти без морщин, розовый лоб и расчесать пышную, белую как снег бороду, из-за которой все в отряде прозвали его Дед Мороз, Коренев начал свой невеселый рассказ:

— Немцы уже под самым Харьковом! Захватили Холодную Горку и обстреливают оттуда городские кварталы. Весь центр — в дыму, как в тумане. Все заводы и учреждения уже эвакуировались. Над головой кружит черный пепел от сожженных бумаг: жгут архивы!

— Знакомая картина! — вздохнув, заметил Ковпак.

Коренев молча кивнул и продолжал рассказ.

— Проводилась уже эвакуация тылов армии, которая обороняла город. Мне удалось разыскать только начальника Сумского областного управления НКВД Шраменко. Он, понятное дело, очень интересовался нашими партизанскими делами. Я рассказал ему все о фашистском тыле. Его это, видно, за душу взяло. Он старался всеми силами раздобыть для нас рацию, но в суматохе, когда все уже отступали, где ж ее возьмешь?

О том, как опасно было переходить, притом дважды, линию фронта, Дед Мороз не упоминал: народная трагедия была так велика, что о своей жизни не думалось.

— Ну, а с партийными органами ты связался, Ильич? — живо поинтересовался Руднев. В глазах его светилась надежда.— Ведь главное, чтобы о нашем отряде знали там, на Большой земле!

— Как там наши? — почти одновременно с комиссаром спросил Ковпак.

Но Коренев и на этот раз не мог порадовать их доброй вестью.

— Работники Харьковского обкома и горкома накануне сдачи города были так заняты экстренными делами, что им было не до меня.

Ковпак и Руднев хорошо понимали, какие это дела. Они навсегда запомнили тот черный день, 9 сентября, когда их родной Путивль был занят врагом и когда надо было, хоть умри, успеть сделать все, чтобы своевременно вывести свои оперативные группы на лесные базы, оставить везде «глаза и уши» — разведку, подпольщиков и связных.

Обнадеживающим из всех сообщений Деда Мороза было одно: Шраменко обещал, что через НКВД обязательно доложит о Путивльском отряде Центральному Комитету КП(б)У. И еще Дед Мороз сообщил, что партизанскими делами и нуждами там, в ЦК Компартии Украины, занимаются товарищи Зленко, Спивак и Дрожжин, а рация при первой же возможности будет сброшена со всем необходимым на парашютах.

— Это уже хорошо!..— Руднев энергично растер озябшие пальцы.— Главное — о нас им известно. Значит, будут и указания, и помощь.

И каждый, кто находился сейчас в крохотной штабной землянке, верил: в ЦК не забудут о Путивльском отряде. При первой же возможности, любыми средствами окажут помощь партизанам.

— Итак, связи с Большой землей у нас пока нет, Сидор Артемович,— сказал в заключение комиссар.— Но сведения, которые принес Коренев о положении на фронтах, очень важны. Ведь фашистские оккупанты и их пособники распространяют повсюду выдумки, якобы войска фюрера уже потеснили Красную Армию за Волгу. А наш Дед Мороз сам перешел фронт под Харьковом! Надо немедленно написать листовку и рассказать народу правду.

Комиссар достал из нагрудного кармана гимнастерки карандаш, отточил его поострей и тут же при свете мигающего каганца начал писать текст листовки.

Листовку Руднева через час начали «размножать», то есть переписывать от руки. И партизанские агитаторы, с Яковом Паниным во главе, не дожидаясь утра, пошли в окрестные села рассказать людям, что Моск-

ва стоит, как неприступная твердыня, что Красная Армия в непрекращающихся жестоких боях изматывает силы врага, и час расплаты непременно настанет...

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ!

С неделю занимались ковпаковцы хозяйственными делами, налаживая свой нелегкий быт и готовясь к предстоящей зиме. И вдруг утром 28 ноября в Новую Шарповку — ближайшее к партизанскому урочищу село — прибыла рота фашистов. Не задерживаясь здесь, каратели двинулись в Старую Шарповку. Почти в то же самое время вступила рота гитлеровцев и в село Яцыно.

Обе вражеские роты заняли высотки, прилегающие к Спадщанскому лесу. Затем один взвод развернулся в цепь и пошел в наступление.

— Похоже, что немцы решили провести разведку боем! — выслушав донесение, произнес Ковпак.

— Хотят прощупать нас?..— Руднев задумался.— Что ж, мы готовы.

— Тоди зробым так: на основной позиции, в центре нашей обороны поставымо трофейный танк! — сказал Ковпак.— Несколько человек со станкачем разместим в районе землянок. С десяток хлопцев пошлем к домику лесника, наперерез фрицам. А остальные займут оборону со стороны Яцыно и Старой Шарповки.

Ковпак был спокоен и деловит. Руднев, как всегда в минуты опасности, оживлен. Глаза его излучали какую-то необыкновенную теплоту, от которой всем становилось легче.

Между тем фашисты действовали на этот раз хитрее, чем обычно. Имитируя наступление на лес со стороны Яцыно, они в то же время скрытно бросили десятка три автоматчиков с тыла — прямо к партизанским землянкам.

К счастью, опытный разведчик Василий Фомич Попов, партизанивший еще во времена гражданской войны, и два его товарища встретили вражеских автоматчиков внезапным огнем. Но все же под натиском целого взвода этим трем партизанам пришлось укрыться в землянке. Окружив ее, фашисты стали кричать:

— Рус!.. Партизан капут! Сдавайс!..

В ответ Василий Фомич послал им замысловатый набор соленых словечек. Фашистский офицер тоже выругался на ломаном русском языке. Потом один из карателей бросил в дымоход гранату, она разорвалась в печи, сделанной из металлической бочки. Офицер прислушался к наступившей тишине и произнес самоуверенно:

— Аллес капут!

Он подошел к маленькому оконцу под самой крышей землянки и стволом автомата разбил стекло, намереваясь заглянуть внутрь, но тут же свалился сам: Попов прошил его очередью из автомата.

Затем из окошка вылетела граната. Каратели залегли. А в это время товарищи подоспели на помощь Попову.

Гитлеровцы, бросив тело своего убитого офицера, отошли.

Когда перестрелка прекратилась и партизаны убедились, что каратели убрались обратно в Путивль, Руднев сказал Ковпаку:

— Ты прав, Сидор Артемович, эта была разведка боем. Значит, надо готовиться к серьезному наступлению противника.

К концу ноября работы по укреплению своего лесного лагеря путивляне в основном закончили. Все подступы простреливались. Все проходы, которыми смог бы воспользоваться враг, были заминированы. Танк, в баках которого почти не осталось горючего, стоял теперь в самом центре на пригорке и мог в случае необходимости прикрыть любой сектор партизанской обороны.

А тут еще разведчики сообщили:

— В урочище Марица мы видели несколько наших армейских машин, наверное, оставленных при отступлении.

— Так надо проверить, можно ли ими пользоваться! — решил тут же Руднев.

Вскоре две машины, грузовая и легковая, были пригнаны в Спадщанский лес с запасными канистрами, полными бензина и масла.

— Теперь у нас есть хоть маленький запас горючего для танка! — обрадовался комиссар.

28 ноября старший агитатор отряда Яков Григорьевич Панин, помначштаба Николай Курс и заместитель командира одной из опергрупп Андрей Цимбал должны были провести собрание колхозников в селах Спадщина, Литвиновичи, Антыки и в обеих Шарповках. Инструктируя их в штабе, Руднев еще раз напомнил:

— Главное, друзья, говорите с народом конкретно. Если вам нужно охарактеризовать положение на том или ином участке фронта, объясните, какими средствами, ценой каких жертв добыта победа! Помните, вы, партизаны — не только бойцы, вы полпреды Советской власти в глубоком тылу врага. Вы — долгожданная устная газета военного времени!

— Эх, если б я умел так с народом беседовать, как вы, Семен Васильевич! — с восхищением поглядев на комиссара, воскликнул Курс.

— За меня чаще автомат говорит! — поддакнул ему Цимбал.

Руднев рассмеялся в ответ. И положив руки на плечи обоим, сказал:

— Прекрасно, друзья. Ведь пропаганда, подкрепленная делом, неотразима!..— И уже серьезней продолжал:— Главное внимание надо сосредоточить на анализе и обличении лживой пропаганды оккупантов. Есть такой метод, который позволит нам опрокинуть руками самих же профашистских сочинителей их собственные утверждения.

Агитаторы посмотрели на Руднева с нетерпеливым интересом. Комиссар поправил портупею и продолжал, постукивая коротким, совсем уже исписанным карандашом по корочке своего потрепанного блокнота:

— Вся соль в том, что каждая псевдоукраинская продажная газетенка, издаваемая в том или ином оккупированном районе той же Сумщины, клевещет и сочиняет «факты», как только может, по-своему. А если так, то они, следовательно, противоречат одна другой. Давайте раздобудем экземпляры газет, издаваемых в зоне нашего действия: то есть в Путивле, Глухове, Конотопе, Шостке. Затем подберем номера по датам. И вся брехня в этих «сообщениях с фронтов» выплывет сама.

Эффект от предложенного комиссаром сопоставления превзошел все ожидания.

Четыре газеты, издаваемые фашистскими ставленниками в смежных районах Сумщины, умудрялись в один и тот же день давать такие противоречивые, взаимоисключающие «сводки с фронта», что сами невольно опровергали себя. И местные жители плевались и хохотали одновременно, собственными глазами прочитав эти газетенки, принесенные партизанским пропагандистом Николаем Курсом на тайную сходку.

— Вот это заврались немецкие холуи! В одной газете пышуть, шо вчора войска фюрера за день пидбыли два танка и збылы пять самолетив. В другой пышуть, шо за той же дэнь подбылы аж двадцать два танка и девяносто сим самолетив!

— А в этой газете, смотрите, бабоньки, фюрер уже готовится въехать на белому кони в Москву...

— Этому коню уже перебили на фронте ноги! — заметил Николай Курс.— И не видать Гитлеру Москвы, как свинье — неба!..

Потом он рассказал собравшимся о положении на фронтах.

— Вот спасибо, родной, что ты открыл нам глаза! — благодарили его на прощанье женщины, у которых сыновья или мужья тоже воевали сейчас где-то под Москвой, Ленинградом, Севастополем...

Так работали партизанские пропагандисты, восполнявшие на оккупированной врагом территории нехватку точной информации с Большой земли. Ведь обещанной рации все еще не было в отряде.

Новости на войне порой сваливаются, как снег на голову.

Находясь на заставе со стороны хутора Зезюлин, сержант Федор Карпенко заметил вдруг на опушке леса подозрительного человека, который ехал прямо в расположение партизан. Опасливо озираясь по сторонам, этот человек слез с саней, с топором в руке походил между деревьев. Потом, будто раздумав, поехал дальше в лес.

— Стой! Куда прешь?! — крикнул ему Карпенко, выходя из-за дерева.

Человек, стараясь держаться спокойно, слез с саней. Оглянулся.

Карпенко, прищурив глаза, спросил в упор:

— Зачем пожаловал?.. Кто ты?

— А ты кто? — с вызовом ответил дровосек, видимо, ершистый по натуре.— Что, уже и дров заготовить нельзя?!

— А вот я тебе сейчас сделаю «заготовку»! — крикнул сержант. И вскинув на руку трофейный автомат, грозно скомандовал:— Руки вверх!.. Обыщите его,— кивнул он двум своим партизанам, тут же вынырнувшим из-за кустов орешника.

Карпенко был уверен, что схватил шпиона, посланного немцами в лес. А задержанный, увидев в руках парня немецкий автомат, принял его за полицая.

— Распрягите лошадь! — продолжал Карпенко.— Мы ее конфискуем.

— Да вы что, сдурели?! — рванулся дровосек на Карпенко.— Я буду жаловаться...

Это окончательно утвердило сержанта в мысли, что он поймал фашистского холуя. И Карпенко для острастки двинул задержанного по скуле.

— Вяжите его! — приказал Карпенко.— Шпионить за нами приехал, сволочь?!..

Партизаны связали арестованного.

Как раз в эту минуту на дороге, ведущей из штаба, появился Руднев со своим сыном. Карпенко бросился к комиссару.

— Товарищ комиссар! Поймали шпиона!

— Отец! Да это же дядя Костя! — Радик стал обнимать связанного Константина Васильевича.— Откуда ты, дядя Костя? Здоров ли, не ранен? Наших видел? Как там мама с Юриком?

— Дай мне поздороваться сначала! — сказал, усмехаясь в усы, комиссар. И увидев, что у брата скручены за спиной руки, повернулся к Карпенко: — Что он делал?

— Да бузил...— виновато ответил сержант.— Драться вздумал со мной!.. Вот я его и связал.

— Я думал, что к полицаям попал,— угрюмо отозвался Костя.

— Ну, раз личность установлена, у меня вопросов больше нет.— И Карпенко сам развязал Константину Рудневу руки.

Комиссар обнял меньшего брата. Снова на мгновение оттолкнул его от себя, вглядываясь в Костины глаза. Потом строго спросил:

— А почему не на фронте?!

Константин рассказал все по порядку: из родной Моисеевки он ушел 27 июня, формировали их полк под Москвой. Потом этот полк был изрядно потрепан противником под Трубчевском на Брянщине. Отошли под Карачево, переформировались и опять на фронт, под Смоленск, в тяжкие бои. Оставшихся в живых, а их было примерно рота, послали на охрану мостов под Почеп. Так Костя Руднев оказался вместе со своей частью в окружении. Места были ему хорошо знакомы: свои, родные! Обходя стороной Путивль и Моисеевку, где семью коммунистов Рудневых знали все, Константин свернул в Глуховские леса.

Там он набрел на партизанскую группу Петра Леонтьевича Кульбаки, бывшего заведующего райпотребкооперацией.

— Тебе сейчас одна дорога — в партизаны! — сказал ему Кульбака, сам партизанивший еще в годы гражданской войны вместе со старшим братом Николаем.— Только ищи, Костя, своих — путивлян, к родным местам поближе. Там тебе каждый куст знаком.

О комиссаре Путивльского отряда, Семене Васильевиче Рудневе, осторожный Кульбака не обмолвился ни словом: вдруг да похвалится Константин кому-нибудь любимым братом? А встретиться ему могут разные люди, и такие, что нарочно в партизанский район подосланы.

Кульбака верил: братья Рудневы найдут друг друга.

Наконец Константин все же добрался до своей Моисеевки, встретил родных сестер. Погоревали вместе, обсудили, как жить дальше. И конечно же, он расспросил о братьях. Но сестры, увы, ничего о них не знали.

Утром Костя пошел к невестке — Розе, жене старшего брата Василия.

— Сеня здесь, в нашем районе,— озираясь, будто у стен могли быть уши, прошептала невестка.— Ищи его, Костя, или в Новослободском или в Спадщанском лесу.

На следующий день Константин, заткнув топор за пояс, взял на колхозной конюшне лошадь (немцы по-

ка еще не тронули колхоз) и поехал в урочище Спадщина будто по дрова.

Рассказав о том, что пережил сам, Константин пристально поглядел в глаза брату.

— К кому же мне теперь идти, как не к тебе, Сеня?! Я тут останусь! Эти санки и все снаряжение я только для виду взял, для маскировки. Партизанить с вами буду. Что тебе выпадет на долю, то и мне. Пусть одна судьба у нас будет!

Но комиссар, подумав, сказал после паузы:

— Нет!.. Сейчас тебе сюда еще нельзя. Поезжай к тетке в деревню Алеевку: там скрывается Ньома с младшим сыном. Переправь ее к себе и пусть она будет у тебя до моего особого распоряжения.— Потом снова крепко обнял младшего брата, которому заменял когда-то отца, и повторил строго: — Сейчас еще тебе сюда рано. Это, Костя, приказ!

Догадливый Карпенко уже впрягал обратно в сани «конфискованного» Серка.

Партизаны дружно взялись рубить сушняк и складывать в сани. И Константин Руднев, как ни в чем не бывало, возвратился к себе в село, так что все выглядело обычно. Сгрузив дрова, он под вечер направился в Алеевку за семьей комиссара.

Особую, очень активную силу в пропагандистской работе с местным населением видел комиссар Руднев в сельских учителях, которые вынуждены были остаться на оккупированной врагом территории. Комиссар охотно, несмотря на огромную занятость и риск, встречался с педагогами из села Яцыно. Там работала подпольная комсомольская организация во главе с директором школы Александром Григорьевичем Николаевым.

Преподаватели, в основном женщины, бескорыстно, не считаясь с опасностью, продолжали учить ребятишек.

Оккупанты в первые месяцы войны еще делали вид, что поощряют просвещение. Однако запретили включать в школьную программу такой предмет, как история, а главное — упоминать обо всем, что связано с законами и границами СССР.

Услыхав эту новость, Руднев задумался. Вспомнился ему собственный сынишка, Юрик, скрывавшийся вместе с матерью. Если бы не война, мальчик как раз ходил бы сейчас в первый класс.

— Учить ребят нужно, учить правильно, по-советски! Но рисковать собой, дорогие товарищи педагоги, нельзя. Поступайте обдуманно, осторожно. Присматривайтесь к окружающим вас людям, чтоб не попасть в беду.

Учителя последовали совету комиссара, только слово «история» в расписании уроков заменили словом «география». И все же опасность была очень велика. Во время этих уроков приходилось выставлять постовых, чтоб никто из оккупационной администрации или местный староста не заглянули с нежданной проверкой в класс.

Узнав об этом, Руднев сказал взволнованно:

— Когда-нибудь люди, наверное, и представить себе такого не смогут! Наши дети начинают учебу с того, что рискуют собственной жизнью, как в эпоху самого мрачного средневековья, когда студента за изучение анатомии или астрономии могли сжечь на костре.

Много лет спустя после войны мне, автору этой книги, довелось побывать в Италии и, знакомясь с Падуянским университетом, одним из старейших в мире, мы увидели профессорскую кафедру великого Галилея, подвергавшегося гонениям инквизиции. Сейчас эта кафедра, сколоченная из грубых некрашеных досок, обнесена золоченой цепью. А в крохотном анатомическом театре, где когда-то, рискуя жизнью, Леонардо да Винчи вместе со студентами изучал анатомию человеческого тела, теперь всемирно известный музей. Именно там, в этих залах, принадлежащих ныне истории мировой культуры, я вдруг отчетливо вспомнил простые, из глубины души идущие слова нашего любимого комиссара Руднева.

— Нашим советским учителям, которые в черные дни фашистской оккупации учили детей любить свою Родину и ценить свое человеческое достоинство, я бы поставил памятник!

Несколько дней спустя после встречи комиссара с сельскими учителями, в Спадщанский лес прибежала

из яцынской подпольной группы комсомолка Вера Силина. Она сообщила, что немцы скрытно сосредотачивают в Путивле свои войска. Прошел слух, что они собираются уничтожить партизан. Вера сама видела в городе мотопехоту, артиллерию — более двух десятков пушек.

— Спасибо за информацию,— пожимая руку молодой учительнице, сказал Руднев. И чтобы успокоить взволнованную девушку, спросил: — Ну, как поживают ваши ребята в школе? Говорят, вы развиваете новые, подпольные методы преподавания истории?

— Да, нашелся у нас свой метод! — ответила Вера с лукавой улыбкой.— На уроке немецкого языка я, например, дала ребятам перевести такую фразу: «Союз Советских Социалистических Республик непобедим, а сердце нашей Родины — Москва никогда не будет взята врагом!». Ребята так обрадовались, что я еле утихомирила их...

— Вот это — настоящий урок немецкого языка! — рассмеявшись, сказал Руднев и еще раз крепко пожал руку смелой учительнице.

Весть о сосредоточении войск в Путивле в тот же день 30 ноября подтвердили и другие ковпаковские разведчики. Да, около трех тысяч солдат и офицеров, направлявшихся якобы на фронт, вдруг задержали на станции Бурынь и направили в Путивль. Кроме того, к Путивлю стягивались мелкие гарнизоны и полицаи из соседних райцентров. Было ясно: готовится очередная карательная операция.

Ковпак и Руднев отлично понимали: соотношение сил не в их пользу, на каждого партизана приходилось более чем по три десятка гитлеровцев. Возник вопрос: что же делать? Уходить в другой лес? Нет, этот более удобен для обороны. Уже испытан не раз. Да и базы бросать, пока отряд не окреп, нельзя. Рискнули остаться, принять неравный бой. Выдержать еще один удар! Но выстоять, а значит — победить, отряд сможет только в отчаянно-упорной круговой обороне, которую партизанские группы уже подготовили в районе штабных землянок. Чтобы усилить это основное оборонительное кольцо, Ковпак и Руднев решили сначала встретить наступающего противника на краю леса, то есть на внешней оборонительной линии, причем, встре-

тить из засад, выставленных на всех вероятных направлениях наступления карателей, и изрядно потрепать их прежде, чем они достигнут основного оборонительного рубежа.

По предложению Руднева, вечером собрали весь личный состав (за исключением тех, кто нес охрану лагеря) и со всей прямотой объяснили бойцам создавшуюся обстановку.

Начал этот ответственнейший разговор сам Ковпак. Потом слово взял комиссар.

— Товарищи! — сказал он мягким и спокойным голосом.— Фашисты хотят во что бы то ни стало уничтожить наш отряд. Для этого гитлеровское командование сосредоточило в Путивле крупные силы — почти по взводу на каждого из нас. Оно, видимо, рассчитывает на легкую победу. Однако оккупанты забывают о том, что на нашей стороне особая партизанская тактика, рожденная неиссякаемой народной смекалкой; что мы защищаем священную советскую землю, на которой нам помогают каждое дерево, каждый куст, каждая кочка, каждая складка местности! Вот во всем этом мы и должны будем завтра в упорном бою убедить фашистских захватчиков! — Комиссар обвел всех присутствующих внимательным взглядом и, энергично сжав правую руку в кулак, заключил: — Словом, друзья мои, от исхода завтрашнего боя будет зависеть: быть или не быть нашему отряду!..

Между тем ночью как назло ударил мороз, и к утру 1 декабря замерзло большое болото, называемое Жилень, которое до этого надежно защищало ковпаковский отряд с запада. К тому же опали с деревьев и кустов последние листья, и видимость в лесу намного улучшилась, что тоже было на руку карателям.

— Да, погода — штука сурьезная в наших условиях,— сказал Сидор Артемович Рудневу после завтрака.— Мэнэ дуже тревожить цэ болото. Трэба будэ за ным посматривать.

Его последние слова потонули в грохоте разрывов артиллерийских снарядов, обрушившихся на лес. Руднев глянул на часы.

— Да-а, что-то поздновато начали фашисты свою карательную акцию. Уже половина одиннадцатого.

— Чем позже, тем для нас лучше,— хитро улыбнулся Ковпак.— Тем меньше у них останется на цэ дило времени: дэнь в декабре короткий!

Снаряды сыпались градом. Ясно было, что огонь ведут несколько батарей — не менее двадцати орудий. И немцы не жалеют снарядов, но рвутся они далеко от лагеря, враскидку, по всему лесу. Это обрадовало Ковпака и Руднева. Вслушиваясь в разрывы, Ковпак, озорно сверкнув глазами, воскликнул:

— Шоб я вмэр, нимци стреляють наобум!

— Прекрасно! — подхватил комиссар. — Следовательно, они не знают, где мы находимся... И откуда будем их бить — тоже.

Базыма, Панин и Дед Мороз молчали, прислушиваясь к густым разрывам, отдававшимся толчками в штабной землянке.

Двадцать пять минут засыпали гитлеровцы лес снарядами или, точнее сказать, выбрасывали их попусту. Потом двинули на проческу свою пехоту.

Как только артобстрел прекратился, партизанское командование покинуло землянку. Все напряженно ждали: откуда же начнут наступать каратели?

Услышав первый гулкий стук станкового пулемета, Руднев, по своей военной привычке, глянул на часы (они показывали ровно одиннадцать) и тут же с тревогой бросил:

— Это пулемет Василия Ильина! Значит, немцы наступают из Новой Шарповки!.. По кратчайшему пути к нам.

Ильин строчил короткими частыми очередями, будто отбивал лихую чечетку. Ему отвечали немецкие автоматы. Группа Ильина, как вскоре сообщил связной, встретила из засады батальон немецких автоматчиков, еще не успевших развернуться в цепь.

Вслед за пулеметом Ильина заработало сразу два «дегтяря» справа, в направлении хутора Зезюлин. Потом — слева, со стороны Старой Шарповки. А спустя минуту-две донеслись длинные очереди партизанских пулеметов и со стороны села Спадщина.

— Сидор Артемович! Нас, оказывается, обложили со всех сторон! — воскликнул Семен Васильевич.

— А ты як думав?— ответил Ковпак. Потом деловито добавил: — Цэ их дило. Наше дило хорошо встре-

тить фашистов. И встретили их наши хлопци, по-моему, добрэ. Молодци!

Вскоре связные, примчавшиеся с остальных застав, подтвердили, что со стороны Спадщины, Зезюлина и Старой Шарповки наступают каратели и что партизанские заставы, проинструктированные еще с вечера комиссаром, подпустили вражеские цепи почти вплотную и прижали их огнем к мерзлой земле, а сами быстро отошли на новый рубеж.

Не удалось отойти только одному Ильину: он вел бой до последнего патрона...

Нарвавшись на партизанские засады и понеся немалые потери, каратели стали продвигаться осторожнее. А когда, спустя примерно час, цепи фашистов снова попали под свинцовый ливень отошедших партизанских застав и, конечно, заметно поредели, противник совсем сбавил темп наступления.

Да к тому же в лесу вдруг разгулялась сильная пурга, видимость резко ухудшилась. Каратели окончательно растерялись. Они остановились, долго шумели; потом, постреляв наугад по лесу, осторожно продвинулись на пятнадцать — двадцать шагов вперед. И опять начали строчить из пулеметов и автоматов в белый свет, как в копейку.

Только к четырнадцати часам они приблизились к главному оборонительному кольцу, проходившему в каких-нибудь четырехстах метрах от партизанских землянок.

К этому времени ковпаковские заставы — целехонькие — уже сидели в окопах основного оборонительного кольца, готовые снова, в третий раз, встретить непрошеных гостей. Встретить так, чтоб у фашистов окончательно отпала охота наступать. Из искусно замаскированных окопов партизанам был виден каждый вражеский солдат на фоне свежевыпавшего снега, как на экране.

Ковпак находился в центре обороны, откуда ему было удобно руководить боем и где стояли трофейный танк (за целый экипаж успешно справлялся один разведчик Дмитрий Черемушкин), да единственный в отряде 82-миллиметровый миномет. Мин к нему, правда, было всего около полутора десятков, но вместе с танковой пушкой они сейчас, когда гитлеровцы при всем

желании не могли применять свою артиллерию, боясь поразить собственную пехоту, являлись внушительным огневым средством в руках Ковпака и Руднева.

Комиссар находился на линии обороны. Он всегда считал: во время боя ему следует быть вместе со своими бойцами, чтобы в самые опасные, критические минуты вести их за собой.

Первую атакующую цепь фашистов, подошедшую подковой с северной, восточной и южной сторон леса, партизаны скосили шквальным огнем.

Однако почти вслед за ней появилась вторая. Фашисты, не видя партизан, подошли так близко, что даже сквозь пургу можно было различить их пьяные физиономии.

Огнем пулеметов и автоматов, при поддержке партизанской артиллерии, корректируемой самим Ковпаком, удалось положить и вторую цепь. Уцелевшие не выдержали огня, начали откатываться обратно. Казалось, успех уже склонился на сторону ковпаковцев.

Но тут случилось то, чего особенно опасались Ковпак и Руднев еще перед боем: около тысячи вражеских пехотинцев и несколько эскадронов кавалерии атаковали партизан с западной стороны, по замерзшему за ночь болоту Жилень. Прикрывали атаку гитлеровцев крупнокалиберные пулеметы.

К счастью, лед на болоте оказался еще не крепким. Гитлеровцы начали проваливаться. Движение их застопорилось. Тут и накрыли их танковая пушка и партизанский миномет, оказавшийся особенно страшным в лесу. Мины, попадая в деревья, рвались и сотнями осколков поражали солдат противника.

Вражескую конницу партизаны тоже отогнали огнем из пушки и пулеметов.

Несмотря на потери, гитлеровцы рвались вперед. Фашистскому командованию казалось, что достаточно сделать еще одно последнее усилие, и они справятся с изрядно потрепавшей им нервы «бандой Кольпака и Руднева».

В этот напряженный момент сам комиссар, после того как отбили атаку на южном участке, подоспел с небольшой группой бойцов и одним пулеметом на помощь Базыме.

Увидев Руднева, бежавшего с автоматом в руке, в расстегнутой телогрейке и сдвинутой на затылок фуражке, бойцы закричали «Ура!».

Смятые и отброшенные обратно, гитлеровцы уже не решились подняться в новую атаку: они повернули назад, оставив только у главного оборонительного кольца более четырехсот трупов солдат и офицеров, да еще автомашину с новой 75-миллиметровой пушкой, из которой так и не успели сделать ни одного выстрела по партизанам.

Бой был выигран именно благодаря комиссару. Но сам он не думал о том, как была велика его роль в общей победе. Поздравляя своих товарищей, Руднев страстно произнес:

— Сегодня мы окончательно ответили врагу на вопрос быть или не быть нашему отряду! Сами оккупанты поняли — быть! И «проголосовали» ногами, удирая от нас!

— А ты знаешь, Сэмэн,— заметил Ковпак, подойдя к Рудневу и с силой пожав ему руку,— колы б нэ наступыв вечир, нимци через час пишлы б знов в атаку! А одбиваться у нас уже ничим. Боеприпасы кончилысь!..

— Расчет — дело тонкое! — ответил, усмехаясь в усы, Руднев.

Но победа эта стоила ковпаковцам недешево. На поле недавнего боя остались три бесстрашных бойца — ветераны Путивльского отряда, коммунисты Василий Васильевич Ильин, Иван Тимофеевич Челядин и комсомолец Николай Воробьев.

Погибших товарищей хоронили неподалеку от штабной землянки, на заросшем кустами взгорке. Возле могилы собрались все партизаны, кроме часовых.

И комиссар от имени всего отряда сказал прощальное слово:

— Дорогие наши боевые побратимы! Вы пали смертью храбрых в неравном бою, за свободу и честь своей Отчизны... И ваше мужество всегда будет служить для нас примером. Мы клянемся, что не выпустим из рук оружия до тех пор, пока враг топчет нашу священную землю. Наша героическая Красная Армия еще

придет в фашистское логово, в Берлин!.. Победа будет за нами!

Именно эти слова запомнили все ковпаковцы, ибо они оказались пророческими.

СТАНОВЛЕНИЕ КОВПАКОВСКОГО ПОЧЕРКА

Между тем каратели, как вскоре было установлено разведкой, не уехали в Путивль, а лишь отошли на свои прежние рубежи — в села, окружающие Спадщанский лес, и с наступлением темноты начали подтягивать свежие силы. По всему видно было: противник готовится к новому наступлению. Оно могло начаться рано утром.

Обсудив создавшееся положение, Ковпак и Руднев поняли: надо уходить. Срочно собрали командиров оперативных групп, и Ковпак объявил:

— Чтобы сберечь личный состав отряда для дальнейшей борьбы с гитлеровскими захватчиками, мы с комиссаром решили оставить Спадщанский лес и уйти в другой район.

Собрались быстро. С собой взяли только самое необходимое. Остальное партизанское имущество закопали в землю. Пулемет с трофейного танка сняли, а танк заминировали, чтобы не достался карателям.

Было решено прорвать вражеское кольцо со стороны Жиленьского болота, которого теперь страшно боялись каратели, видевшие, как во время боя там проваливались под лед солдаты. Но Ковпак и Руднев рассчитали, что мороз еще более усилившийся к ночи, будет им хорошим помощником, притом они отлично знали местность и, конечно, верили в своих бойцов.

И все же, когда пробирались по болоту, слабый лед прогибался и потрескивал под ногами.

Вел отряд Дед Мороз, знавший эти места как свои пять пальцев. А пройти, или точнее, проползти ужом отряду предстояло под самым носом у фашистов — всего в каких-нибудь семидесяти метрах от Старой Шарповки, набитой карателями.

Видя, с каким трудом продвигаются усталые, голодные, до предела нагруженные бойцы, Руднев подбадривал их.

— Быстрее, быстрее, друзья мои!.. Промедление — смерти подобно! — произнес он вдруг вспомнившиеся ему ленинские слова.

А когда все наконец перебрались через болото и замерзшую реку Клевень, почувствовав под ногами твердую, присыпанную снегом землю, и оставили позади Старую Шарповку, в которой находилось более тысячи гитлеровцев, на душе партизан стало легче. Люди даже зашагали как-то бодрее, вроде сил у каждого прибавилось.

Дальше Дед Мороз повел отряд лесочками да оврагами, глухими, мало кому известными тропами.

К полудню добрались до хутора Окоп; теперь от прежней базы отряд отделяло расстояние более двадцати километров.

Здесь решили остановиться на ночлег и дождаться своих разведчиков, оставленных вблизи Спадщанского леса понаблюдать за действиями противника.

Оказалось: каратели утром, после мощной артподготовки, начали методическую проческу леса и «штурм» опустевшего партизанского лагеря.

Ковпак посмеивался, прижавшись спиной к натопленной печи:

— Оцэ и есть настоящая партизанская тактика: мы ушли по одной дороге, а фрицы хай шукають по всих дорогах!

— Сидор Артемович, а ведь это, действительно, становление нашей собственной тактики! — отозвался Руднев. Потом добавил: — Маневр — основа основ в партизанском деле. Помню, еще маршал Блюхер, будучи у дальневосточных пограничников, говорил им в тридцать седьмом году: «Вам, товарищи пограничники, надо в совершенстве знать партизанскую маневренную тактику, ибо в случае агрессии вы первыми можете оказаться в окружении. И если вы не научитесь ловко маневрировать, а станете только обороняться, вы уподобитесь беспомощной старой бабке, которая, увидев в доме у себя грабителей, уселась на свой сундук и начала взывать о помощи!..»

— То Блюхер сказав? — переспросил с интересом Ковпак. И после многозначительной паузы проронил: — М-да!.. Настоящий патриотизм проверяется сейчас на войне!..

— Как и сама наша тактика,— заметил Руднев.— Ведь это его тактику клиньев, охватов и обходов применяют сейчас гитлеровские генералы, укравшие ее у нас!.. А главное, мне думается,— уметь извлечь опыт из ошибок. Я мечтаю, Сидор Артемович, о том времени, когда мы с тобой сумеем обобщить свой боевой партизанский опыт, чтобы он, вместе с опытом наших предшественников — Чапаева, Щорса и Пархоменко, послужил делу освободительной борьбы всех угнетенных народов планеты!..

— Ого, куда хватил!..— засмеялся Ковпак.— Цэ масштабы!..

— Я уверен,— продолжал взволнованно Руднев,— что после победы над Гитлером у нас станет больше друзей, а идеи социализма получат еще большее распространение.

— Твоя правда, Сэмэн! Булы ж до войны скрытые враги... А тэпэр воны до нимцив подалысь!.. Война, как молотилка, всю полову отвеет!..

Утром отряд опять двинулся в путь — дальше на север, к Хинельским лесам. Ковпак с комиссаром рассуждали так: во-первых, оттуда рукой подать до Сумщины, а отрываться от нее насовсем они пока не собирались. Во-вторых, обширные Хинельские леса смогут послужить отряду более надежной базой. И в-третьих, проанализировав данные, полученные от разведчиков, вернувшихся из Спадщанского леса, Ковпак и Руднев пришли к выводу, что каратели клюнули на специально оставленные им партизанами «трофеи» и поспешили убедить свое командование в том, что уничтожили ненавистную им «банду».

— Надо дать возможность противнику поверить в собственную выдумку,— подчеркнул Руднев.

— Да, ця байка нам зараз выгодна,— согласился Ковпак.

Базой для отряда заранее решили избрать лесокомбинат. Но предварительно послали туда Деда Мороза с группой разведчиков. Они принесли в отряд добрые вести:

— Место для партизанской базы хорошее. В поселке много окруженцев, заделавшихся сапожниками и прочими мастеровыми. Пристроились на зимовку по разным хатам,— доложил Дед Мороз.

— Ясно. Думаю, такие соседи нам не опасны,— решил, улыбаясь чему-то, Руднев.

8 декабря рано утром Путивльский объединенный отряд колонной вступил в поселок Хинельского лесокомбината.

На следующий день Ковпак и Руднев собрали окруженцев в бывшем поселковом клубе. Все это были бойцы и командиры Красной Армии, пробиравшиеся в одиночку к линии фронта и постепенно оседавшие здесь, в глухом лесном поселке, чтобы кое-как дотянуть до весны. Патронов у них не было. Где сейчас проходит линия фронта, никто толком не знал.

— Неужели всю войну собираетесь здесь сапожничать? — спросил, посмеиваясь в усы, комиссар.— Ведь те ноги, которым сапоги сейчас нужны, на фронте да на партизанских тропах!

«Сапожники» только вздыхали в ответ, с надеждой заглядывая в глаза партизан. Все видели в ковпаковцах своих спасителей, частицу родной армии и жадно расспрашивали их о боях под Москвой, о Большой земле.

А когда через день ковпаковцы захватили немецкие склады с зерном и коней с санями, окруженцы уже ни за что не хотели расставаться с партизанами.

К тому же Ковпак поручил командиру местного Севского отряда Хохлову собрать и свои зимовавшие на полулегальном положении силы. И сиевские партизаны подтянулись к нам.

10 декабря, к общей нашей радости, пришла сюда и конотопская группа во главе с капитаном Кочемазовым и комиссаром Канавцем. Эта группа влилась в объединенный Путивльский отряд еще до первого боя с фашистскими танками в Спадщанском урочище, а затем была послана Ковпаком и Рудневым обратно в свой район с разведывательно-диверсионным заданием.

Лесной городок рос, становился многолюдней и оживленней.

Обойдя этот шумный человеческий муравейник, присмотревшись к быту людей, Руднев под вечер решительно сказал Ковпаку:

— Свою передышку в Хинельских лесах мы должны использовать так, чтоб еще крепче сцементировать свой боевой коллектив. И показать должный пример всем окружающим!.. Я считаю, Сидор Артемович, нам, лю-

дям, борющимся в тылу врага, надо принять партизанскую присягу. Это не только повысит личную ответственность каждого бойца перед народом, перед Родиной, но и подымет авторитет нашего отряда.

Ковпак долгим изучающим взглядом посмотрел в глаза своего комиссара, словно прочел в них что-то новое. И после паузы произнес:

— Цэ ты здорово придумав, Сэмэн!.. Цэ дило государственной важности!

Через день, после короткого делового совещания, по объединенному Путивльскому отряду был отдан приказ: привести к присяге всех бойцов и командиров.

Текст партизанской присяги, по предложению Руднева, писали коллективно в штабе, обсуждая и взвешивая каждую фразу.

— Принятие этой присяги — большое и радостное событие! — сказал после обсуждения комиссар.— И не только для нашего отряда. Вы увидите, какая будет реакция у лесных «кустарей», сапожничающих ради хлеба насущного по чужим халупам. А о других, братских отрядах, уже организованных в боевые единицы, я не говорю. Они безусловно последуют нашему примеру. Это подтянет всех бойцов и командиров. Да и местное население с еще большим уважением будет смотреть на нас!

Все присутствующие одобрительно переглянулись.

— Согласен с комиссаром полностью! — произнес, попыхивая толстой самокруткой, Ковпак. Потом помолчал. И после долгой значительной паузы произнес: — Должен же хтось думать шире, чем за один отряд! Ты действуешь сейчас, Сэмэн Васильевич, как комиссар всей нашей партизанской армии...

Текст присяги гласил:

«Я, партизан Союза Советских Социалистических Республик, добровольно вступаю в партизанский отряд и торжественно присягаю перед всем советским народом, перед партией и правительством, что буду бороться за освобождение нашего народа от фашистского ига до полного его уничтожения. Я клянусь не щадить своей крови, а когда понадобится, то и жизни, в борьбе с фашистами. Я клянусь всеми силами и способами бороться против изменников Родины, самому не быть трусом и товарищей удерживать от проявления

страха. Если по какому-либо злому умыслу я нарушу свою присягу, пусть меня покарает рука моих же товарищей».

Ровно в полдень весь отряд выстроился возле штаба, люди были как-то по-особому подтянуты и торжественно строги. Вычищенное оружие блестело. Сверкал солнечными блестками свежий молодой снежок на крыше лесничества, на ветках елей и сосен.

— Смирно! — скомандовал начальник штаба Базыма.— Равнение на знамя!..

И перед фронтом вооруженных, замерших в торжественной неподвижности ковпаковцев, одетых в разномастные трофейные шинели и гражданские ватники-спецовки, пронесли Боевое Знамя, ярко расшитое руками медсестер.

Подводя итог всей боевой деятельности отряда, Ковпак первым прочитал текст присяги. Потом выступил с пламенной речью Руднев, и когда он целовал знамя, в глазах у некоторых бойцов сверкнули слезы.

Потом присягали по старшинству все командиры, все бойцы...

Жители лесного поселка и особенно окруженцы, дожидавшиеся здесь, в глуши, своего часа, чтобы стать в строй, тоже приблизились к алому полотнищу, которое, казалось, само притягивало их, как магнит.

— И мы пойдем с вами!..— раздались голоса окруженцев.

— И мы!..— послышалось еще где-то в толпе.

...А вечером того же дня в ковпаковском штабе состоялось первое собрание, на котором как бы «узаконили», то есть оформили протоколом существующую уже три месяца боевую партийную организацию. Секретарем партийного бюро Путивльского объединенного отряда избрали Якова Григорьевича Панина.

Кое-кто сначала не понимал, зачем комиссар предложил избрать партбюро. Личный авторитет Руднева был так велик, что многие партизаны удивлялись этому предложению.

— Зачем же дублировать?.. У нас же есть комиссар! Разве его работа — не самая партийная?

Но Руднев, услыхав эти разговоры, сказал строго:

— Комиссар — тоже рядовой коммунист! Он должен отчитываться перед бюро и коммунистами отряда,

перед всем нашим боевым коллективом...— И заложив руки за ремень, продолжал: — Вы знаете, товарищи, что всегда, как только над нашим отрядом собирались особенно мрачные тучи, в час величайшей опасности мы с Сидором Артемовичем звали на помощь коммунистов! Наша партийная организация просто не была оформлена, потому что мы ждали указаний Путивльского подпольного райкома партии. Теперь стало ясно: мы связи с райкомом не установили и, надо действовать по своему усмотрению. А четыре десятка коммунистов и два десятка комсомольцев нашего отряда — это, товарищи, большая сила!

Политическая работа Руднева сочеталась с тщательным изучением реальной обстановки. Но в тех условиях изучение обстановки было возможно, прежде всего, благодаря всесторонней разведке.

Разведкой занимались почти все. И не удивительно, что те, кого посылали в соседние села за продуктами, всегда приносили ценные для командования сведения.

Даже два члена партбюро — седобородый Коренев и такой же солидный Юхновец — ушли под видом этаких мирных дедов в глубь Брянского лесного края.

Ожидая, пока они вернутся, Руднев однажды сказал Ковпаку:

— Здесь, в Хинельских лесах, много людей, желающих бороться с фашистами. И оккупанты, понимая это, нарочно разместили свои гарнизоны на самых опушках, чтобы блокировать лесной массив. Кстати, эти гарнизоны можно легко уничтожить. Но местные партизаны никак не решатся на это. Мне кажется, надо помочь здешним товарищам.

С этой целью штаб разработал план нескольких партизанских операций по очищению от гитлеровцев Севского района Брянской области.

Сразу же, как только оперативные группы путивлян разгромили гарнизоны в Лемешевке, Слепухине, Витиче, Высоком Сельце и Рыбнице, да еще отдали населению награбленное оккупантами добро, в штаб Ковпака прибыла делегация эсманских партизан. Это были сам командир эсманцев — бравый Онисименко со своим комиссаром Лукашовым, председатель райисполкома Копа и бывший прокурор района Куманек. Они сооб-

щили, что Эсманский отряд насчитывает пока лишь 24 человека и самостоятельных боевых операций не проводил. О совместных действиях с ковпаковцами эсманцы договорились быстро и очень охотно.

Затем к комиссару Рудневу пришел «посол» из уже знакомого ковпаковцам отряда Хохлова — учитель Иванов.

— Я имею радиоприемник,— сообщил он.

— У вас есть рация?! — чуть не подскочил комиссар, жаждавший скорей связаться с Большой землей.

Но оказалось, что был всего-навсего старенький приемник, напомнивший сейчас всем о счастливом мирном времени.

— Что ж!.. на безрыбье и рак — рыба,— пошутил, стараясь скрыть свое разочарование, Семен Васильевич.— Главное — мы будем иметь хотя бы возможность слышать голос Большой земли. Надеюсь, вы передадите этот приемник нам, товарищ Иванов? Мы могли бы записывать сводки Совинформбюро и распространять их среди населения.

Однако Иванов не захотел расставаться со своим радиоприемником, рассудив, вероятно, так: ковпаковцы могут снова уйти к себе на Сумщину, а приемник еще послужит партизанам здесь, в Хинельских лесах.

Приемники тогда на оккупированной территории были большой редкостью, потому что гитлеровцы конфисковали их, грозя населению смертью в случае невыполнения их приказа.

Руднев все же договорился с Ивановым, что тот будет ежедневно оставлять переписанную от руки радиосводку в условном месте.

И в тот же день, через несколько часов посланный комиссаром боец нашел в дупле приметного дерева сложенный вчетверо, густо исписанный листок из школьной тетради.

Боец примчался в штаб с этой сводкой и передал ее из рук в руки Семену Васильевичу, как величайшую драгоценность. Их со всех сторон окружили возбужденные партизаны. «Три деда» (как называли Ковпака, Базыму и Коренева острые на язык хлопцы) одновременно вооружились очками: каждому хотелось самому вчитаться в текст долгожданной сводки Совинформбюро.

— Как тонка та незримая ниточка, которая связывает нас сейчас с Большой землей! — воскликнул Руднев, передавая листок Ковпаку.— Но все-таки она существует — эта связь, несмотря на все военные препятствия. Вот наглядное свидетельство тому... Теперь мы точно знаем: фашисты под Москвой разгромлены! Наша армия перешла в контрнаступление! Ура, товарищи!

Через пять или десять минут, по просьбе Руднева, все, кто находился сейчас в штабе, уже переписывали текст радиосводки. Шуршали карандаши по старой иссохшей оберточной бумаге. Жирным шрифтом выводились дорогие всем слова: «Москва» и «победа»...

За порогом избы, хотя уже вечерело, терпеливо ждали новостей добровольцы-почтальоны из числа бывших рабочих лесного хозяйства.

— Товарищи! — выйдя к ним без шинели, сказал Руднев.— Вот вам слова настоящей правды. Порадуйте ваших земляков. А заодно помогите и нам. Нашему партизанскому командованию стало известно, что в районе Хинельских лесов, а точнее, возле Ямполя, Севска и Эсмани советские танковые части при поддержке кавалерии вели тяжелые оборонительные бои. Когда наши регулярные части отошли, колхозники собрали много военного имущества: оружия, обмундирования. Все это необходимо нам, партизанам.

Через три-четыре дня после этого обращения Руднева, да еще после похода агитколлектива в близлежащие села, колхозники посвозили к партизанскому штабу столько обмундирования, седел, патронов и всякого солдатского имущества, что этого с лихвой хватило на весь отряд.

Между тем из Брянских лесов возвратились Дед Мороз и Георгий Андреевич Юхновец. Они полностью подтвердили данные агентурной разведки ковпаковского командования.

— Да, действительно, дорогие товарищи, на Брянщине уже действуют несколько местных партизанских отрядов!..— гулко окая, рассказывал Коренев.— Брасовский отряд, Трубчевский, Суземский... А кроме того в Брянских лесах сидят со своими отрядами и наши ста-

рые знакомые, харьковчане: Воронцов и Погорелов, которые месяц назад ушли от нас из Спадщанского леса.

— Да ну?!— воскликнул Руднев, шутливо топорща усы.— Значит, нашли себе более спокойное местечко?..

Разведчики рассмеялись.

...В двадцатых числах декабря в Хинельских лесах, несмотря на трескучий мороз и метель, началось небывалое оживление. Добровольцы приходили к Ковпаку и Рудневу со всех сторон. Многие из них, будто пропуск, приносили зачитанные до дыр листочки с текстами очередных сводок Совинформбюро, которые теперь регулярно с легкой руки комиссара переписывались самыми грамотными партизанами.

Оперативные группы, пополнившись людьми, так разрослись, что их теперь смело можно было называть ротами. Даже расквартировывать их здесь, в маленьком лесном поселке, было теперь негде.

Чтобы не морозить людей, ковпаковское командование решило передислоцироваться в ближайшие села, примыкавшие к лесу: Сички, Водянка и Пограничное. Сам штаб переместился теперь в Ломленку.

Численный рост объединенного Путивльского отряда и его организованность привлекали к нему все новых и новых людей.

А после того как ковпаковцы совместно с Эсманским отрядом, ночью 25 декабря, когда немцы праздновали рождество, разгромили комендатуру и полицию в районном центре Эсмани, уничтожили узел связи, а заодно увели лошадей, которые так нужны были для партизанских пулеметных тачанок, местные отряды заявили о своем желании объединиться с ковпаковцами.

— Что ты на это скажешь? — спросил Руднев у Ковпака на следующий день.

— А шо? — ответил Ковпак вопросом на вопрос.— Мы с тобой объединились?.. И конотопцев приняли. И шалыгинцев с глуховчанами думаем принять...

— Правильно! Этим самым мы создадим в зоне Путивля, Глухова, Кролевца мощный партизанский очаг. А здесь, я считаю, нам нельзя принимать хинельских партизан под свое командование и уводить их с собой,— возразил комиссар. — Здешние обширные леса являются прекрасной базой для развертывания нового

очага борьбы в этой зоне вражеского тыла. И в интересах нашей общей победы над врагом мы обязаны помочь местным отрядам советом, оружием и боеприпасами. Но эти отряды должны, в случае нашего ухода из Хинельских лесов, оставаться и действовать здесь!

— Нэхай будэ гречка,— согласился Ковпак; то была его любимая поговорка.— Группы местных партизан уже побывали в боях вместе з нами, трошки познакомылысь з нашей тактикой. А на войне люди соображают быстро!.. От ци группы и стануть боевым ядром будущих отрядов и соединений.

Руднев с Ковпаком поступили мудро, по-государственному. После ухода ковпаковцев из Хинельского леса там стал активно действовать Севский отряд под командованием Хохлова, сразу полюбившегося Ковпаку и Рудневу; в поселке лесокомбината, где прежде ютились, дожидаясь своей судьбы, окруженцы, возник новый отряд капитана Гудзенко. В селе Родионовка — отряд Гнибеды. Так здесь вскоре возник целый партизанский край.

28 декабря Совинформбюро принесло партизанам радостную весть: фашистские захватчики разгромлены под Москвой и под натиском наших войск отходят на запад. С каждым днем росло число освобожденных от врага населенных пунктов на этом направлении.

— Надо и нам нанести чувствительный удар по врагу в его тылах,— сказал на совещании комиссар.— Кстати, оккупанты объявили по всей Сумщине, что наш отряд уничтожен. Что ж, прекрасно! Мы внезапно вернемся в свой район и на деле покажем нашему народу лживость фашистской пропаганды.

— Согласен,— ответил Ковпак.— Этим мы, як эхо, ответим на успех своей родной армии. И напомним, шо пощады оккупантам нэ будэ и шо гибель их на нашей советской земле — это только вопрос времени!..

— В таком случае я хочу остановиться сейчас на том, что для нас, партизан, является первоосновой боевой деятельности.— Комиссар встал, привычным жестом поправил гимнастерку.— Это — железная дисциплина. Дисциплина везде и всегда! Дисциплина на маршах. Дисциплина в будущих боях. И такая же высокая

революционная дисциплина в отношениях с нашими советскими людьми в тех населенных пунктах, через которые мы будем проходить или в которых будем отдыхать. Я понимаю, бойцы наши испытывают недостаток во многом, мы пережили много лишений. Но мы — плоть от плоти народной, защитники народные. Поэтому корректность и чуткость в отношениях с местным населением — железный закон для партизан. Впредь квартиры будут заниматься только специальными квартирьерами. А стихийная конфискация продовольствия и самовольная замена коней будут рассматриваться командованием, как мародерство. Предупредите весь личный состав, что за такие вещи мы будем наказывать по строжайшим законам военного времени!..

Через день, почти в канун нового 1942 года, Путивльский отряд, тепло распрощавшись с местными хинельскими партизанами и с населением, собрался двинуться обратно на Сумщину, чтобы замкнуть кривую своего первого рейда.

Первоначально Ковпак и Руднев намеревались вести партизан на Сумщину через Крупецкий район Курской области. Но узнав, что противник, видимо, разгадав маршрут партизан, начал сосредотачивать свои войска в райцентре Крупец и выставил крупные заслоны на пути ковпаковцев (в Бегоще, Обесте и Студенке), ковпаковское командование само решило нанести упреждающий удар по фашистскому гарнизону в селе Бегоща.

Удар партизан по Бегоще оказался настолько внезапным, что гарнизон, сидевший там, в панике бросился в райцентр — Крупец, пустив слух, что партизаны якобы двигаются на город. Перепуганное фашистское командование начало срочно снимать свои заслоны и стягивать их в Крупец. А ковпаковцы, воспользовавшись этим переполохом, в следующую ночь двинулись по другому маршруту в Путивльский район, через Свису и Ямполь, громя вражеские гарнизоны.

И вот ковпаковцы снова на путивльской земле. Остановились после ночного марша в селе Кагань, в пятнадцати километрах севернее Спадщанского леса.

Жители встретили партизан как родных: старались накормить каждого посытнее да устроить поудобней на отдых в жарко натопленной хате, на лежанке, а то и на пуховой перине.

Под вечер в Кагань приехали из Марицкого леса старые знакомые: командир Шалыгинского отряда Саганюк и комиссар Матющенко.

Ковпак и Руднев встретили обоих дружескими объятиями. А комендант ковпаковского штаба Тихон Курочкин, как хорошая хозяйка дома при виде желанных гостей, тут же откуда-то притащил разные угощения.

Саганюк и Матющенко без утайки рассказали о мытарствах своего отряда, оставшегося здесь, в Марицком лесу, после ухода ковпаковцев. Затем заявили прямо: давайте объединяться.

Договорившись о главном, гости уехали в свое урочище Марицу «закруглять дела».

Спустя дней десять почти такой же разговор был у Ковпака и Руднева с командиром Глуховского отряда Кульбакой.

А 1 февраля 1942 года произошло то знаменательное событие, с которого, собственно, и начинается общая боевая история соединения партизанских отрядов Сумской области. В хуторе Новоселица, где собрались все четыре отряда: объединенный Путивльский, Конотопский, Глуховский и Шалыгинский, состоялся памятный каждому партизану митинг.

На крыльцо дома, где находился партизанский штаб, вышли Ковпак и Руднев. Глядя на отряды, выстроившиеся в торжественном молчании на площади, Руднев с радостным волнением сказал:

— Разрешите, товарищи, открыть торжественный митинг, посвященный объединению наших партизанских отрядов. Отныне мы все — соединение сумских партизан, мощная сила, подчиняющаяся подпольному обкому!.. И сила наша будет расти с каждым днем!

Потом, когда Руднев закончил свое выступление, слово взял Ковпак. Он обращался не только к бойцам, но и ко всем жителям хутора, сбежавшимся на площадь. Свою речь Ковпак заключил словами:

— Товарищи! Не жалейте сил, а если потребуется, то и жизни, во имя победы над ненавистными фашистскими захватчиками!..

Кончился митинг «Интернационалом». Пели все — и ветераны партии, взявшие на себя труднейшее дело организации партизанской борьбы, и юные бойцы, и даже местная ребятня, облепившая изгороди.

Вечером после этого торжества в штабе собрались командиры и комиссары всех четырех отрядов. Делились пережитым, рассказывали о боях...

— Теперь вместе нам всем будет легче, да и веселее, братцы!..— подвел итог Руднев.— Но особенно сейчас меня радует то, что шалыгинцы принесли с собой радиоприемник. Это — связь с Москвой, товарищи! Пусть эта связь пока еще односторонняя, пусть мы пока еще не можем доложить о своих делах советскому командованию и нашей партии и получить конкретные указания, но мы теперь будем систематически слушать голос нашей столицы!

У Руднева даже блеснули слезы, да и у многих других — тоже, так дорого было слово Москвы для каждого человека здесь, в глубоком тылу врага...

3 февраля, когда конная разведка партизан заняла село Уздица, а группа Бабинца очистила от гитлеровских прислужников село Яцыно, в штаб к Ковпаку и Рудневу пришли двадцать два окруженца во главе с лейтенантом Василием Войцеховичем. Об этой группе командование знало благодаря подпольщикам.

— Надо использовать эту группу окруженцев! — сказал сразу комиссар.

— Особенно — командиров! — подчеркнул Базыма.— Нам в штабе очень нужны грамотные люди, имеющие военное образование... — И лейтенант Войцехович, который хорошо знал топографию и тактику, вскоре стал помощником начальника штаба соединения по оперативной части.

На следующий день Николай Курс с группой ковпаковцев разгромили гарнизон на станции Баничи. Партизаны без шума сняли часовых, потом незаметно подошли к караульному помещению и забросали окна гранатами. Уничтожено было оборудование железнодорожной станции, военная комендатура, продовольственные склады. Оттуда же из Баничей, Николай Курс привез пленного — старшего полицая.

«Язык», взятый в Баничах, оказался очень разговорчивым, как только речь зашла о его собственной шкуре, хотя во время боя этот предатель отстреливался яростно.

И вот теперь, зная, что будет расстрелян, он ползает на коленях, размазывает грязным кулаком слезы по своей откормленной физиономии, лоснящейся от дармового самогона и сала. Предлагает партизанам любые услуги:

— Я все знаю... Помилуйте, я буду служить вам!

И поспешно рассказывает про гарнизоны в Глуховском, Путивльском и Шалыгинском районах. Но видя, с каким откровенным презрением смотрит на него красивый черноусый человек, одетый в советскую военную форму, предатель быстро подползает к нему:

— Что хотите приказывайте! Только не убивайте! Все расскажу!..

Но Руднев никогда не верил таким.

— Значит, теперь вы хотите купить себе жизнь ценой измены своим новым хозяевам? — Прямо, не скрывая брезгливости, спросил он у обер-полицая и отступил в сторону, словно увидел гадюку у своих ног.— Уберите от меня этого мерзавца!.. — приказал он.

Дежурный по гарнизону рослый плечистый Иван Манжос, бывший еще в сентябре сорок первого года одним из первых подрывников в отряде шалыгинцев, подошел к полицаю, поднял на ноги:

— Пошли, иуда!..

— Только не расстреливайте меня! — уходя, плакал обер-полицай, видимо, забыв, как сам расстреливал невинных людей: — У человека только одна жизнь! Я вам все, все расскажу!.. Из Глухова через Баничи — на Путивль прошел обоз с боеприпасами... Шестьдесят подвод с боеприпасами! Вы их найдете!.. Они тут, близко, возле Стрельников где-то!..

— Все? — коротко спросил его Манжос, перехватив взгляд Руднева.— Тогда пошли!..

Когда предателя наконец увели, Ковпак коротко скомандовал Войцеховичу, помощнику начштаба по оперативной части:

— Трэба перехватыть обоз! Беры группу Кириленко и беги!..

Но тут во дворе вдруг послышались выстрелы.

Оказывается, обер-полицай нарочно упал и, когда конвоир, Василий Строган, нагнулся, чтобы посмотреть, что случилось, предатель пырнул Строгана в горло ножом, который был у него спрятан за голенищем.

Истекающий кровью Строган успел нажать на спусковой крючок автомата. Но автомат, как нарочно, дал осечку. Уже умирая, партизан все же достал пистолет и выстрелил, но не попал: руки не слушались...

Манжос и Курочкин, услыхав шум, тотчас выскочили из хаты, где они дежурили, и, к счастью, успели схватить негодяя.

После трагического происшествия со Строганом Руднев сказал:

— Вот урок всем нам на будущее! Чтоб никто не забывал о бдительности...

После этого случая не только пленных, но и всех добровольцев, просившихся в отряд, ковпаковское командование стало проверять более тщательно.

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

Насколько тщательно приходилось проверять новичков и как все это было непросто в условиях вражеского тыла, автор решил показать на собственном примере. Для этого мне придется продолжать свое повествование от первого лица. К тому же, думается, уже пора объяснить: как и откуда пришел к ковпаковцам сам автор.

Попал я к Ковпаку спустя три дня после гибели Строгана. К тому же мой приход в отряд был не совсем обычен...

В те февральские дни я упорно разыскивал партизан, которые по слухам находились где-то в Глуховском районе. Морозы тогда доходили до тридцати градусов, а ночью — и того больше. В такую холодину в лесу под деревом или в поле в стоге соломы долго не усидишь, да еще в одиночку. Приходилось ночевать в селах. Вполне понятно, выбирал я только такие населенные пункты, где не было ни немцев, ни полиции. Ориентироваться мне помогали местные жители. Они сами охотно предупреждали нашего брата, окруженца, в какие села лучше не заходить.

7 февраля под вечер добрался я до Холопкова. Опасаться там вроде было некого. Однако, будучи научен горьким опытом, я решил на всякий случай проверить свои «разведданные» еще раз. Подойдя к крайней, совсем ветхой хатенке, стоявшей почти у самой опушки леса, постучал в дверь. В сенцах тотчас послышался слабый щелчок щеколды на внутренней двери, потом приближающиеся шаги человека и стук засова. На пороге появилась женщина. Я поздоровался и спросил:

— Немцы или полицаи у вас есть?

— Нет,— ответила она, не задумываясь.— Полиция розбиглась! А нимци и носа нэ показывають: боятся партызан!..

Я обрадовался.

— Это хорошо!.. А вы разрешите мне у вас переночевать?

— Ночуй.— И вздохнув, женщина добавила певучим голосом с мягким украинским акцентом: — Може, и мой где-то вот так блукае. А може...— Она поднесла к глазам край своего клетчатого платка с длинной черной бахромой.— Только не обижайся, хлопец, спать придется тебе на полу. Проходи, садись. Я сейчас принесу постель.

Через минуту-две она вернулась в хату с большой вязкой соломы. Сбросив свою ношу на земляной пол, зажгла «каганэць» — маленькую керосиновую коптилку.

Жила хозяйка, судя по всему, одна.

— Кушать хочешь? — спросила она, снимая платок со своих черных, туго закрученных венком, кос.

— Не откажусь. Сегодня еще не ел,— признался я откровенно.

За время скитаний по оккупированной гитлеровцами земле я вынужден был, подавляя чувство стыда, просить кусок хлеба у незнакомых людей. Но люди эти — солдатские жены и матери — охотно делились с такими, как я, тем немногим, что имели.

За ужином хозяйка украдкой, изучающе посматривала на меня. Потом не удержалась и спросила:

— А откуда же ты, парень?.. И куда идешь?

Подобные вопросы мне задавали в каждой хате, где приходилось обедать, греться или ночевать. Не мог же я говорить открыто всем, что ищу партизан и тем

более — что я кадровый командир-пограничник, решивший любыми средствами бороться в тылу врага. Пользуясь своим незавидным ростом и гладкой, почти девичьей кожей на лице, я сочинил легенду, которой не преминул воспользоваться и на этот раз:

— Мне шестнадцать лет, сирота... Учился в техникуме. Немцы наш техникум закрыли, и вот иду теперь к дедушке...

Выслушав меня, хозяйка (ей было лет тридцать пять) произнесла задумчиво, с какой-то щемящей материнской жалостью:

— Сколько же вас таких бродит по свету?..— Но заметив, что у меня от усталости уже слипаются глаза, воскликнула: — О, да ты совсем спишь!..

Она поспешно встала из-за стола, одним движением разровняла лежавшую у стола вязку соломы и застелила ее домотканным рядном. Другое, более толстое рядно — из чистой овечьей шерсти — заботливо положила сверху, укрываться.

— Ложись. Ты, видать, крепко намаялся.

Сон сразил меня мгновенно.

Проснулся я утром от стука. Едва открыв глаза, увидел на пороге в клубах морозного пара стройную розовощекую дивчину. Несмотря на крепкий мороз была она в легких хромовых сапожках, короткой юбке и в тоненькой полотняной кофте с крупными вышитыми розами на груди. Только поверх этой нарядной кофты был накинут большой, как одеяло, платок с длинной бахромой (тогда такие платки на Украине в селах носили все).

Немного отдышавшись, гостья быстро-быстро и очень взволнованно залопотала на чистом украинском языке:

— Титко Ганно!.. Титко Ганно!.. Я тильки що прийшла из Викторово. Там стильки понаихало войска, стильки войска!..

— Нимцив? — перебила ее с испугом хозяйка, шевеля ухватом солому, жарко разгоревшуюся в печи.

— Ни, на-ши! Нэ знаю: чи то партизаны, чи то десанты! — продолжала строчить красавица-соседка, будто боялась, что ей не дадут договорить.— Воны проводылы митинг. Говорылы, шо скоро сюды прийдэ наша армия. Прызывалы, щоб вси помогалы бить фашистов!..

После этих слов она юлой повернулась на одном каблуке и тут же растворилась в клубах белого морозного пара, ворвавшегося в открытую ею дверь.

— А где это Викторово? — спросил я хозяйку, как только дверь за гостьей закрылась.

— Тут недалеко, за рекой Эсмань. По дороге километра четыре будет, а напрямки, через лес, всего километра два.

Меня будто током подбросило. Одним махом натянул я свои ватные штаны, рубашку, солдатские сапоги.

— Чего ты вскочил?.. Еще рано. Скоро зваряться вареники. Покушаешь, тогда и пойдешь.

«Какие там вареники! — чуть не вырвалось у меня.— Пока я буду тут ждать вареников, партизаны уйдут дальше! Ищи тогда ветра в поле!..» Но ей я ответил:

— Спасибо вам большое! Когда-нибудь в другой раз... Вы лучше покажите мне, пожалуйста, как от вашего дома скорей пройти в это самое село... Викторово.

Хозяйка, выпрямившись, глянула на меня какими-то совсем другими глазами. И, видимо, только теперь поняв по-настоящему, что я за человек и к какому «дедушке» спешу, торопливо накинула свой большой шерстяной платок.

— Идем!— шагнув к двери, сказала она.

Женщина повела меня по глубокому снегу в конец своего огорода к низенькой ограде из двух жердей.

— Во-он, видишь, прямо к лесу от села идет стежка? — показала она на узенькую, еле заметную серую ленту, вьющуюся среди наметанных за ночь сугробов.

— Вижу.

— Вот она тебя и доведет до того самого Викторово!

Поблагодарив еще раз хозяйку за гостеприимство, я бросился сколько было духу к сосновой роще.

— Счастливого тебе пути!.. И удачи!— крикнула она вдогонку.

Примерно через полчаса тропа привела меня к селу Викторово, в которое по слухам наехало много «десантов». И хотя я пока не обнаружил здесь ни одного военного, по всему видно было, что в селе случилось что-то необычное.

По улице из центра навстречу мне валом валил народ. Одеты все были по-праздничному, особенно девчата. Лица у идущих светились радостью. Шли люди

не спеша, что-то оживленно обсуждали. На меня никто не обращал внимания, так как одет я был по-деревенски: на голове черная, чуть порыжевшая от времени шапка-ушанка, крытый темно-серой фланелью полушубок и черные ватные штаны, вправленные в солдатские сапоги.

«Наверное, уже кончился митинг, и жители расходятся по домам,— отметил я про себя.— А где же партизаны? Хоть бы не уехали!..» Меня охватило вдруг беспокойство, и я поспешил в центр. Хотелось даже расспросить кого-нибудь: где же наши военные?.. Но прямо задавать подобные вопросы было тогда рискованно.

Вдруг ко мне подошли, держа друг дружку под руки, четыре девушки. Лица у всех — вроде радостные, а в глазах — слезы.

— Чого цэ вы, дивчата, плачетэ? — спросил я.

— Забралы у нас всих хлопцив.

— Кто, немцы?

— Не-е, наши... партизаны,— ответила одна из них, самая смелая.

— Так что же тут плохого? Радоваться надо, а не плакать!— воскликнул я.— Хуже было бы, если бы их взяли немцы и увезли в Германию.

— Ага!.. А як же мы тут одни будем без хлопцев?

— Ничего, придется подождать, пока возвратятся ваши хлопцы с победой,— успокоил я их.— А где же партизаны?

— Поихалы в Уздыцю,— ответили они почти хором.

— Куда, куда? — не понял я.

— В Уз-ды-цю!.. Сэло такэ, километров пять от нашего.

«Фу ты, черт возьми, опять опоздал!..— выругал я себя.—Надо скорее бежать туда. Может быть, хоть там захвачу...»

Совершив пятикилометровый марш-бросок, подбегаю наконец к Уздице, заметенной снегом. Издали ее и не видно было в чистом поле. Она будто поднялась вдруг из-под белого покрывала.

Захожу в деревню. На улице — ни души. Впереди, всего в какой-нибудь сотне шагов, широкий перекресток.

Дойдя до него, поворачиваю влево, так как основная часть села уходила в ту, левую сторону. Только повернул — вижу: на пригорке — ручной пулемет. Прямо на меня своим дулом смотрит. И самое страшное — пулемет не русский, а немецкий. Около пулемета пританцовывает, посинев от мороза, вылитый фриц. В серо-зеленой пилотке, натянутой на уши, такого же цвета шинели, в немецких, с низкими широкими голенищами, сапогах. За плечом винтовка — тоже немецкая. «Ну, думаю, влип! Ох, влип! Догонял партизан, а догнал немцев. Надо сматываться!» — И я тут же стал искать глазами калитку, чтоб нырнуть в первый попавшийся двор.

Но только я приметил такую калитку и стал сворачивать к ней, как вояка, пританцовывавший около пулемета, вдруг поманил меня пальцем к себе.

«Точно — фриц!» — понял я. Именно так, внешне миролюбиво, подзывали гитлеровские вояки нашего брата, окруженца, и мирных жителей, а потом расстреливали.

«Что же делать? — соображал я.— Круто повернуть к калитке и броситься во двор?.. Но он прикончит меня раньше, чем я успею спрятаться...» А тот, у пулемета, будто поняв мое намерение, тотчас же снял винтовку с плеча и уже держал ее в боевой готовности. Мне оставалось одно: снова как-то выкручиваться. Это было уже не впервой.

Подхожу. Вдруг он на чистейшем русском языке говорит:

— Заходи вон в тот дом,— и показывает кивком на здание с крылечком, подпертым двумя столбами.

С виду это был обыкновенный жилой дом, кем-то наскоро превращенный в служебное помещение.

«Так, значит, этот тип — русский, продался фашистам, гад?.. Значит, я нарвался на полицию!» И так мне вдруг стало обидно: ведь всего двое суток назад мне с помощью добрых людей удалось бежать буквально из-под расстрела, из кровавых лап путивльской полиции. «Ладно, может, и от этих удастся уйти»,— старался подбодрить я себя, почему-то в глубине души не веря, что меня могут убить.

Захожу через небольшие квадратные сенцы в комнату. В противоположном, левом углу сидит на табуре-

те со старой винтовкой в руках черноглазый подросток. Одет, как и я, по-деревенски: в шапке-ушанке, полушубке, сапогах.

Увидев меня, паренек сразу вскочил со стула, плотнее сжав в руках свою длинную-предлинную трехлинейку образца 1891 года.

— Садись! — указал он кивком на другую табуретку, у стола. А сам тотчас же отступил от меня подальше, почти к самой стенке, чтоб я не смог достать до него рукой.

«Неужели и этот юнец, который меньше своей винтовки, пошел служить в полицию?» — подумал я с возмущением.

Вдруг в сенцах послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась, и в комнату размашистой походкой вошел высокий, стройный молодой человек, в хорошо подогнанной комсоставской шинели, в хромовых сапогах и в черной каракулевой кубанке. На плотно затянутом поверх шинели, тоже комсоставском ремне, слева, чуть впереди, как у всех офицеров гитлеровской армии, висела новенькая немецкая кобура с парабеллумом. «Наверное, этот — бывший командир. Вот продажная сволочь!» — мысленно обругал я его.

— Кто такой? — строго спросил вошедший, впившись в меня круглыми рысьими глазами.

— Як хто? — ответил я вопросом на вопрос, как можно наивней, стараясь выдать себя за местного.— Хиба нэ бачитэ? Человек.

— Вижу, что человек,— оборвал он сердито.— Меня интересует, кто такой и куда идешь?

— Студент... Иду из Киева до своего дедушки. Он живет под Сумами, в Степановке...— Такая деревня действительно есть недалеко от Сум, я знал это точно, когда разрабатывал себе «легенду» на случай встречи с полицией.— Родителей моих раскулачили в тридцать третьем году и выслали в Сибирь. Они там умерли. Я остался с дедушкой. В сороковом году окончил в своем селе семь классов. Потом поступил в Киевский педтехникум...

— В полицию пойдешь? — выслушав меня внимательно, спросил начальник.

«Нет уж, ищи таких подлецов, как ты сам!» — подумал я с ненавистью. Но ответил ему спокойно:

— Нет, какой из меня полицейский?

— Почему?

— Мне только шестнадцать лет... Кроме того, всего месяц назад мне вырезали аппендицит, и я еще плохо чувствую себя...

— В партизаны пойдешь?

«Провоцируешь, шкура полицейская? Не на того нарвался!..» — подумал я.

— Нет, я не пойду,— ответил, все еще играя роль наивного подростка.— Я еще с оружием обращаться не умею.

— Ну и черт с тобой! — бросил он зло.— Катись к своему дедушке!.. — Быстро повернулся по-военному, через левое плечо кругом, и вышел из помещения.

— Это кто? Господин комендант полиции? — задал и я в свою очередь провокационный вопрос юному стражу, чтобы окончательно выяснить, с кем имею дело.

— Кто-о?!— сверкнул мальчишка злыми от возмущения глазами.— Да я тебе, кулацкая морда, сейчас дам такого коменданта, что ты мозгов не соберешь!— И схватив длинную трехлинейку за ствол, он замахнулся ею, словно дубиной.

— Но-но! Ты поосторожней!..— остановил я его и спросил: — А кто же это?

— Это наш командир партизанской роты лейтенант Лысенко! — Подросток ответил с такой гордостью, что все мои сомнения сразу исчезли.

— Так какого же черта ты не сказал об этом сразу?!— вырвалось у меня.— Позови его обратно!

— Зачем?

— Говорю тебе, быстрее позови! — крикнул я, обрадовавшись, что наконец-то попал к тем, кого искал.

Паренек бросился к окну и, постучав в раму, окликнул своего командира:

— Товарищ лейтенант! Идите сюда!

Услышав стук в окно и увидев выразительные жесты мальчика, лейтенант вернулся опять в помещение.

— В чем дело?— спросил он нетерпеливо.

— Товарищ лейтенант,— взмолился я,— прошу меня извинить! Принял вас всех за полицию и потому наговорил всякой ерунды. Представился малолетним кулацким отпрыском... В действительности же я — лейтенант, пограничник, в сентябре попал в окружение под Кие-

вом. Соединиться со своей армией не смог. И вот ищу теперь партизан! Возьмите меня к себе!..

— Никуда мы тебя не возьмем. Иди к своему дедушке!..

— Не возьмете?! Так я сам побегу вслед за вами!..

Измерив меня угрожающим взглядом сверху донизу, лейтенант бросил сердито подростку:

— Коля, арестовать его! И быстро в сани! В штабе разберутся.

— Есть! — щелкнул каблуками юный конвоир. И, молодцевато вскинув на руку свою длинную трехлинейку, звонким голосом скомандовал мне:— Вперед, шагом марш! — Потом еще строже добавил, не замечая моей улыбки: — Предупреждаю, при попытке к бегству — стреляю без предупреждения!..

Вот так произошла моя первая встреча с партизанами, которых я так искал. И теперь, следуя под конвоем к саням, а затем сидя среди вооруженных парней, я был бесконечно счастлив... Забыв сразу обо всех неприятностях, начал воображать, как партизанское командование предложит мне роту, а может быть — и того больше!.. «Ведь у них тут наверняка не хватает командных кадров»,— говорил себе я.

А между тем радоваться было еще рано. Спустя час меня привезли в какое-то село в лесу, то была Новоселица. Но к моему удивлению, меня не повели в штаб, а передали какому-то караулу. Размещался этот караул в крестьянской избе, состоявшей из двух половин, разделенных сенцами: зимней с печкой и летней — холодной. В зимней половине жили хозяева и состав караула. А в летней, куда привели меня, находились арестованные. Их было пять человек: все — сельские дядьки, намного старше меня. «Интересно, что за люди? Кто такие? — подумал я, украдкой рассматривая их.— Может, старосты?.. Или полицейские?.. Скорее бы уж вызвали меня к командованию!»

От нетерпения я начал расхаживать по хате, перебирая в памяти все, что мне удалось узнать, увидеть и запомнить, пока я пробирался от Киева к линии фронта.

Стук щеколды прервал мои размышления. Обернувшись, я увидел на пороге опять того же чернявого подростка с трехлинейкой, Колю, а за ним еще одно-

го — постарше, смуглого и чернобрового, с карабином за плечом. (Позже я узнал: то был сын комиссара — Радик.)

— Эй, ты, в полушубке, выходи! — позвали они меня.

Я шагнул к порогу. Мы втроем пошли через площадь к дому с зеленой железной крышей и небольшим крылечком, около которого стояли двое вооруженных парней: один — в нашей солдатской шинели, с винтовкой за плечом, другой — во всем гражданском, но с автоматом ППД. «Вероятно, наружная охрана штаба», — отметил я про себя.

Нас эта охрана не остановила.

Войдя из сеней на кухню, я увидел слева от двери, у окна, выходившего на площадь, еще трех вооруженных парней, которые сидели на скамейке около стола, беседуя о чем-то с хозяйкой. Закрытая двустворчатая дверь отделяла кухню от горницы.

— Подожди здесь, — остановил меня конвоир Коля, и поспешно скрылся за дверью. Спустя минуту он вышел и прямо с порога скомандовал: — Проходи!

В просторной горнице меня ждали шесть человек.

Слева, за длинным обеденным столом, спиной к окнам, сидели в ряд четверо. Один из них, одетый в добротную суконную гимнастерку, был уже в годах, маленькая рыжеватая бородка и очки делали его похожим на сельского доктора (разумеется, я не мог тогда знать, что это начальник штаба Базыма). Остальные были моложе, все в летних гимнастерках. Никто из сидевших за столом не имел знаков различия. Перед каждым лежала общая тетрадь и по нескольку заточенных карандашей.

Прямо передо мной у стены сидел за небольшим столиком, сцепив пальцы замком, человек в черной, уже поношенной ватной фуфайке, сухонький, высоколобый, с залысинами и с острой, клинышком, бородкой, слегка тронутой сединой; он тоже что-то медленно записывал карандашом на листке бумаги. Мне и в голову не приходило, что это — командир.

Справа от меня, полуприсев на краешек еще одного, третьего стола расположился высокий смуглолицый брюнет лет сорока, в армейской форме, с черными как смоль усами и большими карими глазами.

Когда я вошел в комнату, он сразу выпрямился, опустил руки, опершись ими о стол. От резкого движения борта его овчинной безрукавки раздвинулись, и на гимнастерке слева сверкнул орден Красной Звезды, окончательно прогнав все мои сомнения. «Вот теперь ясно: попал к своим, верным людям»,— мелькнуло в голове.

Глядя на его стройную, в отлично подогнанной форме фигуру, плотно затянутую комсоставским ремнем с портупеей, на безукоризненно начищенные, отливающие угольным блеском хромовые сапоги, я подумал: «Сразу видно — кадровый командир. Наверно, это и есть самый главный у них начальник».

А он в это время пристально рассматривал меня. Его большие лучистые глаза светились умом и такой проницательностью, что я вдруг почувствовал, будто он просматривает меня насквозь. Я вытянулся и, приложив руку к головному убору, доложил по уставу:

— Лейтенант погранвойск Брайко прибыл в ваше распоряжение для прохождения дальнейшей службы!

Тогда я, как и многие другие окруженцы, не имел еще ни малейшего понятия о партизанских формированиях и воображал, что попал в обычную воинскую часть, действующую в тылу противника.

— Хорошо, товарищ лейтенант, садитесь,— сказал мягко, почти по-дружески черноусый красавец, указав мне глазами на табуретку, стоящую перед длинным столом.

Я остановился в нерешительности, не зная: как мне сесть, к кому лицом? И чтоб не повернуться к кому-либо спиной, опустился на табуретку, как стоял — лицом к бородатому человеку в ватнике, сидевшему за отдельным столиком (в ту минуту я еще не догадывался, конечно, что передо мной — сам Ковпак). Он тотчас поднял на меня умные цепкие глаза и сухо бросил, указав кивком головы на сидящую за длинным столом четверку:

— Лицом к ним.

Я повернулся налево, оказавшись спиной к понравившемуся мне военному. И тут же услышал за своей спиной его спокойный, но властный голос:

— Расскажите нам все о себе: где родились, учились, как оказались здесь, на занятой врагом земле?

И я вдруг почувствовал всем существом, даже не оглядываясь, его гипнотический взгляд. Казалось, что этот взгляд пронизывает меня насквозь: хочу пошевелиться, повернуться, но не могу.

— Мы слушаем вас, товарищ лейтенант! — произнес за моей спиной тот же мягкий звучный баритон.

Только после этого я, по-прежнему не шевелясь, стал рассказывать о себе все по порядку: родился на Черниговщине, в селе Митченках Батуринского района, в 1918 году, а точнее, в 1919,— один год я себе прибавил, чтобы скорее пойти в армию. Отец мой крестьянин-бедняк. В 1933 году, когда мне шел четырнадцатый год, он умер. И еще рассказал, что с детства мечтал стать военным и шесть раз поступал в военные училища, но каждый раз меня подводил проклятый ростомер: не хватало двух сантиметров до минимального роста...

Рассказал и о том, как после окончания Конотопского педтехникума, по призыву ЦК комсомола Украины поехал работать в Винницкую область, в пограничный район; как там в селе Великая Косница Ямпольского района впервые познакомился с пограничниками и полюбил эту службу на всю жизнь; как в 1938 году, по ходатайству депутата Верховного Совета СССР, начальника Могилевского пограничного отряда Строкача меня приняли в Московское Пограничное Военно-техническое училище имени Менжинского.

Мне показалось, что услыхав эту фамилию, отдельно сидевший человек с бородкой клинышком едва приметно перемигнулся с кем-то. Но я продолжал спокойно рассказывать, как досрочно окончил это училище в марте 1940 года и был направлен в распоряжение командующего Западным пограничным округом в город Львов; оттуда — в 16-й кавполк, а в марте 1941 года в 97-й пограничный отряд, в котором и застала меня война.

На второй день войны меня направили в 4-й мотострелковый полк НКВД СССР в город Киев на должность начальника связи. В составе этого полка я более двух месяцев оборонял Киев по восточному берегу реки Ирпень. В ночь на 19 сентября мы оставили по приказу Верховного командования оборону, затем взорвали на реке Днепр мосты и, ведя непрерывные

бои, продолжали отход на восток, не зная, что уже находимся в окружении вражеских войск. Под станцией Барышевкой, при переправе через реку Трубеж, два наших батальона (третий батальон охранял украинское правительство) попали в засаду, и почти все мои однополчане погибли. Уцелевшие после боя разбрелись кто куда. Я решил пробираться к линии фронта, попутно стараясь собрать разведданные о противнике. Но дойдя до Сум, понял, что соединиться со своей регулярной армией не удастся и надо продолжать борьбу здесь, в тылу врага.

Когда я узнал от людей, что около Путивля или Глухова действует какой-то отчаянный, то ли десантный, то ли партизанский отряд, я повернул к Путивлю и стал разыскивать этот отряд. В хуторе Чернобровкине меня схватила путивльская полиция, приняв за ковпаковского разведчика... Местные девушки, работавшие в Путивле в столовой, помогли мне удрать. И вот наконец, на третий день после побега, я догнал в селе Уздице группу партизан, но, приняв их за полицию, выдал им свою «легенду» — кто я и откуда. А когда понял, что это — не полиция, а партизаны и стал просить тех хлопцев взять меня с собой, они уже не поверили мне. Но спасибо им, хоть привезли сюда, в штаб. И я рассказал все, что мне удалось узнать о противнике за время моих странствий по его тылам.

— Это все? — закончив рассказ, услышал я за спиной тот же красивый мужественный голос.

За все это время меня ни разу не прервали. Четыре человека, сидевшие напротив, за столом, все записывали.

— Ну, что ж!..— продолжал черноусый военный за моей спиной.— Пусть его отведут обратно в караульное помещение.

Я встал и молча направился к двери, недоумевая, почему меня ведут обратно к арестованным, даже не задав ни одного вопроса. Только придя в караульное помещение и оставшись наедине с собой, понял: видимо, партизанское командование решило запросить по радио соответствующие органы, действительно ли я тот, за кого себя выдаю. «Что ж, это даже лучше! — обрадовался я.— Пусть проверят!»

А в это время в штабе (как мне рассказал сам Ковпак, уже несколько месяцев спустя) происходил следующий разговор:

— Ну как ваше мнение, товарищи? — спросил комиссар Руднев.

Ковпак долго молчал, потом сказал сухо:

— Шось вин дуже багато знае про нимцив... Може, воны и послалы його до нас?

— У меня такого впечатления нет,— возразил сразу Руднев.— Знает он действительно много. И сведения его очень ценные. Но ведь человек этим специально занимался. А пограничники народ толковый. Это я знаю по Дальнему Востоку. Их ведь специально учат!.. Так что, если он пограничник...

— То-то и оно: если!..— Ковпак строго посмотрел на Руднева. — А хто из нас може за это поручиться?

— По-моему, Сидор Артемович, говорил это лейтенант вроде искренне,— осторожно заметил начштаба Базыма.— Только не понятно: откуда он столько знает про немецкие гарнизоны? Если бы все это можно было как-то проверить!.. Но в наших условиях это невозможно.

— Почему невозможно? — возразил опять комиссар.— А я считаю — можно. Давайте вызовем его еще и предложим ему вторично рассказать все сначала. Если то, что он нам сообщил сейчас — придуманная легенда, то он обязательно на чем-нибудь себя выдаст!

— Давай,— согласился Ковпак.

Часа через полтора меня вызвали снова. Зайдя в задымленную горницу, я увидел опять тех же шесть человек, точно в тех же позах. Будто никто и не сходил со своих мест.

— Садитесь,— сказал дружелюбно, после моего доклада, черноусый стройный красавец, скрестив руки на груди.

Я сел на табуретку точно так же, как и в первый раз, лицом к четверке, тотчас ощутив всем своим существом все тот же гипнотизирующий взгляд за спиной.

— Расскажите, пожалуйста, нам, молодой человек, еще раз о себе все по порядку,— услышал я сзади уже хорошо знакомый мне голос.

«Неужели не верят мне?! — подумалось с обидой. Решили на чем-то словить». И я опять начал свой

рассказ. Опять меня никто не остановил, не перебил, не задал ни одного вопроса. Все четверо, сидевшие напротив за длинным столом, старательно записывали каждое мое слово. А когда я закончил, меня — вопреки моим ожиданиям — снова отправили в караулку...

— Ну, как? — спросил комиссар опять, когда меня увели из штаба.

— Ты знаешь, Сэмэн,— сказал Ковпак,— придраться к этому лейтенанту — не придерешься. Но Лысенко доложил о нем совсем другое. Правда, Лысенко любит прибрехать про свои геройские заслуги. Может, и на этого лейтенанта-пограничника лишнее наговорил?.. Всэ ж-таки оставлять этого лейтенанта в отряде я боюсь!..

— А что же нам с ним делать?— озабоченно спросил Руднев.— Ведь если его опасно оставлять в отряде, то и отпускать тоже не безопасно! Что же будем с ним делать?..

Наступила долгая пауза. Потом Ковпак, пожевав губами, как-то хрипло сказал:

— Значить, придэться пустыть в расход.

— Ну, знаешь ли!..— возмутился комиссар.— Как это «пустить в расход»?! А может быть, он настоящий патриот?! Пришел к нам с открытой душой, чтоб вместе бить врага, да еще принес такие важные сведения о противнике, а мы его — в расход!..

Руднев так разволновался, что начал быстро ходить по комнате.

— Нет, брат, на это я никогда не соглашусь! — заявил он категорически.— Да если мы будем расстреливать всех честных людей только потому, что у кого-то, видите ли, появилось смутное подозрение, так немцы нам спасибо скажут!.. Нет, этого нам с тобой народ никогда не простит! Никогда!

— А шо ты предлагаешь? — спросил Ковпак.

— Надо его еще поспрашивать,— ответил Руднев.— Проверить, по возможности, каждый факт. Ведь он учился в разных местах, а у нас в соединении народ — со всех концов страны!.. Им сразу будет видно: правду говорит человек или врет?

— Ладно,— сдался опять Ковпак,— давай проверим по фактам.

..:На следующий день, часов в одиннадцать утра, меня вызвали в третий раз. «Может быть, уже получили подтверждение из Москвы, из управления пограничных войск?» — думал я, идя к дому, в котором находилось командование партизанской части. Мне даже в голову не приходило, что партизаны не имели связи с Большой землей.

Увы!.. И в этот раз меня ждали те же шесть человек. Увидев их на прежних местах и в тех же неизменных позах, я даже опешил: не сон ли это, не галлюцинация?.. Но нет, передо мной сидели живые, уже знакомые мне люди, в чьих руках была моя судьба.

— Здравия желаю! — приветствовал я их.

— Здравствуйте! — ответил за них все тот же стройный военный. И указав глазами на табуретку, добавил: — Садитесь.

Остальные продолжали молча рассматривать меня.

Повернувшись по-военному налево, я сел, как и в первый раз лицом к тем четырем, что записывали каждый мой ответ.

— Мы пригласили вас, товарищ лейтенант,— услышал я за спиной знакомый баритон,— чтоб уточнить несколько вопросов...

— Пожалуйста, я вас слушаю! — вырвалось у меня. Я был рад, что наконец-то со мной решили поговорить по-настоящему.

— Рассказывая вчера свою биографию, вы говорили, что учились в Конотопе, в педагогическом техникуме... Кстати, вы не скажите нам, на какой он улице?

Удивившись простоте вопроса, я ответил с готовностью:

— Он находится на Пролетарской улице, в глубине небольшого скверика, рядом с вновь выстроенным зданием — Домом Советов, в котором размещался райком партии и райисполком.— И тут я увидел, что сидящий напротив меня пожилой человек, похожий на сельского доктора, быстро записывает мой ответ в тетрадь.

— А жили вы где? — уточнил военный.

— В общежитии. У нас в техникуме было два общежития... даже три! Одно на Пролетарской улице, напротив самого техникума, в большом деревянном доме — для девчат. Второе — в центре города, на

Невском проспекте, рядом с фотографией. И третье в Загребелье — для ребят.

В моей памяти живо возник людный по вечерам Невский проспект; старое двухэтажное здание из красного кирпича, где мы жили на втором этаже... Я готов был рассказывать о той, мирной счастливой жизни часами.

— Спасибо, достаточно,— остановил меня все тот же военный. И после паузы снова продолжил: — Вы сказали, что окончили Московское пограничное училище.

— Так точно, окончил досрочно! Приказ номер триста тридцать девять от четырнадцатого марта сорокового года. Можете запросить по радио Москву и проверить,— выпалил я.

— И адрес училища помните?

— Так точно, помню! — ответил я, радуясь, что наконец-то они, видимо, решили запросить училище. И без запинки сообщил им почтовый адрес, а потом еще пояснил, как туда добраться.

— Кто командовал училищем?

— Когда я поступал, начальником был полковник Степанов, такой полный, бритоголовый...

— А кто был комиссаром?

— Полковой комиссар Мочалов, наш всеобщий любимец, блестящий оратор. А выпускал нас из училища уже не Степанов, а комбриг Жебровский, маленький, краснолицый, голосистый...

— Достаточно... А кого вы помните из штаба пограничного округа и отряда?

— Командующего округом комдива Хоменко, его заместителя комбрига Петрова... Петров был еще меньше меня ростом,— уточнил я. И невольно вздохнул.

Думал ли я тогда, когда впервые приехал на границу, что война начнется так скоро? И главное, что вести эту невероятно тяжелую войну мы будем на своей земле? И что меня, кадрового командира, будут проверять вот таким образом свои советские люди?.. Но вглядываясь в их усталые настороженные лица, я понял: поступать иначе они не имели права.

И продолжал:

— Отрядом командовал полковник Крыловский, а заставой, на которую меня направили, лейтенант Лобов. Если сомневаетесь, можете запросить Управление пограничных войск и проверить!

— Хорошо, проверим,— успокоил меня обаятельный усач и тут же добавил: — А теперь расскажите нам поточнее все, что вам известно о мероприятиях фашистского командования и оккупационных властей на временно захваченной территории. О наличии воинских гарнизонов и штабов, о переброске войск по железной дороге, о политических мероприятиях. Только обязательно указывайте, из каких источников получили те или иные сведения.

Это сказано было таким тоном, что мне вдруг стало ясно: партизанское командование сейчас интересует не столько моя автобиография, сколько те сведения, которыми я располагаю.

— Сначала расскажите нам о Киеве: как выглядит город? Как живет народ? Сколько в городе войск и где они размещаются?..

«Значит, я не зря так старался. Видно, эти сведения в самом деле очень нужны»,— обрадовался я. И стал выкладывать все-все, что мне удалось узнать и запомнить.

— В Дарнице, на территории бывших складов военно-инженерного имущества Красной Армии располагается лагерь советских военнопленных. Там их более двадцати тысяч человек! — начал я с того, что казалось мне не только чрезвычайно важным, но и сжимало всякий раз мое сердце отчаянной болью, когда я представлял себе, в каких страшных условиях находятся эти люди, обреченные на смерть.— Люди там мрут. Силами этих военнопленных оккупанты срочно восстанавливают взорванные нами при отступлении мосты на Днепре. До двадцать пятого ноября гитлеровцы решили закончить работы...

— Вот оно что!.. И закончили?

— Пока нет.

— А как же сейчас идут все грузы и войска с Киевского вокзала? — услышал я новый вопрос за спиной.

— С Киевского вокзала через Днепр на станцию Дарница грузы и войска перевозятся автотранспортом. На реке два понтонных моста.

— Вот как? Это любопытно!..

— Рядом с лагерем военнопленных,— продолжал я,— в бывшем военном городке живет очень много немецких офицеров-летчиков. Там же находится и штаб какого-то крупного соединения бомбардировочной авиации. В Киеве, на Чоколовке и Соломенке, а также в Борисполе базируется несколько сот бомбардировщиков...

— Откуда эти сведения?!

— Обо всем этом мне рассказывал один военнопленный, прислуживавший у фашистского летчика-майора. Этот пленный имел разрешение ходить по городу...

Я по-прежнему смотрел в лица тем четверым, что записывали мои слова, но почему-то в мыслях обращался только к тому человеку, который все время стоял за моей спиной.

— В Киеве, в первых числах октября, взлетел на воздух весь Крещатик! Жители говорят, что это сделали сами фашисты в отместку за то, что кто-то взорвал гостиницу «Континенталь», где размещалось более двухсот пятидесяти немецких офицеров. А случилось так: гитлеровцы приказали всем, под страхом смерти, сдать радиоприемники. Эти радиоприемники сложили на первом этаже гостиницы, где раньше был магазин. Очевидно, кто-то сунул в приемник мину замедленного действия... После этого взрыва в город прибыло много жандармов и эсэсовцев. Часть их обосновалась на улице Короленко, в помещении республиканского наркомата внутренних дел, а часть — на Лукьяновке, около кладбища. Кроме этих ищеек прибыла еще одна охранная дивизия войск СС. Идут повальные обыски, облавы, аресты. Ищут подпольщиков.

— Вот сволочи! Сколько же погибнет хороших людей!..— с возмущением проговорил все тот же голос.— А какие силы дислоцируются в городе?

— В самом Киеве, кроме прибывшей охранной дивизии, постоянно находятся еще четыре-пять пехотных полков. Размещаются они не в военных казармах, потому что боятся бомбежки, а в школах и институтах. Говорят, что в пединституте, например, фашисты устроили конюшню, а помещение отапливают печками-времянками. Жгут книги!..

— Вот она, арийская культура! — возмутился военный.— А как же народ в городе?

— Народ страшно запуган. Да к тому же голодает. Оккупационные власти совершенно не снабжают народ продовольствием. Люди живут только тем, что ходят в села менять одежду на продукты...

— Но ведь сколько хлеба осталось на полях! — воскликнул светловолосый парень, помоложе других.— Дали бы хоть возможность населению обмолотить его, гады!..

— Не для этого фашисты начали войну! — убежденно произнес черноусый военный, который направлял весь этот долгий разговор.— Гитлер и его подручные делают ставку на полное уничтожение нашего народа...

Тут я вспомнил и пересказал слова пьяного полицейского из Новой Басани, облетевшие всю Черниговщину: «Имеется строжайший приказ — срочно обмолотить имеющийся на полях, в скирдах и копнах хлеб и вывезти его в Германию». При этом я добавил, что видел сам: на Киевщине и Черниговщине, несмотря на снег и мороз, женщины под конвоем обмолачивают рожь и пшеницу в поле...

— Ну и ну!.. А что говорят сами немцы о своих победах на фронте?— поинтересовался военный.

— Фашисты нагло врут, что «доблестные» войска фюрера взяли Крым, Кавказ, Москву, Ленинград и уже подходят к Уралу...

— И народ верит?!

— Кто — как... Лично я — не верю: в первых числах января мне удалось двое суток наблюдать за перевозками по железной дороге Киев—Конотоп. Я подсчитал, что в сутки на восток проходило всего семь-восемь эшелонов. Из них четыре-пять с живой силой, остальные с техникой и боеприпасами. С востока на запад беспрерывно шли эшелоны с ранеными фрицами, битыми танками, орудиями и самолетами... И мне стало ясно: немцы брешут!.. Наоборот, Красная Армия где-то крепко ломает ребра гитлеровцам!

— Да-а, это занятно! — услышал я за своей спиной все тот же баритон.— А где еще имеются крупные фашистские гарнизоны?

— В городах, возле которых мне довелось проходить, то есть в Нежине, Ичне, Бахмаче, Конотопе, Во-

рожбе, Белополье, Ульяновке и Путивле, войск мало. По данным населения, имеются только фельдкомендатуры и жандармерия, по два-три десятка человек, да местная полиция. В Путивле полиции около двухсот человек...

Естественно, я старался рассказать обо всем этом как можно подробней. И только когда я выложил все, что знал, и остановился, припоминая, не забыл ли я что-нибудь важное, он спросил:

— Все?

— Так точно! — ответил я, ожидая похвалы.

Но вместо этого услышал за спиной:

— Пусть его отведут обратно в караульное помещение.

«Ну почему?! — чуть не крикнул я от обиды.— Я же пришел к вам, чтобы вместе бороться!..» Но приученный в армии подчиняться старшим, молча поднялся с места и направился к выходу. Однако на душе скребли кошки: «А что, если я ошибся? Что, если это — не партизаны? — терзался я, опять шагая под дулом карабина.— Тогда мое дело — дрянь!.. А как же орден Красной Звезды у того черноусого на гимнастерке? И его лицо — такое обаятельное, такое честное и смелое? Нет, такой человек не способен обмануть, предать!.. Тогда в чем же дело? Чего они от меня хотят?»

А пока я ломал голову над всеми этими мучительными вопросами, в штабе тоже ломали головы над тем, как поступить со мной.

— Ну, что вы скажете теперь, товарищи психологи? — спросил Руднев торжествующе, как только я вышел из помещения штаба. Комиссар чувствовал, что его эксперимент удался.

— Отвечает-то он уверенно...— начал Базыма, снимая очки.

— Согласен. А ты уверен, шо вин отвечае правильно? — спросил Ковпак.— А може, вин знае, шо мы все равно не сможем його провирыть и уверенно брэше?.. Нет ли у нас кого из Москвы?

— По-моему, нет,— отозвался Руднев.— Я уже об этом думал. Но зато у нас в соединении есть Конотопский отряд, а комиссар этого отряда — сам председатель конотопского райисполкома Федор Канавец! Надо его вызвать сюда.

Через полчаса Канавец был в штабе.

— Требуется твоя помощь, товарищ Канавец,— не дав тому даже доложить о своем прибытии, с ходу обратился к нему Руднев.— Тут к нам пришел один лейтенант. Говорит — родом он из Митченок Батуринского района.

— Ну, знаю,— оживился сразу Федор Ермолаевич.— Цэ по Батуринскому шляху, за Красным...

— Этот лейтенант-пограничник,— продолжал комиссар,— утверждает, что он с тридцать четвертого по тридцать седьмой год учился в Конотопе, в педтехникуме... А ты же в то время уже был председателем райисполкома. Вот мы и решили проверить его с твоей помощью...

— Хорошо, побачим, шо воно там за птыця,— согласился сразу Канавец.

Спустя полчаса вызвали в штаб и меня. В кухне в этот раз не было ни хозяйки, ни тех вооруженных ребят, что дежурили здесь прежде. Сейчас возле кухонного стола, на котором лежал только что осмаленный кабанчик стоял румяный и белобородый, словно Дед Мороз, моложавый старик с большим ножом в руке. Это и был партизанский Дед Мороз — Алексей Ильич Коренев, многоопытный разведчик. Вытирая нож краем своего белого фартука, старик измерил меня оценивающим взглядом.

В горнице меня ждали те же люди, на тех же местах. Эта повторяемость была похожа на какой-то навязчивый сон.

— Садитесь,— прежде чем я успел раскрыть рот, чтобы доложить о себе, сказал все тот же черноусый и белозубый военный.

Я сел, как и прежде, лицом к четверке.

— Мы пригласили вас, товарищ лейтенант,— сказал он торопливо,— чтобы уточнить еще несколько вопросов. Скажите, пожалуйста, деревня, в которой вы жили, далеко от Конотопа?

— Нет, всего километров около двадцати по Батуринскому шляху... Поповка, Красное, потом наши Митченки. Я почти каждую субботу, когда учился в техникуме, ходил домой навещать свою мать.

— Да, кстати, раз уж вы заговорили о техникуме, скажите, кого из своих преподавателей вы помните?

— Да всех помню! Таких замечательных людей, как наш директор Стрельцов, не забуду никогда. Мы все его любили...— Я так обрадовался этим близким сердцу воспоминаниям, будто встретился со своими однокашниками.— Или, скажем, преподаватель математики — добрейший чудак с усами Тараса Бульбы — Петр Федорович Кривуша... Но лично я больше всех любил военрука, капитана Процеко. Он был для меня, как родной отец...

— А что вам больше всего нравилось в техникуме? — спросил черноусый.

— Сама жизнь... Хоть жили ми, студенты, и голодновато, но какая у нас была дружба! Как было весело! Одним словом — красиво жили!.. А главное — техникум был для меня как бы ступенькой, чтобы поступить в военное училище. Мне больше всего нравилось заниматься военным делом, стрелковой подготовкой. Военрук очень доверял мне. Все свободное от занятий время, и зимой и летом, я готовил Ворошиловских стрелков... Да... Еще мы, все ребята, любили бегать в Дом Советов. Там находились райком партии и райисполком. И у них на первом этаже был буфет. Вот мы и бегали в этот буфет к тете Фене за французскими булочками. Уж очень вкусные были!

— Скажите, а фамилии секретаря райкома или председателя райисполкома вы не запомнили?

— Никак нет! Я и не знал их. Председателя райисполкома видел раза два.

— А если бы сейчас увидели?

— Да хватыть вам хлопця мучить! — раздался за моей спиной незнакомый голос.— Цэ наш чоловик!..

От неожиданности я повернулся назад и увидел вышедшего из-за печки высокого человека, одетого в длинную солдатскую шинель с новым комсоставским ремнем. Его светло-голубые глаза излучали теплоту и доброжелательность.

Черноусый военный шагнул ему навстречу и, протянув обе руки, воскликнул радостно:

— Спасибо вам, товарищ Канавец, за помощь!

— Семен Васильевич,— попросил Канавец,— дайтэ його нам, в Конотопский отряд. У нас совсем нет командиров!..— И обращаясь уже ко мне, добавил: — Пойдешь к нам?

— Пойду,— ответил я, не задумываясь.

Черноусый улыбнулся и, повернувшись к сидевшему отдельно, за небольшим столиком, человеку с бородкой клинышком, спросил:

— Как, Сидор Артемович, отдадим?

— Та нэхай бэрэ,— махнул тот рукой.

— Ну, спасибо вам за подкрепление,— поблагодарил их Канавец.

В этот момент в горнице появился тот белобородый, похожий на Деда Мороза, старик, что разделывал в кухне кабанчика, и, подойдя ко мне вплотную, угрожающе крикнул:

— Ну, лейтенант, так твою и разэтак! Смотри! —Он поднял свой большой нож и, с озорством в глазах, направил острие прямо к моему горлу.— Если ты хоть на один грамм сбрехал, я этим самым ножом распорю тебя от бороды до пупа!..

Все засмеялись. А Дед Мороз, надвигаясь на меня, крикнул еще громче:

— Понял?

— Понял,— ответил я спокойно.— Вам не придется этого делать. Постараюсь оправдать доверие!

— То-то же! — И в прищуренных глазах его мелькнула усмешка.

— Да хватыть вам хлопця пугать! — снова заступился за меня добродушный Канавец.— Разрешите нам идти?

— Пожалуйста,— ответил черноусый. Его лицо выражало внутреннее удовлетворение.

— Есть!— козырнул ему мой новый начальник. И скомандовал мне: — Пошли, лейтенант.

На улице он, сделав несколько шагов, вдруг сказал дружелюбно и просто:

— Зови меня Федором Ермолаевичем. Я комиссар Конотопского отряда, в который ты будешь с сегодняшнего дня зачислен... До войны я работал в Конотопе председателем райисполкома, в том самом Доме Советов, куда ты бегал за булочками к тете Фене.

— А меня зовут Петром...

— Не надо,— остановил он меня,— я про тебя все знаю.

— Спасибо вам, Федор Ер... виноват, товарищ комиссар!

— Да ничего, я ж сказал: можешь называть меня и по имени. Все мы тут — как родные!..

— Спасибо вам, товарищ комиссар. С вашим появлением чаша весов сразу потянула в мою сторону. А то вижу — не верят мне, хоть умри!

— Ну, ты не обижайся, лейтенант,— успокоил он меня.— В наших условиях, когда враг кругом рыщет, нельзя иначе. Вот и приходится каждого так проверять, чтоб не пролез какой-нибудь гад — провокатор или террорист.

Да я и не обижался. Комиссар конотопцев, Федор Ермолаевич Канавец, был совершенно прав. Я в те минуты был без памяти рад, что мне поверили, приняли в свой боевой коллектив и что я снова смогу, теперь уже вместе с партизанами, бить ненавистного врага.

И еще мне, конечно, очень хотелось тогда же спросить у моего комиссара: кто же этот симпатичный черноусый военный? Наверное, он-то и есть командир?.. Но я сдержал свое любопытство, считая неуместным задавать сразу такие вопросы.

Что же касается того круглолицего самонадеянного лейтенанта, командира 10-й роты Лысенко, который зачем-то, видимо, набивая себе цену, наврал командованию, якобы задержал меня как очень «подозрительную» личность, то скажу, забегая вперед: несколько месяцев спустя после этого он дезертировал. Зато мой юный конвоир, Коля Шубин, который был ростом меньше, чем его винтовка, вскоре стал бессменным связным самого Ковпака.

ПАРТИЗАНСКИЙ ПАРАД

За несколько дней я успел не только «акклиматизироваться» в новых для меня условиях, но и вооружился почти совсем новой СВТ — самозарядной винтовкой, взятой у убитого полицая: ведь оружие все новички, по неписаному закону ковпаковцев, добывали себе сами в бою.

А вот кто из принимавших меня в партизаны — командир и кто комиссар соединения, я тогда толком не знал.

Вскоре соединение покинуло запомнившуюся мне на всю жизнь Новоселицу. Бойцы Конотопского отряда стояли с санным обозом на обочине в ожидании, когда придет наш черед влиться в общую колонну.

— Вот уже идут путивляне,— шепнул кто-то у меня за спиной.— Этот отряд у нас самый большой. Его создали Ковпак и Руднев, когда встретились в Спадщанском лесу, под Путивлем. Дальше — глуховчане со своим командиром Кульбакой. И шалыгинцы... ну, а мы, конотопцы, сегодня замыкающими пойдем... А вон видишь? На четвертых санях едет усатый — это комиссар Руднев. Он такой, что его где угодно узнаешь! С ним рядом вроде обыкновенный дедок. Это наш командир — сам Ковпак!

И верно: когда четвертые сани поравнялись с нами, выглянувшая будто нарочно из-за тучи луна осветила на них две очень выразительные в своей контрастности фигуры: зорко всматривающегося вперед статного комиссара в ладно сшитой комсоставской шинели и спокойно полулежавшего рядом с ним пожилого мужчину в крытом полушубке. Так вот какими оказались те самые Ковпак и Руднев, с которыми я так стремился встретиться; о которых с яростью и затаенным страхом расспрашивали меня две недели назад полицаи в хуторе Чернобровкине, когда приняли меня за партизанского разведчика и, раздев догола, лупили шомполом.

Судьба вырвала меня тогда из лап смерти, чтобы свести с ковпаковцами. Наконец я нашел свое место в строю. И первый, кто поверил мне, будто заглянув в мою душу, был сам комиссар Руднев!..

Между тем колонна наша уже втянулась в какое-то село и остановилась. Ковпаковцы начали расквартировываться, как это было и в Новоселице, по отделению в каждом доме.

Жители встречали нас, словно старых друзей, стараясь во всем помочь. Я с гордостью почувствовал, что ковпаковцы здесь, на Сумщине, пользуются у народа огромным уважением и любовью. К тому же — это я понял, как только мы начали расквартировываться,— подавляющее большинство партизан в отрядах Ковпака были люди здешние и, видимо, уже не однажды встречались с местными жителями.

Остановились мы в партизанском селе Воргол. Еще вечером здесь хозяйничал крупный гарнизон полиции, славившийся повальными грабежами и лютыми расправами с советскими гражданами. В полночь три ковпаковские группы (рот и взводов у нас в то время еще не было) — три десятка человек просочились незаметно в Воргол и, с помощью местных патриотов, узнав пароль, проникли в здание, где размещался полицейский гарнизон.

Теперь партизанское командование решило, очистив Воргол от полицаев, совершить такой же внезапный налет и на вражеский гарнизон в селе Литвиновичи, чтобы спасти местную подпольную группу, на след которой уже напали фашистские ищейки.

— Только учтите, товарищи,— предупредил Руднев участников предстоящей операции,— надо сделать все так, чтоб ни один из предателей не ушел живым из села. Иначе они всполошат соседние гарнизоны.

И вот ранним утром партизаны внезапно напали на Литвиновичи и при поддержке подпольщиков, которые решили напоследок устроить «концерт» ненавистным оккупантам, уничтожили всех гитлеровцев и их прислужников.

Так Путивльский отряд — прямо в бою — пополнился новой группой советских патриотов во главе с партизаном времен гражданской войны Михаилом Ивановичем Павловским, которого с давних пор знали Ковпак и Руднев. Эта подпольная группа, состоявшая из тринадцати человек, и стала костяком новой — одиннадцатой роты Путивльского отряда. И командовал ею, разумеется, сам Михаил Иванович Павловский.

Тогда же в Воргле в наше соединение был включен еще один отряд, или точнее говоря — ядро будущего отряда, состоявшее из четырех человек. Встреча с этой небольшой группой произошла так.

Утром 18 февраля партизанская застава на юго-восточной окраине Воргла задержала четырех неизвестных. Ни у кого из них, разумеется, не было документов, которые в условиях вражеского тыла могли бы их погубить. Однако верить незнакомым людям на слово в военное время опасно. А установление личности занимало у партизан немало времени, в чем я уже убедился на собственном опыте.

Неизвестных привели в штаб. И тут одного из этой четверки узнал Ковпак, обладавший прекрасной зрительной памятью: перед ним стоял председатель соседнего Кролевецкого райисполкома Карп Онопченко, почти до неузнаваемости исхудавший и оборванный. Второй неизвестный оказался тоже работником Кролевецкого райисполкома и тоже коммунистом. Это был Василий Кудрявский.

Ну, а Онопченко с Кудрявским, в свою очередь, могли теперь уже немало рассказать о двух своих молодых друзьях-окруженцах Валентине Подоляко и Алексее Борисове, которые, поняв, что перейти линию фронта им не удастся, решили продолжать борьбу в тылу врага.

Онопченко сообщил Ковпаку и Рудневу, что в Кролевецком районе, как и во всех других районах Сумщины, тоже еще до прихода оккупантов был создан партизанский отряд; организованы явочные квартиры, заложены базы с оружием и продовольствием. Командиром этого отряда по решению обкома партии был назначен сам Карп Онопченко. Но как только в Кролевец ворвались гитлеровцы, нашелся предатель, который выдал патриотов. Почти весь отряд погиб. Базы и явки оказались в руках врага...

Онопченко и Кудрявский с особой настойчивостью просили Руднева помочь им создать новый Кролевецкий отряд, чтобы отомстить оккупантам за гибель товарищей, входивших в состав первого, уничтоженного с помощью предателей.

— Путивляне, глуховчане, конотопцы, шалыгинцы имеют свои отряды, по районному принципу. Значит, надо создать и наш, Кролевецкий отряд! — убеждал Онопченко Руднева.

И комиссар соединения поддержал его просьбу в разговоре с Ковпаком:

— Это — районный принцип создания партизанских отрядов, соответствующий указаниям ЦК. И хотя мы, Сидор Артемович, в нашей боевой практике уже перешагнули этот территориальный принцип в тактическом отношении, но для подъема патриотических чувств наших соседей по области создание Кролевецкого отряда сыграет бесспорно важную роль.

20 февраля 1942 года Ковпак и Руднев подписали приказ о создании Кролевецкого отряда — пятого по счету в соединении сумских партизан. Командиром назначили Кудрявского, а комиссаром — Онопченко. Ну а Валентина Подоляко с его неразлучным другом Алексеем Борисовым и еще двух пришедших в тот же день добровольцев зачислили, согласно нашей традиции, сначала рядовыми. Зато выделили отряду «на вырост» сразу две подводы. Все остальное новичкам предстояло добыть себе в боях, начиная, разумеется, с оружия.

То были дни, когда партизанские отряды под общим командованием Ковпака и Руднева, объединившись и еще больше поверив в свои силы, заканчивали первый и притом весьма успешный дерзкий рейд по родной Сумщине. Днем и ночью небольшие оперативные группы совершали стремительные многокилометровые марши по всей области, внезапно нападая на вражеские военные комендатуры и полицейские участки.

Эти действия ковпаковцев здесь, в тылу врага, и разгром Красной Армией гитлеровских войск под Москвой вызвали огромный патриотический подъем среди населения. К нам буквально волной хлынула местная молодежь, а также осевшие в селах на зиму воины-окруженцы или бежавшие из плена люди, словом, все, кто искал применения своим силам в самоотверженной борьбе. Только за первую половину февраля численность ковпаковцев выросла почти в пять раз. Так, в Конотопском отряде, насчитывавшем вначале всего около десяти человек, теперь было более 60 бойцов, в Глуховском более 125, в Шалыгинском было уже не 27 человек, а 120, а в Путивльском — свыше 250 бойцов.

Чтобы оградить семьи сельских патриотов, ушедших в партизаны, Ковпак и Руднев пошли на хитрость: пустили слух об объявлении «мобилизации» в партизаны мужчин призывного возраста.

Успехи ковпаковцев не на шутку встревожили оккупационные власти. Начальники полиции и бургомистры Путивля, Глухова, Кролевца, Шалыгино, Ямполя и других райцентров Сумской области, видя бурный рост патриотического движения, и впрямь поверили партизанской хитрости. Они начали взывать о помощи

к своим хозяевам, требуя увеличить численность полиции, дополнительного оружия и боеприпасов, а также выделения войск для уничтожения партизан.

И гитлеровское оккупационное командование не осталось глухим к воплям своих сторожевых псов. Правда, вооружить полицию основательно они не рискнули, боясь, что это вооружение и боеприпасы попадут в итоге к партизанам. Но на уничтожение «красной банды» Ковпака и Руднева были срочно брошены войска. В район Путивля, Кролевца, Глухова спешили 105-я венгерская пехотная дивизия и 200-я пехотная бригада. Передовые подразделения и части этих соединений уже начали, будто грозовые тучи, обкладывать Воргол со всех сторон.

Утром 21 февраля Руднев, который обычно первый знакомился с разведсводками, быстро оценив обстановку, сказал Ковпаку, сидевшему тут же в хате над топокартой, расстеленной на грубом дубовом столе:

— Кажется, гитлеровцы опять собираются нас окружать!

— Похоже...— процедил сквозь зубы Сидор Артемович, не отрываясь от карты.

— Что же мы будем делать? — спросил комиссар, подойдя к нему.

Ковпак, поверх очков, вопросительно взглянул на комиссара:

— А як ты думаешь?

— Уходить снова в Хинельские леса? А может быть, и еще дальше, на север — в Брянские? — рассуждал вслух Руднев.— Или лучше остаться здесь и дать фашистам бой?.. Я считаю, что мы уже можем показать захватчикам свою силу.

Ковпак молча пожевал губами, выражая тем самым свое сомнение, произнес:

— Можно б дать бой, тильки патронив у нас малувато!.. И оружия... Хоть мы с тобой зараз принимаем людэй тильки с оружием, все равно в отрядах ще до ста человек не имеют ничого. Надо було б их тоже вооружить.

— Тогда, может, не теряя времени, сегодня же двинем в Слоутские леса? — предложил Семен Васильевич.— Мне вчера Канавец говорил, что одна их группа во главе с тем новичком-лейтенантом, которого мы при-

няли в Новоселице (такова была в ту пору моя примета в соединении), побывала в Дубовичах и в других селах, прилегающих к Слоутскому лесу. Лейтенант этот утверждает, что в тех лесах под снегом много оружия и боеприпасов, оставленных нашими войсками, попавшими в окружение осенью сорок первого года. Жители помнят эти места.

— Если это правда, трэба спишыть в Дубовичи! — оживился Ковпак.

В тот же вечер все отряды двинулись на Дубовичи, куда предварительно сходил в разведку и я со второй оперативной группой Конотопского отряда.

Пока соединение было еще на марше, высланные вперед партизаны уничтожили вражеские гарнизоны в Заозерках, Ярославце, взяли живым помощника начальника глуховской полиции и доставили его в штаб.

Правда, этот полицейский «фюрер» оказался человеком мало информированным и ценных сведений о противнике дать не мог, если б и захотел. Но зато благодаря ему по всему соединению пошла гулять «утка», очень развеселившая партизан. Предатель рассказал нашему командованию, что несколько дней тому назад среди немцев и полиции распространился слух, будто на территорию Сумщины пришли не партизаны, а регулярная часть Красной Армии, которой командуют генерал Ковпак и известный большевистский комиссар Руднев.

Когда пленного увели, Семен Васильевич весело воскликнул:

— Ну, Сидор Артемович, если уж сами оккупанты произвели тебя в генералы, значит, быть тебе обязательно генералом!

— Гм!.. Раз воны так хочуть и так ценять нас...— принимая шутку, Ковпак залихватски сдвинул свою барашковую шапку на затылок и подморгнул комиссару,— то прыйдэться нам з тобой, Сэмэнэ, постараться!.. Доросты аж до генералов, щоб ще краще быты фашистов!..

А вслед за насмешившей нашу партизанскую братву новостью, что немцы от страха сами «произвели» деда Ковпака в генералы, пришла и другая, куда более серьезная весть.

Походная застава, следовавшая впереди ковпаковской колонны, подбила легковую автомашину противника. В ней, правда, оказался всего один офицер, да и тот был уже мертв, но в планшете убитого нашли пакет с приказом командира 105-й венгерской дивизии генерала Блаумана, подписанный 18 февраля в городе Нежине.

Как только все отряды и штаб соединения расположились в обширном селе Дубовичи, раскинувшемся словно порт на краю бескрайнего лесного моря, Ковпак приказал начальнику штаба Григорию Яковлевичу Базыме немедленно перевести на русский найденные документы.

Пришлось спешно искать людей, знающих хоть немного венгерский, что в наших партизанских условиях было делом нелегким.

Когда наконец принесли Ковпаку этот, с трудом сделанный коллективный перевод, Сидор Артемович сел за стол, надел очки и принялся изучать документ.

В соседней комнате отдыхали хозяева дома, в котором расположился штаб, и читать вслух Сидор Артемович не рискнул. Руднев, понимавший его без слов, присел рядом и молча просматривал текст вражеского приказа, в котором говорилось:

«В деревне Заозерки и ее окрестностях действует крупный партизанский отряд численностью 400—500 человек. Имеет на вооружении 2 крупнокалиберных пулемета, 16 станковых и 25 ручных, 3 дальнобойных пушки, каждую из них перевозят четырьмя лошадьми, 30 кавалеристов и столько же лыжников. Имеют много боеприпасов.

Одеты по-разному: в гражданской одежде, в русской военной форме, в немецком и венгерском военном обмундировании. Имеется много нарукавных знаков полицейских.

В составе отряда есть десантники, переброшенные самолетами из Москвы, военнопленные, бежавшие из лагерей, и местные коммунисты».

Дальше ставились задачи командирам 32-го и 46-го пехотных полков по окружению и уничтожению партизан в районе Заозерки, Воргол, Новоселица.

— Что ж!..— встав из-за стола и начав ходить по комнате, заметил Семен Васильевич.— В общем, про-

тивник имеет о нас почти правильное представление, лишь немного преувеличивает наши силы. Зато мы теперь не только знаем его силы, но и замыслы. Нам чертовски повезло!..

— Ты прав, Сэмэнэ,— подхватил Ковпак.— А пока ци два полка получат приказ от своего генерала из Нежина и начнут нас окружать в Заозерках, может, нам тут, в Дубовичах, удастся знайты в лесах хоч трошки патронов и мин?..

— И еще нам, Сидор Артемович, здесь, в Дубовичах, надо провести одно очень важное политическое мероприятие!..— заметил Руднев.

Ковпак, сдвинув очки на нос, поднял вопросительный взгляд на своего комиссара.

— Я считаю, нам надо обязательно отметить двадцать четвертую годовщину нашей Красной Армии! Ведь завтра — двадцать третье февраля.

— Верно,— обрадовался этому предложению Сидор Артемович.— Хорошо, что ты напомнил. А то у мэнэ выскочило из головы. Обязательно трэба отпраздновать!

— Тогда, может быть, пригласим командиров подразделений? Посоветуемся с ними и сразу поставим задачу,— предложил комиссар.

— Нэ возражаю,— согласился Сидор Артемович.

Вечером в штабе собрались командиры и комиссары отрядов, командиры и политруки оперативных групп путивлян. Открывший совещание Ковпак начал не с того, что почти около двух гитлеровских дивизий уже обложили наше соединение, готовясь уничтожить его, а спокойно заговорил об успешном завершении первого, почти трехмесячного зимнего рейда по Сумской области.

Он отметил, что за это время соединение прошло с боями по оккупированной фашистами территории около тысячи километров, провело более тридцати успешных боев с противником, в которых уничтожило почти полторы тысячи вражеских солдат и офицеров, полицейских и старост. Взорвало два моста на железной дороге Киев—Москва, остановив движение вражеских поездов более чем на две недели. И очистило от полицаев и немцев села в шести районах области.

— За это врэмя наше соединение выросло почти в пять раз! — подчеркнул Ковпак и бросил короткий взгляд на комиссара. А затем, уловив в его глазах одобрение, продолжил: — Но наши успехи вызвали серьезную тревогу у оккупационных властей. Гитлеровское командование уже двинуло против нас свои регулярные войска. З одной стороны цэ, конечно, хорошо, бо ци войска уже не попадут на фронт, а будут уничтожены здесь, в тылу. Но, з другой стороны, ци войска создадут некоторые дополнительные трудности для нас, партизан. Бо у нас малувато боеприпасов к отечественному оружию. Да и самого оружия ще малувато!.. Поэтому, товарищи командиры, главная наша задача на сегодня — найти патроны, мины и снаряды для имеющегося у нас отечественного оружия. А у нас есть данные, шо в Слоутских лесах под снегом имеется много боеприпасов, оставленных осенью при отступлении нашей армией. Так от, хлопцы, за ци два-тры дня, пока мы будэмо в Дубовичах, нам, хоч кров из носу, трэба знайты патроны, мины и снаряды! — И затем, уже как бы советуя, добавил мягче: — Надо поговорить хорошо з народом, и вин поможе, покаже. Послать людэй в другие села!.. А тэпэр я передаю слово комиссару.

Руднев поднялся, быстро поправил ремень с портупеей. Его лицо всегда хорошело в минуты радостного возбуждения, и сейчас на щеках выступил румянец. Глаза сияли.

— Товарищи командиры и политработники! Завтра — двадцать третье февраля!..

Все ахнули: увлеченные повседневными боевыми делами, мы чуть было не забыли о таком большом празднике.

— Не беда, если на какой-то момент и позабыли, пока находились в боях. Когда рождалась наша Красная Армия, никто тогда не думал о ее юбилеях, о торжествах и наградах! — весело проговорил Семен Васильевич.— Но прошу вас учесть, друзья: предстоящий праздник — это не только наш с вами торжественный день. Это, прежде всего, важнейшее политическое мероприятие для местного населения. Ведь завтра весь наш советский народ, все наши вооруженные силы будут отмечать двадцать четвертую годовщину нашей

родной Красной Армии. А мы с вами, товарищи, частица этой армии. Ее передовой отряд, действующий в самом логове врага. Причем, как очень правильно подчеркнул командир нашего соединения, это — отряд, который за три месяца непрерывных боев с захватчиками не ослабел, а во много раз вырос численно, превратившись в грозную силу, способную вселять страх в оккупантов и подымать веру наших советских людей, оказавшихся на временно оккупированной территории, в конечную победу над ненавистным врагом!

Он сделал паузу, словно затем, чтобы взглянуть в глаза всем нам. И, поправив тугой, без того аккуратно застегнутый воротничок своей защитной коверкотовой гимнастерки, продолжал:

— Поэтому, товарищи, я считаю, нам надо отметить двадцать четвертую годовщину нашей армии так, чтоб этот праздник вызвал еще больший страх и растерянность у врага! И радость у нашего советского народа. А вот как это лучше сделать, давайте подумаем все вместе. Для этого мы вас и пригласили.

И Семен Васильевич, скрестив руки на груди, поднял вопросительный взгляд на сидящих перед ним командиров.

Все оживились, загудели. Одни предлагали этой же ночью разгромить несколько гитлеровских гарнизонов. Другие советовали послать в ближайшие села оперативные группы с агитаторами и провести митинги. Командир и комиссар, понимающе переглядываясь (главное у них было уже решено), внимательно слушали предложения своих соратников. Потом Руднев, восстанавливая тишину, поднял руку. Все сразу замолчали.

— Я предлагаю, товарищи, завтра провести в Дубовичах военный парад нашего соединения. Причем, провести этот парад так, чтобы о нем узнало не только население ближайших районов, но и гитлеровское командование в самом Берлине!.. — Он обвел всех нас веселым взглядом.— Как, товарищи?..

— Я согласен полностью,— сказал Ковпак.

— Мы тоже!..— все дружно поддержали комиссара.

— Ну, если возражений нет,— оживленно продолжал Семен Васильевич,— будем считать: предложение принято единогласно! Итак, завтра проводим в Дубо-

вичах торжественный митинг с населением и военный парад.— Он незаметно обменялся взглядом с Ковпаком.— Тогда, Сидор Артемович, я с твоего разрешения поставлю сразу и задачи командирам.

— Давай,— кивнул Ковпак.

— Начало парада в десять ноль-ноль,— отчеканил он.— Сегодня же объявить об этом жителям, чтоб к девяти тридцати все были на площади. Заодно надо поговорить с народом: может, у кого-то чудом сохранился кумач, чтобы украсить трибуну и площадь... Хорошо бы написать лозунги! В борьбе с врагом они обретают свою громадную, изначальную революционную силу.— И после паузы он опять заговорил спокойно и размеренно, будто диктовал приказ: — Командиру Шалыгинского отряда к девяти тридцати соорудить на площади трибуну. И установить на ней свой трофейный радиоприемник с динамиком.

— Так вин же ще нэ работае!..— взмолился Федот Данилович Матющенко.

— Надо, чтоб к утру заработал,— спокойно, однако тоном, не допускающим возражений, приказал Руднев.— И напоминаю всем о бдительности: на ночь и особенно завтра утром усилить боевое охранение и разведку на всех направлениях. Советую: параллельно всем разведгруппам ставить задачу на поиск боеприпасов. Но предупреждайте людей, чтобы действовали осторожно: в прилегающих селах могут оказаться гитлеровские войска...

Руднев на секунду задумался, потом повернулся к Базыме и Войцеховичу:

— Штабу произвести парадный расчет ротных колонн, по родам войск, и к двадцати четырем ноль-ноль довести его до командиров отрядов и оперативных групп Путивльского отряда. Командующим парадом предлагаю назначить лейтенанта Горкунова.

— Принимать парад будет командир соединения.— Комиссар опять на секунду задумался, словно проверяя себя мысленно. Потом, повернувшись к командиру, сказал: — У меня все, Сидор Артемович.

— Добрэ,— отозвался тихо Ковпак. Он тоже задумался вдруг: очень уж нелегкий момент выбрали они с комиссаром для военного парада. Хоть такой парад и сулил партизанам большой моральный выигрыш, но

взвешивать сейчас приходилось буквально каждый шаг, каждое слово. И обращаясь ко всем, Ковпак спросил, уже громко: — Вопросы есть?

— Нет!..— ответили ему со всех сторон.— Нет вопросов. Все ясно...

— Ну, як всим ясно, тоди можэтэ быть свободны,— сказал Ковпак.

Все гурьбой вышли из штаба на улицу, невольно всматриваясь в сельскую площадь, где наутро нам предстояло устроить парад.

В Дубовичах улицы широкие, дома почти все новые, добротные. По всему видно было, народ здесь до войны жил хорошо. В центре располагались здания сельсовета, школы и двухэтажного клуба, словно рамкой окружая просторную площадь.

За ночь эта площадь была очищена от снега, у входа в школу установлена трибуна, спешно сколоченная нашими партизанами и местными плотниками. Часть трибуны, обращенную к площади, обтянули кумачом, на котором большими буквами самодеятельные художники старательно написали: «Слава нашей родной героической Красной Армии, разгромившей фашистских захватчиков под Москвой!»

А позади трибуны над входом в школу, тоже на красном полотнище было выведено: «Смерть фашистским оккупантам!»

Утром 23 февраля в 9.30, несмотря на жгучий тридцатиградусный мороз, площадь была уже заполнена народом. Смешливые чернобровые девчата, быстроглазые подростки, сивоусые деды, даже женщины с малыми детишками на руках,— буквально все жители пришли посмотреть партизанский парад — настолько притягательным оказалось само это слово, что тоже отвечало задумке.

Руднев и Ковпак знали, что в соседних с Дубовичами селах Тулиголово, Быстрик и Жуков находятся передовые части гитлеровского генерала Блаумана. Противник, конечно, постарается заслать в Дубовичи своих тайных агентов из числа предателей. Учитывая и таких «зрителей», Ковпак и Руднев со своим штабом разработали специальный, если можно так выразиться, «сценарий» для проведения парада. Такого парада, после которого у всех карателей от страха прошел бы мороз

по коже. Но вместе с тем, демонстрируя свои силы, мы не должны были, по вполне понятным причинам, раскрывать врагу, какова же наша численность на самом деле.

Когда жители, оставив свои дома, шли на площадь, парадный расчет ковпаковского соединения был уже построен не только на площади перед трибуной, но и на улице, выходящей на площадь. А это значило, что столпившиеся на площади жители (и вместе с ними те, кто проник бы сюда по заданию вражеского командования) не могли видеть всех партизанских сил.

В 9.55 на площадь верхом выехали Ковпак и Руднев, оба в шинелях, затянутые ремнями, в военных ушанках и теплых валенках. Легко соскочив с коней и передав поводья ординарцам, командир и комиссар направились к трибуне, сопровождаемые восторженными взглядами селян.

Но вот прозвучала громкая, раскатистая команда лейтенанта Горкунова:

— Пара-ад, смирно!..

Теперь взоры присутствующих были прикованы к нему — к командующему парадом. Горкунов — он был тоже в комсоставской шинели с пистолетом на правом боку — повернулся кругом и, чеканя шаг, молодцевато подошел к трибуне.

— Товарищ командир соединения! — отрапортовал он.— Представители частей и подразделений вверенного вам соединения выстроены для парада по случаю двадцать четвертой годовщины Красной Армии.

Ковпак и Руднев приняли рапорт. Затем командир обратился к партизанам, застывшим по команде «смирно».

— Товарищи бойцы, командиры и политработники! Поздравляю вас и в вашем лице все части и подразделения с двадцать четвертой годовщиной нашей славной героической Красной Армии!

Слова «в вашем лице все части и подразделения» были военной хитростью, рассчитанной на тайных агентов врага. Но это же было и надеждой для советских людей на временно оккупированной территории.

Послышались дружные аплодисменты. А парадный расчет точно одной грудью сделал вдох, и площадь огласилась могучим троекратным:

— Урр-ра-а!.. Урр-ра-а!.. Урр-ра-а!

Вслед за улетевшим куда-то за село победным кличем раздался мягкий, задушевный голос Руднева:

— Товарищи бойцы, командиры и политработники! Дорогие советские граждане села Дубовичи! Фашистские войска готовы в любую минуту ринуться на нас, но мы, советские партизаны, собрались сегодня здесь на встречу с вами, в вашем селе, чтобы вместе со всем народом нашей страны отметить два события: двадцать четвертую годовщину Красной Армии и крупнейшую победу ее над фашистскими захватчиками — разгром гитлеровских войск под Москвой!

Что тут поднялось!.. Ребята-допризывники, бросая в воздух шапки, кричали «Ура!». Женщины, улыбаясь, вытирали слезы радости. Некоторые старики и старухи истово крестились... А комиссар, сделав успокоительный жест рукой, продолжал:

— Гитлеровцы мечтали молниеносно покончить с нашим социалистическим государством. Но этому не бывать никогда! Весь мир теперь понял это. И хоть вероломному агрессору удалось подобраться к столице нашей Родины, но пятого декабря, как раз в день нашей Конституции, Красная Армия перешла в контрнаступление, разгромила гитлеровские войска под Москвой. Фашисты потеряли более трехсот тысяч солдат и офицеров. Враг отброшен от нашей столицы более чем на двести пятьдесят километров. Освобождены от захватчиков Московская, Калининская, Тульская, Рязанская области и часть районов Смоленской и Орловской областей. Наступление Красной Армии продолжается! Придет час освобождения и поруганной оккупантами Украины. Но приближение этого часа во многом зависит от нас с вами, товарищи. От всех советских людей, оказавшихся на временно оккупированной врагом территории. Мы не должны сидеть, сложа руки, и ждать, пока нас освободит Красная Армия. Мы должны всеми силами помогать ей! Надо здесь, в тылу врага, создавать партизанские отряды, уничтожать фашистов, карать предателей Родины. Надо лишать оккупантов продовольствия, фуража, не давать покоя врагу ни днем, ни ночью!.. Только так мы сможем приблизить час освобождения. А он придет, этот час. Враг будет разбит, победа будет за нами! Ура!

— Ур-р-ра-аа! — подхватили сотни голосов.— Ур-р-р-ра!

И когда площадь притихла, снова раздалась зычная команда Горкунова:

— Парад! Равняйсь!.. Смирно! К торжественному маршу — поротно, первая рота прямо, остальные направо! Шагом марш!

И тут, чего тогда никто не ожидал, вдруг раздались звуки торжественного марша, усиленного динамиком: передача велась по радио из Москвы. Это Руднев приказал включить установленный на трибуне трофейный приемник, работавший от динамомашины, которую в это время в школе изо всех сил крутили несколько партизан.

Ковпаковские роты торжественным шагом двинулись вперед под гул медных труб и барабанную дробь мимо самодельной трибуны. Открывали парад стрелковые роты; за ними — несколько рот автоматчиков. Потом перед трибуной лихо процокала ковпаковская кавалерия. Затем прошли в белоснежных маскхалатах лыжники. За лыжниками появились станковые пулеметы на санях. Замыкали колонну артиллеристы.

Ковпак и Руднев поочередно приветствовали и поздравляли каждую колонну. И в ее лице — всю «часть», подразделение, подчеркивая этим, что в партизанском параде участвуют только представители различных формирований. А чтобы партизанские силы показались еще более внушительными, по указанию Руднева ковпаковские колонны, уйдя с площади, сворачивали в первый переулок, там на ходу перестраивались, меняли лошадей и расчеты на санях со станковыми пулеметами или минометами, у пушек и, обойдя соседней улицей многолюдный сельский плац, заходили опять на ту же площадь, чтобы гордо промаршировать мимо трибуны.

Так повторялось несколько раз. И с каждым таким заходом радостное удивление дубовчан росло. А когда в ходе почти двухчасового партизанского парада жители услышали еще и голос московского диктора, передававшего приветствие вооруженным силам, заканчивавшееся словами: «Слава советским партизанам и партизанкам, храбро сражающимся с фашистскими оккупантами!» — площадь снова загремела мощным «Ур-ра-а!..»

Оно длилось несколько минут, раскатываясь по селу и откликаясь эхом где-то далеко-далеко. Потом, со слезами радости на глазах, все бросились обнимать друг друга.

На этом праздничный парад кончился. Но народ, невзирая на мороз, не расходился. Откуда-то появились гармонисты, начались танцы. Веселье длилось до самого вечера, сначала на площади, потом переместилось на улицы и в дома.

Замысел Руднева осуществился полностью и с блеском. По данным нашей разведки, гитлеровские войска, успевшие еще вечером 22 февраля засечь партизан в Дубовичах, собирались нанести нам удар в середине дня двадцать третьего. Однако получив столь устрашающие «данные» о силах и вооружении ковпаковцев, каратели не посмели нападать: решили подождать подхода своих основных сил, хотя в действительности и без того имели в том районе более чем тройное численное превосходство над партизанами.

Только на следующий день полки генерала Блаумана осмелились атаковать партизан, располагавшихся в Дубовичах. Часов в двенадцать дня до батальона пехоты, усаженной в сани, появилось на дороге со стороны деревни Жуков. Партизаны подпустили эту вражескую колонну на полсотни метров и расстреляли ее из засады.

Часа два спустя небольшая группа партизан Путивльского отряда под командованием Остапенко, ведя разведку, встретила у села Ярославец другую колонну. То была вражеская кавалерия, тоже спешившая к Дубовичам. Партизаны из засады огнем двух ручных пулеметов расстреляли и эту колонну. А сами без потерь отошли к Дубовичам.

Наконец в 15.00 до батальона пехоты все же атаковало Дубовичи — уже с восточной стороны. Удар пришелся по обороне Глуховского отряда, которым командовал Петр Кульбака. На этот раз гитлеровцы действовали более решительно: им удалось подойти почти вплотную к домам, стоявшим на краю деревни. Однако под густым свинцовым ливнем фашисты вынуждены были отойти, оставив на снегу около сотни своих солдат

и офицеров. Кульбака же потерял в этой умело проведенной схватке всего трех человек.

Партизанский парад почти на двое суток сковал действия противника. Это была немалая победа. Тем временем партизаны успели откопать из-под снега в Слоутском лесу более четырех десятков винтовок и с десяток ящиков с патронами, три ручных пулемета и несколько ящиков со снарядами для 45-миллиметровых пушек. Нашему Конотопскому отряду посчастливилось даже найти почти исправный 82-миллиметровый миномет и семь мин.

— Это будет наш «эн-зэ»,— говорили ребята.— На самый пожарный случай!..

А главное, за эти двое суток партизанское командование, поняв, что соединению не избежать боя с карателями, решило, где лучше всего дать этот бой. Руднев и Ковпак считали, что только выгодная позиция поможет партизанам сравнительно небольшими силами разгромить во много раз превосходящего противника. Такой позицией было по единодушному мнению командира и комиссара село Веселое Шалыгинского района.

Дождавшись ночи, соединение незаметно покинуло Дубовичи и двинулось через Обложки, Дунаец и памятную мне Уздицу на Будище — в Веселое.

ПОБЕДИЛИ МУЖЕСТВО И ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Веселое — село красивое, местность здесь живописная. Но сейчас, зимой, засыпанное снегом, оно выглядело угрюмо и напоминало своими очертаниями корпус еще не обтянутого кожей огромного кавалерийского седла, скрытого в глубокой лощине.

Любой грамотный военный, строго придерживающийся буквы устава, увидев занятую партизанами позицию, наверняка сказал бы: обороняться в населенном пункте, расположенном в низине — безумие! Это значит — заранее обречь себя на гибель. Так вначале, узнав о предстоящем бое, думал и я — тоже военный человек: лейтенант, окончивший пограничное училище примерно за год до войны. А вот Ковпак и Руднев, оба полковые комиссары и участники еще гражданской войны, творчески оценив всю сумму обстоятельств пред-

стоящего боя, вопреки букве устава, но верные его наступательному духу, выбрали именно село Веселое, как наиболее выгодную для обороны позицию.

— Ведь в этом селе, которое спряталось в лощине, обороняющиеся партизаны будут точно в траншее защищены от огня наступающего противника,— объяснил нам на совещании Руднев.— И таким образом смогут подпускать атакующего противника, продвигающегося по открытой, сильно заснеженной местности, на предельно близкое расстояние. А значит, мы без труда будем уничтожать врага своим огнем, применив проверенную тактику партизан, тактику ближнего боя.

Мы поверили его словам, зная по опыту: дорого, очень дорого ценил комиссар своих бойцов и по-отечески думал о том, как по возможности уберечь каждого от вражеской пули.

Именно поэтому Руднев и Ковпак, сами не раз водившие бойцов в контратаки еще в годы гражданской войны, теперь, когда почти все ковпаковцы были вооружены в основном автоматическим оружием, решительно отказались от контратак, считая их самоубийством.

— Обороняющиеся партизаны, имеющие автоматы и пулеметы, успешнее отразят своим огнем любую атаку противника, не выходя из укрытия! — неоднократно подчеркивал Руднев.— В предстоящем бою гитлеровцы, обученные воевать строго по уставу и буквально вызубрившие, что такое «преобладающие позиции», обязательно клюнут на нашу приманку и начнут наступать по открытой местности.

Именно поэтому и было выбрано для успешного оборонительного боя это самое, спрятанное в лощине село Веселое, открытые подступы к которому казались на первый взгляд весьма удобными для наступления.

Только с севера, а точнее со стороны хутора Байдарова, прилепившегося к селу как бородавка, подступал носком сапога лес, тянувшийся вплоть до самого Шалыгина, из которого как раз и собрались наступать гитлеровские войска.

По лесу противник, разумеется, мог подойти скрытно к Веселому и внезапно его атаковать. Однако это не пугало Ковпака и Руднева. Во-первых, им было хорошо известно, что в лесу нет ни одной, даже самой

плохонькой дороги, а по глубокому снегу далеко не уйдешь. Во-вторых, партизаны уже знали, что фашисты вообще боятся леса, как черт ладана, и ни за что туда не сунутся, опасаясь охватов и ударов с тыла. Наступления мы ждали только по открытой местности. Это было уже проверено не однажды, как и накануне в Дубовичах. Наконец, в-третьих, лес этот Ковпак и Руднев решили использовать в своих интересах. По их замыслу он должен был сыграть решающую роль в разгроме противника.

По данным партизанской разведки, показаниям пленных и захваченным документам, Ковпаку и Рудневу уже было известно, что гитлеровское командование бросило на уничтожение нашего соединения, насчитывавшего к тому времени всего около 500 бойцов, не только 105-ю венгерскую дивизию и 200-ю венгерскую бригаду, но еще и несколько рот немецкой жандармерии, а также местную полицию, собрав ее из пяти районов Сумской области (всего около 700 полицаев). В общем по тогдашним партизанским масштабам то была огромная силища — раз в пятнадцать больше, чем у ковпаковцев, блокированных в селе Веселое.

Из сведений о сосредоточении противника становилось понятно, что фашисты готовятся атаковать партизан сразу с четырех сторон. Но главный удар, видать по всему, они собирались наносить с северо-востока, со стороны райцентра Шалыгино: туда стягивались основные войска. Ведь именно от Шалыгино до самого Веселого и простиралась открытая местность, наиболее благоприятная для классической, то есть стандартной атаки, чего не могли не видеть гитлеровские офицеры и сам генерал Блауман, возглавлявший эту карательную операцию.

Учитывая, что противник вероятнее всего начнет действовать именно так, Ковпак и Руднев приняли решение: четырьмя отрядами занять в селе прочную круговую оборону, а пятый, Конотопский отряд еще с ночи выдвинуть в засаду к хутору Байдарову в лес-сапожок, около которого как раз и проходила та единственная дорога, по которой могли наступать гитлеровцы.

Утром 27 февраля, отдавая устный боевой приказ на оборону, Ковпак так определил задачу Кочемазову и Канавцу:

— Конотопцам выйти до наступления рассвета в лес, что севернее хутора Байдарова. Затаиться там, и когда нам тут в селе будэ дуже жарко, ударить фашистам в спину!..

А Руднев, оживленно потирая руки, добавил:

— И запомните, товарищи: от вас, от того, насколько точно вы сумеете выбрать момент для внезапного удара по врагу, будет зависеть исход всего боя. Словом, считайте, что мы вверяем в ваши руки судьбу всего соединения!..

Вернувшись из штаба, Кочемазов с Канавцем вызвали нас, командиров взводов, и после самых лаконичных пояснений приказали готовиться к выполнению боевой задачи.

К этому времени в моем подчинении было уже более тридцати бойцов с тремя ручными пулеметами Дегтярева и 82-миллиметровый миномет с семью минами.

Готовились мы к предстоящей, пока еще не ясной нам операции до позднего вечера. Проверяли сани, упряжь, снаряжение, оружие, особенно пулеметы. Хоть зима была уже на исходе — последний день февраля,— но мороз не сдавался: держался в пределах тридцати градусов. И чтобы избежать непредвиденных «отказов» и «задержек», мы решили все оружие протереть насухо: в такой морозище смазка, загустев, иногда подводила. Запаслись мы и едой. Подобрали одежду потеплее, валенки. Ведь нам предстояло чуть ли не сутки находиться на морозе в лесу, где и костер нельзя развести, чтоб не выдать своего присутствия.

И, видимо, догадываясь, что нас ждет нелегкая задача, хозяева, у которых мы жили, сами предлагали партизанам валенки, шерстяные носки и даже кожухи.

Отдохнув несколько часов, после полуночи наш отряд, состоявший тогда из двух взводов (будущих рот), разместился на десяти санях-розвальнях и двинулся через все село в путь, судя по звездам, на север. О том, куда именно мы едем и что конкретно должны делать, командир и комиссар пока не сказали ни слова.

В темном безоблачном небе ярко сверкали звезды. И хотя было полное безветрие, все мы сразу почувствовали, как щеки и уши начал пощипывать мороз. Топот конских копыт и скрип полозьев по накатанной санями

дороге казались такими громкими, будто по улице двигалась огромная колонна.

Но вот дорога кончилась, и скрип полозьев затих. Мы ехали уже по снежной целине, слышались только слабый шорох да частое дыхание лошадей.

Впереди была уже различима черная стена леса. Потом эта стена будто растворилась, и мы въехали на просеку. По обеим сторонам ее замелькали, как часовые, темные стволы деревьев.

Вскоре колонна остановилась.

— Ну вот, братцы, мы и приехали! — объявил Кочемазов, подходя вместе с комиссаром отряда Канавцем к нашим саням.

Кочемазов был небольшого роста, худощавый, одетый в обычное гражданское пальто. Только шапка-кубанка да трофейный двенадцатикратный бинокль на груди говорили о том, что это — командир. Комиссар наш, Федор Ермолаевич — крупный, в буденновском шлеме, в длинной армейской шинели и толстых валенках казался по сравнению с командиром гранитной глыбой.

Когда все обступили командира и комиссара, Кочемазов стал отдавать распоряжения, как всегда быстро и энергично, короткими рублеными фразами:

— Начальнику штаба и командирам взводов! Немедленно выставить боевое охранение. Метров на двести. Во все стороны!.. Посты только парные. Менять их через каждый час. Разводить костры и курить запрещаю. Разговаривать только шепотом. Главная задача на данном этапе — не обнаружить себя. Вопросы есть?

— Нет, товарищ капитан,— ответили ему тихо.

К нему партизаны обращались только по званию, в то время как нашего комиссара Канавца все звали по имени-отчеству.

— Можете греться. Мороз градусов тридцать. Советую двигаться...— добавил Кочемазов. И сам начал энергично разводить руки в стороны и скрещивать их на груди, будто делал физзарядку.

— А околевать на морозе нам с вами, друзья, никак нельзя! — подхватил Канавец.— Потому что комиссар Руднев лично доверил нашему отряду очень важную задачу!..

В чем именно заключалась эта задача, ни Кочемазов, ни Канавец пока не объясняли. Они только намеками давали понять, что дело предстоит трудное.

Самым тягостным для нас была неизвестность. А в то время в Конотопском отряде еще не было даже настоящей военной топокарты, имелась только единственная туристская карта Сумской области, взятая в одной из сельских школ. Карта находилась у Кочемазова или его начштаба, и мне не удалось на нее взглянуть до выхода в лес. Поэтому я и приблизительно не представлял, где же мы остановились.

Но вот ко мне быстро подошел начальник штаба отряда — плотный, круглолицый и чернобровый лейтенант Абрамов.

— Ну что, лейтенант, займемся охранением? — сказал он приглушенным баском.

Взяв отделение бойцов, мы двинулись, судя по положению Большой Медведицы, строго на восток. Пройдя метров двести, мы обнаружили яму, что-то вроде старого окопа, заметенного снегом. Не сговариваясь, решили: здесь надо оставить парный секрет.

Проинструктировав двух бойцов и назначив одного из них старшим, сообщили им пароль и вернулись к месту расположения отряда. Затем мы свернули вправо и пройдя на север около двухсот пятидесяти метров по просеке, оставили возле двух сосен второй секрет.

Только собрались уходить, как где-то впереди послышалась отдаленная, но интенсивная стрельба.

— Это фрицы со страху палят в темную ночь как в копейку,— заметил мой тезка, смешливый жизнерадостный командир отделения Соколовский.— Фашистские гарнизоны любят по ночам стрелять... Для храбрости.

— Нет, дорогой, это не просто стрельба, а настоящий бой. Слышишь?.. Работает сразу, причем с двух сторон, около десятка пулеметов,— вслушиваясь, пояснил Абрамов со знанием дела.— Пущены в ход даже минометы! По всему видать, идет серьезная потасовка. Неизвестно только, кто с кем дерется?

— И где? — вырвалось у меня.

— Вот именно...— подтвердил Абрамов.— Скорей всего, где-то около Шалыгино, километрах в шести отсюда.

— Может, это кто-то из наших,— сказал я, с тревогой подумав, не нужна ли им помощь.

— Возможно,— согласился начальник штаба.— Но не переживай: все равно помочь мы с тобой сейчас не сможем: у каждого — своя задача!.. Пошли. А вы тут,— напомнил он двум бойцам,— будьте повнимательнее. Смотрите в оба!

— Есть смотреть в оба! — повторил старший секрета.

...Отдаленный бой продолжался до самого утра. И хотя шел он все время в одном и том же месте и непосредственно нам не угрожал, все мы, вслушиваясь в треск пулеметов, разрывы мин и гранат, невольно думали: кто же там сражается?..

Наконец, когда уже стало светать, наш Федор Ермолаевич сказал, отвечая как бы всем сразу:

— Зачем зря ломать голову? Вот приедет связной из штаба соединения и скажет. Я думаю, там знають!..— Он, как и Ковпак, часто переходил в разговоре на родной украинский язык.

— Ты прав, комиссар,— согласился с ним Кочемазов.— Ковпак и Руднев знают больше. Но я считаю, что со стороны Шалыгино одного парного секрета днем будет недостаточно. Там надо держать отделение с ручным пулеметом. И выдвинуть его километра на полтора, на самую опушку леса.

— Я согласен, товарищ капитан! — ответил лейтенант Абрамов. И тут же шепнул мне: — Ясно?.. Как только рассветет, сразу выставишь одно отделение.

— Есть,— ответил я

Однако мысль о том, кто же вел тяжелый ночной бой где-то под Шалыгином, беспокоила нас даже и тогда, когда стрельба уже прекратилась.

Переживания наши были совершенно напрасны: как мы узнали днем, этот бой вели между собой два гитлеровских батальона, потерявшие ориентировку. Причем это взаимоуничтожение двух вражеских батальонов явилось следствием тонкого замысла ковпаковского командования.

Ковпак и Руднев никогда не забывали одну из главнейших партизанских заповедей, гласящую, что оборона всегда должна быть наступательной (то есть активной, внезапной и дерзкой). Они решили пойти на хит-

рость — отвлечь часть сил противника, готовившегося к наступлению. С этой целью вечером 27 февраля из Веселого во всех направлениях были посланы небольшие группы партизан. Ведя разведку, они попутно разгромили фашистские комендатуры и полицейские участки в нескольких населенных пунктах, заставив таким образом генерала Блаумана срочно бросить часть сил на уничтожение таинственных «десантников».

Две такие группы — одной командовал лейтенант Войцехович, а другой партизан Павловский — возвращаясь ночью в Веселое после разгрома крупного полицейского гарнизона в селе Сварково, чуть не нарвались у деревни Чернево сразу на два батальона мадьяр. Один из этих батальонов следовал с запада, из города Глухова в Шалыгино, видимо, для усиления главных сил генерала Блаумана, а другой батальон двигался из Шалыгино. Вероятно, противник спешил на помощь тому полицейскому гарнизону, который наши партизаны уже уничтожили в Сварково.

Группы Павловского и Войцеховича, своевременно обнаружив противника, обстреляли походные заставы обоих вражеских батальонов, а сами скрытно отошли в Веселое. Фашисты же приняли в предрассветной темноте друг друга за партизан, так как только что слышали очереди советских автоматов. Завязав встречный бой, вели его до самого утра, пока не увидели, что обе стороны старательно лупят своих. Потери их были столь значительны, что на ковпаковцев эти два батальона уже наступать не могли...

Между тем мороз стал еще злее. К рассвету он так впивался своими жгучими иглами в носы, щеки, пальцы, что мы вынуждены были бегать, прыгать, всячески тормошить друг друга, словом, без устали двигаться. Пока что за эти несколько часов никто не обморозился. Все партизаны с благодарностью вспоминали жителей села, которые помогли многим из нас теплой одеждой.

Сам же я обошелся почти без помощи: хозяйка, у которой мы остановились, дала только старый шерстяной платок — его я разрезал на портянки. А сапоги были у меня еще крепкие, яловые. Шапка — тоже надежная, с отворачивающимся меховым околышем, прикрывающим уши и даже щеки. Хорошо, что пробираясь из окружения к линии фронта, я в декабре сорок

первого года успел заскочить в свою деревню Митченки, на Черниговщине, и мать уговорила меня надеть теплые вещи старшего брата, Павла, тоже воевавшего сейчас где-то. Его черные, не однажды стиранные ватные брюки и овчинный полушубок, крытый темно-серой прочной бумажной тканью, называемой «чертовой кожей», сослужили мне бесценную службу. В этой одежде было тепло, будто старший брат грел меня своим большим сильным телом. Тогда же я сшил себе и овчинные рукавицы. Как все это теперь пригодилось!..

Когда совсем рассвело, Кочемазов, Канавец, начштаба Абрамов повели командиров взводов на опушку леса.

— Пока фрицы не начали наступать,— пояснил Кочемазов на ходу,— надо провести рекогносцировку и подумать, как будем действовать.

Лес, в котором мы провели ночь, был смешанный, весь кудрявый от инея и совсем не зловещий, как мерещилось в темноте. Густой сосновый подлесок позволял незаметно передвигаться и вести наблюдение.

Когда за опушкой открылось обширное снежное поле, наш командир сказал:

— Итак, мы находимся на южной кромке леса, который двумя узкими, всего около километра шириной, неровными штанинами тянется отсюда на север...— Не поворачиваясь, он показал рукой назад.— Туда, аж до Чернево и Шалыгино... Впереди, справа, метрах в пятистах отсюда расположено село Веселое,— там, где видны дымки из труб. По дороге со стороны Шалыгино, как раз вдоль опушки, на которой мы находимся, должны сегодня наступать главные силы фашистов!

Он требовательно посмотрел на нас своими быстрыми, черными, чуть прищуренными глазами, как бы стараясь определить, все ли мы поняли. Затем стал развивать свою мысль дальше.

— Вот командование и приказало нашему отряду нанести внезапный удар по противнику. Разгромить эти главные силы. Ясно?

— Конечно, ясно! — бодро ответил сразу за всех начальник штаба Сергей Абрамов.

— А мне вот совсем неясно,— неожиданно переходя на веселый тон, улыбнулся капитан Кочемазов.— Потому что нам приказано не просто ударить по фа-

шистам с тыла, а выбрать момент, когда и нашим, в Веселом, и атакующим гитлеровцам будет особенно туго. Понятно?

— Что тут непонятного? — снова ответил Абрамов.

— Тогда у меня к тебе вопрос: как мы, сидя здесь в лесу, узнаем, когда и нашим отрядам и гитлеровцам будет туго? — допытывался командир у своего начальника штаба.

— Очень просто,— уверенно пояснил Абрамов.— Отсюда нам будет все видно еще лучше, чем самому Ковпаку!..

— А что на это ответит второй лейтенант? — быстро спросил Кочемазов, глядя на меня.

— То же, что и первый,— ответил я.

— Хватит тебе экзаменовать хлопцев! — не выдержал комиссар.— Воны грамотнее нас з тобой! Нэ даром их там два года учили.

«Там» означало в военном училище. Командование отряда верило в нас, кадровых командиров. Но именно здесь я впервые понял, что Кочемазов и Канавец — не такие уж простачки в военном деле, как могло показаться на первый взгляд.

Словом, за час мы не только изучили как следует местность, уяснили обстановку и поняли свои задачи в предстоящем бою, но и решили, как будем действовать, где выгоднее всего занять позиции взводам и всем нашим огневым средствам.

— Но запомните, братцы!..— Кочемазов часто вместо «товарищи» говорил это слово — «братцы».— На первом этапе главное для нас — ни в коем случае не обнаружить себя. Только от этого зависит наш успех!.. Строго разъясните это своим бойцам. Мы должны видеть все, что будет делать противник, не вызывая у него никаких подозрений. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан! — почти в один голос ответили мы.

— Прекрасно! Командиры взводов, ведите сюда бойцов. Пора занять им огневые позиции...

Часам к восьми мы уже заняли оборону по южной опушке леса, расставили где надо свои «глаза и уши», разъяснив всем предстоящую боевую задачу. Бойцы тщательно замаскировались. Отовсюду велось непрерывное наблюдение.

Ровно в девять со стороны Шалыгино донеслись редкие глухие орудийные выстрелы, и следом начали рваться снаряды, всего метрах в восьмистах от нас.

— Ну вот,— тяжело выдохнул Кочемазов.— Фашисты начали артподготовку.

Поправив на плече карабин, он поспешил на опушку леса. Мы последовали за ним.

Гитлеровцы открыли огонь всего из четырех 75-миллиметровых орудий. Стреляли как-то вяло, с большими, чуть ли не минутными интервалами, будто раздумывая: продолжать огонь или прекратить?

Сначала мы решили, что каратели ведут пристрелку, а потом, через несколько минут, начнут засыпать село снарядами. Но противник продолжал вести огонь в том же темпе.

Понаблюдав минуту-другую, мы поняли: село так укрыто в лощине, что каратели ниоткуда не могут видеть, где ложатся их снаряды. Противник вел артогонь не прицельно, по площади, и, может быть, именно поэтому вражеские артиллеристы стреляли без усердия.

«Не зря, значит, Ковпак и Руднев выбрали эту деревню для обороны. Они оказались намного умней гитлеровских генералов!» — думал я, наблюдая за разрывами.

Через полчаса артобстрел прекратился.

Но вскоре с противоположной, юго-западной окраины села донесся сухой треск вражеских пулеметов. Заработали и партизанские, более зычные «дегтяри». Сначала эта трескотня слышалась справа, приближаясь к нам. Затем, спустя четверть часа — уже слева и где-то дальше.

Как потом сообщил наш связной, прискакавший в лес на лошади, первыми бросились в атаку со стороны деревни Погарычи более пятисот полицаев, собранных гитлеровским командованием из соседних районов и сведенных в отдельный батальон. А через четверть часа пошел в наступление батальон мадьяр.

— Три цепи полицаев положили пулеметчики Кульбаки! Эти перебитые полицаи в черных шинелях валяются на снегу, точно воронье!..— возбужденный боем, торопливо рассказывал связной.— Потом немного погодя на роту Пятышкина полезли мадьяры. Тоже — батальон! И его прижали к снегу намертво!..

Выразительно переглянувшись с Кочемазовым, Канавец заметил:

— В общем, крепко дали фашистам по зубам!

— Да,— кивнул связной.— Хорошо дали!

Это значило, что Ковпаку и Рудневу пока еще не «дужэ» жарко. Лишь в десять часов утра, когда партизаны успешно отразили две вражеские атаки, мы вдруг увидели, что с севера из-за гребня высотки на снежное поле вышла вражеская цепь, за ней — вторая. Они двигались одна за другой на расстоянии всего каких-нибудь полсотни шагов.

Глядя на эти новые цепи гитлеровцев, медленно бредущих по глубокому снегу, я невольно подумал: «Что-то расстроилось в военном механизме карателей, если вместо того, чтоб атаковать село со всех сторон одновременно, они бросают в бой свои силы порознь».

Когда до села оставалось еще более четырехсот метров, первая цепь открыла яростный огонь из пулеметов, винтовок и автоматов.

— Куда и зачем они стреляют? — удивился начальник штаба.— Ведь впереди никого не видно.

— Цэ воны для поднятия своего боевого духа палять,— пояснил Федор Ермолаевич, комиссар отряда, улыбаясь.— Патронов у них багато... от воны и стреляють.

Наблюдая за медленно приближающимся к селу противником, я вдруг подумал: «Как же мы отсюда ударим им в тыл? Ведь от нас до их правого фланга не менее восьмисот метров! Огнем своих пулеметов мы не достанем, из миномета попробовать? Но у нас всего семь мин. Атаковать своими силами? Только людей терять!..»

А гитлеровцы, не прекращая огня, упорно продвигались к Веселому. Вот они уже подошли метров на сто пятьдесят. Потом прошли еще с полсотни метров... Село молчало, будто в нем не было ни одного живого человека.

На спуске в лощину первая цепь почему-то остановилась. Вторая — тоже. Стрельба прекратилась, но вот обе цепи бросились вперед. И тут по ним густо ударили партизанские пулеметы, автоматы, винтовки. А в середине второй цепи заухали разрывы мин.

Обе цепи сломались, залегли в снег, ведя ответный огонь.

По селу из Шалыгино вновь ударила вражеская артиллерия, чтобы поддержать своих солдат, поднять их в атаку. Но едва кто-то в цепи поднимался (видимо, то были офицеры), как тут же снова валился в снег от меткой партизанской пули.

Перестрелка продолжалась около часа или чуть больше. Потом огонь атакующих ослабел и вскоре прекратился совсем. На тридцатиградусном морозе в ботинках, шинельках долго не постреляешь!..

Перестала бить и артиллерия.

— Ну, сейчас, наверно, туго придется тем, кто лежит в снегу,— заметил Канавец.

— Да,— согласился с ним Кочемазов.

Мы радовались за своих товарищей, успешно отразивших атаку противника.

— Может, каратели уже оценили силу партизан и больше не полезут? — Капитан Кочемазов испытующе глянул на нас прищуренными глазами.

— Вряд ли,— усомнился Федор Ермолаевич.— Подождем — увидим...— И подойдя ко мне сказал: — Пока фашисты решают, что им делать дальше, пойдем, лейтенант, проверим дозоры.

Солнце уже поднялось над лесом и висело в морозной дымке, словно затянутый марлей фонарь, когда мы вернулись с обхода.

Прошло еще около двух часов. Вдруг наблюдатели доложили, что с севера, из-за того же гребня движутся новые вражеские цепи. Вот они уже приблизились к лощине и открыли бешеный огонь. Одновременно артиллеристы из Шалыгино опять начали обстреливать село.

Ударить бы нам сейчас! Но и на этот раз вражеские цепи двигались далеко от нас.

Капитан Кочемазов нервно закусил губу. Я понял: он пока не знает, как помочь своим. Ударить в тыл или хотя бы во фланг наступающему противнику?

— Слишком далеко,— сказал он, рассуждая вслух.— Пулеметами их отсюда не достать!

— Я думаю, что нам не надо ничего делать,— ответил спокойно Канавец.— Посмотрим, как их теперь, во второй раз, встретят наши. Тогда и будем решать.

Федор Ермолаевич — старый охотник — следил сейчас за противником, как за приближающимся зверем, чтобы вернее взять его на мушку. Да собственно, все мы сейчас были в роли охотников. И любая военная операция, в сущности, сводится к тому же — выбрать наиболее удобный момент для нанесения решительного удара по врагу.

Глядя на это заснеженное поле, лишенное сейчас реальных примет какой-либо эпохи, я подумал: «Точно так же, наверное, чувствовали себя наши древние предки, воины Дмитрия Донского из знаменитого засадного полка Дмитрия Боброка, когда поджидали в лесу полчища Мамая...»

Между тем цепи противника подошли к околице примерно метров на сто, поравнялись с теми, кто лежал на снегу. А наши почему-то молчат. Неужели у них кончились патроны?!

И вдруг со стороны Веселого дружно застучали партизанские «максимы», «дегтяри» и ППШ, в грохоте боя уже трудно было различить потрескивание мадьярских пулеметов и немецких автоматов.

Стройные вражеские цепи сломались и легли в снег. Огонь артиллерии противника тоже прекратился. Возможно, начальство карателей решило, что пехота уже ворвалась в село.

— Ну, вот видишь? — обрадовался комиссар Канавец, обращаясь к Кочемазову. Он по-рудневски решал все вопросы по ходу боя, вместе с командиром.— И этих наши положили в снег! Ну, а раз положили, значит — все! Наша помощь Ковпаку пока не нужна. Пока что, по-моему, туго мадьярам.

Федор Ермолаевич был прав: вторая атака врага окончательно захлебнулась. Солдаты в обеих цепях, прижатые плотным партизанским огнем к снегу, замерзали. Правда, они часа два ещё продолжали стрельбу. Но потом их огонь стал слабеть.

— Кажется, бой идет к концу,— заключил Канавец.— Я боюсь, что нам вообще сегодня не придется повоевать.

— Не рано ли радуешься? — усомнился капитан Кочемазов. Хотя, судя по его голосу, он был доволен.

— Почему рано? Скоро вечер. Уже солнце садится. А ночью фашисты нэ воюють!..— Но оглянувшись, Ка-

навец воскликнул: — Глянь, до нас бегуть связные из штаба!.. Ось воны зараз всэ расскажуть.

Это были наши разведчики Гриша Новиков и Леня Колесников — оба небольшого росточка, проворные и смелые. Даже в чертах лица у них было что-то общее, точно у братьев, только Гриша был светло-русый и голубоглазый, а Леня — чернявый, кареглазый.

— Товарищ капитан! — приложив ладонь к шапке, негромко обратился Гриша Новиков к командиру отряда.— Командир соединения приказал сниматься и следовать в село.

— Ясно,— сказал Кочемазов. И тут же скомандовал: — Начштаба, снимай дозоры!..— Затем спросил у Гриши: — Ну, как там наши?

— Нормально. Все атаки отбиты. Но почти кончились боеприпасы!..

— Да-а,— покачал озабоченно головой Кочемазов.— Это плохо...

— А потери большие? — поинтересовался комиссар.— Наверно, больше всего от артиллерии пострадало?

— Нет, от артиллерии пока человека два раненых. Больше — от пулеметов. Несколько человек убитых и...— Он вдруг осекся и, указывая рукой в сторону опушки леса, торопливо произнес: — Товарищ капитан, посмотрите, сюда мадьяры движутся!

Мы разом глянули туда, куда показал Гриша Новиков.

— Да, они!..— сказал Кочемазов, отнимая от глаз бинокль.

Действительно, из Шалыгино по дороге, пролегающей вдоль южной опушки леса, на которой мы обосновались с раннего утра, двигалась вражеская колонна.

— А ты, комиссар, говорил, что нам сегодня не придется повоевать,— заметил капитан Кочемазов.— Вот когда будет туго нашим, если мы сейчас им не поможем!..

— Да, этих надо встретить как следует! — воскликнул азартно Канавец.

Кочемазов, обведя нас всех своим строгим взглядом, добавил тоном приказа:

— Пропускаем всю колонну мимо себя. Бьем ей в спину всеми наличными средствами! Первым открывает

огонь левофланговый пулемет. Я буду там. Комиссар — на правом фланге. Вслед за пулеметом открывают огонь минометчики. В атаку не подниматься. Действовать только из засады! Ясно?

— Ясно,— ответил за всех комиссар.

— Тогда — по местам. Еще раз напоминаю: главное — не обнаружить себя раньше времени! Первым начинаю я.— И Кочемазов поспешил на левый фланг к станковому пулемету.

Когда мы заняли свои позиции, на лес уже начали спускаться сумерки.

Свеженькая вражеская колонна за это время подошла к северо-восточному углу нашего леса и теперь продолжала движение вдоль опушки, всего в каких-нибудь двадцати метрах от нас.

Каратели стремились пораньше попасть в село, шли даже без разведки и какого-либо охранения. Видимо, были уверены, что партизан в лесу нет. Три пехотные роты двигались сплошной походной колонной.

Притаившись за толстой сосной со своей самозарядной винтовкой, я напряженно следил за проходящими гитлеровцами. Вот прошла последняя рота, ее хвост поравнялся с нашим пулеметом, у которого находился командир отряда.

Вдруг гулко застучал наш «максим». В тот же миг загудел, затрещал от наших двух станкачей и четырех ручников, казалось бы, дремавший безлюдный лес. Несколько автоматов и четыре десятка винтовок дружно вторили им.

Колонна с отчаянными воплями закачалась, завертелась, будто раненый громадный зверь, и стала быстро оседать на дорогу под несмолкаемый стук партизанских пулеметов.

Удар из засады был настолько ошеломляющим, что каратели вначале не сделали ни одного ответного выстрела. Лишь минут через семь раздалось несколько ответных очередей и одиночных выстрелов. Но они вскоре умолкли. За четверть часа все было кончено...

Только когда все стихло, мы вдруг заметили, что лес уже окутывает ночная темень.

Все заставы, дозоры и секреты тут же были сняты посыльными и собрались у саней.

— Всэ ж таки трэба було б трофеи собрать,— вроде про себя, в раздумье заметил Канавец.— Там же ж багато пулеметов и автоматов!..

— Потом, потом,— торопливо ответил командир отряда.— Нас ждут в деревне. Поехали!..

Разведчики, присланные из штаба соединения, спокойной рысцой ехали впереди, показывая ездовым дорогу. До села оставалось всего километр или полтора. Мы все были уверены, что остальные отряды с нетерпением ждут нас в Веселом, готовые двинуться в путь. Но когда вырвавшиеся метров на триста вперед Гриша Новиков и Леня Колесников приблизились к северной окраине хутора Байдарова, по ним ударили сразу два вражеских пулемета. Две огненные трассы пронеслись над нашим обозом, выше молодого сосняка.

Кочемазов и Канавец, ехавшие на первых санях, остановились, приготовив к бою оружие. Я подбежал к ним. Подошел за мной и начштаба.

— Значит, в деревне фашисты? — удивился он.

— Выходит, так,— ответил ему капитан Кочемазов.

— А где же тогда наши? — встревожился Канавец.

В это время послышался конский топот, и вскоре к нам прискакали две лошади. Обе были без седоков.

— Неужели погибли хлопцы?! — воскликнул Федор Ермолаевич.

Но вслед за лошадьми прибежали и оба наших разведчика. Гриша Новиков был без шапки.

— Живы?— обрадовался Канавец.— Молодцы! А мы думали, что вас обоих срезали из пулеметов.

— Нет, мы сразу свалились с коней — и ходу обратно! Только шапку у меня с головы сорвало. В хуторе немцы и мадьяры! Страшный крик стоит...

— А где же наши? — повторил свой вопрос Канавец, обращаясь к Новикову.— Ведь хутор рядом с селом. Вам сказали в штабе маршрут?

— Нет, ничего не говорили... Они должны были ждать нас! — объяснил Гриша.

— Ладно, разберемся... Возьми мой шарф и замотай голову.— Комиссар протянул ему свой шарф.— А то простудишься.

— Спасибо, у меня есть свой.— Гриша снял с шеи шарф и по-девичьи повязал им голову.

Между тем капитан Кочемазов, рассуждая вслух, произнес:

— Выходит, пока мы добивали этот резервный батальон, Ковпак и Руднев увели остальные отряды. И правильно поступили. Значит, и мы свое дело уже сделали. Плохо только, что не знаем, куда они ушли!..— Подумав еще, спросил: — Что будем делать теперь, братцы?

— По-моему, надо сначала где-то остановиться, чтобы люди обогрелись и поели горячего,— предложил комиссар Канавец.— А потом уже будем думать, дэ своих шукать?.. Тут, за рекой Клевень, должен быть хутор Окоп, там хорошие люди. Може, поедем к ним?

— Согласен,— сказал Кочемазов и шагнул к саням. Потом, повернувшись к разведчикам, спросил: — Дорогу на Окоп знаете?

— Знаем, товарищ капитан. Это недалеко,— ответил Гриша Новиков, поправляя шарф на голове.

— Тогда поехали. Только не отрывайтесь далеко от нас,— предупредил комиссар. Он тронул меня за плечо: — Садись к нам.

Мы развернулись и двинулись следом за разведчиками, прямо по снежной целине.

— Ну как, лейтенант, нравится тебе наша партизанская война? — дружески улыбаясь, тихо спросил Канавец.— Не страшно?

— Нет,— ответил я.— Теперь — нет!

И это было действительно так: после всего того, что я испытал, оказавшись в одиночестве на оккупированной врагом территории, теперь с этакой силищей, с настоящими людьми, было куда веселей; даже не тревожило то, что мы оторвались от соединения в очень напряженный момент.

Сама по себе партизанская война, то есть приемы и способы ее ведения, мне, пожалуй, еще больше нравились, чем армейские. И я, будто исповедуясь, начал рассказывать Федору Ермолаевичу обо всем, что пережил, перечувствовал и передумал, оказавшись в отряде...

Но вот лес кончился, и вокруг посветлело. Проехав километра три, мы поднялись на взгорок, и добравшись до санной дороги, свернули налево.

— По-моему, эта дорога ведет на хутор Окоп,— оживился Канавец. Чувствовалось, что он бывал в этих местах раньше.— До хутора осталось всего...

— Стойте, Федор Ермолаевич! — прервал я его, вглядываясь вперед.— Кто-то движется нам наперерез!

— Где? — спросили разом командир и комиссар.

— Пока не вижу, но отчетливо слышу, справа впереди нас, скрип полозьев... Надо бы послать туда разведчиков!

— Давай, быстро,— распорядился Кочемазов.— Пусть проверят.

Я позвал Новикова и передал ему приказание командира отряда.

— Скачите с Леней, проверьте! Только осторожно.

— Есть осторожно! — козырнул он. Разведчики рысью помчались вперед.

Прошло минуты две, и вдруг в той стороне сердито зафыркали автоматы разведчиков. Это был характерный звук наших советских ППШ, словно кто-то в спешке отрывал от забора доски. Потом все стихло так же неожиданно, как и началось. Ответных выстрелов не последовало.

Когда мы подъехали к разведчикам, те спокойно ждали нас у перекрестка дорог. Гриша Новиков держал под дулом автомата каких-то двух типов: в темноте их трудно было разглядеть. А Леня Колесников осматривал стоявшие гуськом на дороге сани. Все пять саней были чем-то доверху нагружены. Несколько убитых лошадей лежали рядом. Каратели тоже были перебиты.

— Вот,— кивнул Гриша.— Остались только самые шустрые. Успели спрятаться под сани. Остальным — капут! Это — самый главный, офицер! — Он показал на фигуру в длинной, до пят шубе.— А тот рядом — изменник Родины, полицай...

— О, да это же мой старый знакомый! — вырвалось у меня, когда я получше всмотрелся в огромного детину в полушубке и белой, лохматой как у басмача шапке, из-под которой по-звериному посверкивали глаза.

— Откуда ты его знаешь?! — изумился Канавец.

— Откуда?.. Еще до прихода в отряд на хуторе Чернобровкине меня схватили полицаи. Вот этот бандюга раздел меня догола и лупил шомполом, приняв за ковпаковского разведчика. А утром хотел расстрелять.

Кочемазов сорвал с плеча свой карабин, раздался выстрел.

— Собаке — собачья смерть! — Кочемазов, сплюнув, добавил: — Офицера — в сани!..

Быстро собрав оружие и боеприпасы, мы поспешили в Окоп.

«Сегодня нам чертовски везет!» — подумал я, невольно навалившись на могучее плечо Канавца, когда сани вскинуло на ухабе.

— Спасибо тебе, лейтенант, за бдительность. Вовремя ты заметил опасность!..— похлопав меня по плечу, сказал он.— А то ведь мы могли столкнуться с противником лбами.

— Спасибо разведчикам, а не мне! Я тут ни при чем.

— Как сказать! — возразил капитан Кочемазов.— У каждого своя роль в бою. И от того, кто первый обнаружит противника, зависит многое. Ведь и каратели тоже могли первыми обнаружить нас.

— Все могло быть,— ответил я, чувствуя себя неловко, так как главное сделали Гриша с Леней...

Место для ночлега нашего отряда комиссар Канавец выбрал подходящее, словно по заказу. Вообще, следуя примеру Руднева, Федор Ермолаевич, хоть и не был кадровым военным, старался вникать во все, что составляло в целом боевую обстановку. Не зря же он проходил еще в тридцатые годы действительную службу в 7-й Краснознаменной кавалерийской дивизии, которая, кстати сказать, частенько тогда проводила учения в районе наших Митченок. Даже буденновский шлем Канавца сохранился с тех времен... Значит, учили тогда основательно.

Хутор Окоп был не велик — всего два десятка хат, обращенных задворками к лесу. И стоял хутор в стороне, почти в двух километрах от шоссе Глухов—Путивль.

Жители встретили нас как самых дорогих друзей. Ведь целый день здесь слышали доносившийся из Веселого грохот боя и без слов понимали, кто мы такие, в чем нуждаемся. Хозяйки растопили печи и принялись готовить ужин. Мужчины заводили лошадей во двор, задавали им корм.

Мы с начальником штаба сразу выставили охранение: отряд все еще оставался в зоне действия войск генерала Блаумана, в каких-нибудь шести километрах от села Веселое.

Затем решили допросить пленного офицера. Следуя рудневским правилам, мы старались воздействовать на сознание пленных: ведь некоторые, пусть тогда еще не многие из них, могли не поддаться отраве нацистской пропаганды. Внешностью этот мадьяр смахивал на цыгана: волосы — черные с синим отливом, лицо — смуглое.

Промучились мы с ним часа полтора, так как никто из нас не знал венгерского языка. Мы только и поняли из офицерского удостоверения, что он лейтенант венгерской армии и какой-то комендант.

— Да ну его!..— махнул рукой Кочемазов.— Где мы тут переводчика возьмем? Вот найдем своих, и в штабе соединения его допросят.— И добавил: — В общем, лейтенант, отведи его в караульное помещение!

Оно находилось через два дома. В одной комнате этого помещения ночевала хозяйка-солдатка, муж ее сейчас был где-то на фронте. В другой комнате, поменьше, грелись караульные. Там все время горела керосиновая лампа.

Войдя в эту комнату, лейтенант устало сел на край лавки. Он не был похож на тех пленных фашистов, которые пьяными голосами орали, что Москва взята фюрером, а потом, вымаливая себе жизнь, падали на колени.

Отдав вполголоса необходимые распоряжения, решил все же поговорить с этим пленным еще. Правда, задавать вопросы было не так-то просто: я был не очень силен в немецком языке. Одно дело — читать книжку на немецком или хотя бы приказ, захваченный у врага, и совсем другое дело — строить самому целые фразы.

«Надо хоть обыскать пленного как следует. Ведь я не видал, как его обыскивали разведчики. Да и брали-то его в темноте, в спешке!..» — подумал я.

Шагнув к нему, попросил снять шубу, потом френч. В одном кармане оказался складной нож-финка.

Находка моя как будто не смутила пленного лейтенанта. Может быть, он еще не думал о побеге или отлично владел собой. Но таким ножом пленный мог

бы одним ударом убить конвоира и уйти, как это пытался сделать обер-полицай, взятый ковпаковцами в плен, незадолго до моего прихода в отряд.

Еще у пленного оказалась записная книжка. Первые ее листки уже были густо исписаны прямым почерком, по-немецки. Полистав ее возле лампы, я сразу понял: дневник!.. Оказалось он (как многие его соотечественники, со времен Австро-Венгрии) знал немецкий не хуже венгерского.

Дневник начинался с нового 1942 года. Записи лейтенант вел лаконичные, без особых раздумий, но и без торжества по поводу гитлеровской агрессии. Списков каких-либо лиц, подозреваемых в «нелояльности» к фашизму, здесь тоже не было. Просто писал он о том, что видел и слышал. Так, например, в середине февраля он записал следующее: в Нежине их дивизия получила новую задачу — уничтожить крупную партизанскую «банду» в районе Кролевец—Глухов, а 46-й полк должен выехать в Кролевец и начать разведку.

Через пару дней лейтенант уже начал жаловаться самому себе: партизан здесь много, но они неуловимы. Им помогает все население!..

Особенно мне запомнилась дневниковая запись за 23 февраля, так как именно к этой дате — двадцать четвертой годовщине Красной Армии был приурочен наш партизанский парад в Дубовичах. В этот день лейтенант записал, что их разведка обнаружила «крупную банду» — более тысячи человек, имеющую пулеметы и даже артиллерию, и что партизаны проводили военный парад. А командует ими генерал Красной Армии.

Итак, слухи о генеральском звании Ковпака, явно опередившие действительность, устойчиво повторялись в стане врага. И это само по себе уже было высокой оценкой наших действий. Но наиболее любопытной мне показалась последняя запись пленного, от 28 февраля, сделанная в Шалыгино, где находился во время боя генерал Блауман. Лейтенант писал, что карателям наконец-то удалось плотно окружить «красную банду Колпака» в селе Веселое. Генерал Блауман приказал уничтожить партизан. Бой начался в 9.00. После артподготовки полки атаковали село с юго-запада и юга. С севера и северо-востока наступал 46-й полк. Сначала по мнению лейтенанта, все «шло хорошо». Но после

обеда партизаны высадили в их тылу «воздушный десант», который внезапно атаковал и разгромил карателей. А сами партизаны ушли. Автору дневника приказано было выехать со взводом в Веселое и выяснить обстановку. «Что будет со мной? Не знаю!..» — вздыхал он в последней строке.

Так два взвода конотопских партизан превратились уже в «воздушный десант». За чтением этого дневника, отражавшего представления противника о ковпаковцах, я просидел до рассвета.

Когда утром я рассказал о прочитанном Кочемазову и Канавцу, командир тут же заключил:

— Значит, мы им крепко всыпали!.. После такого разгрома у них надолго отпадет охота гоняться за партизанами.

— Но почему этот лейтенант поехал со своим взводом в Веселое не прямо, а через Холопково? — удивился Канавец.

— Наверное, побоялся «десанта»,— ответил я.

При этом все рассмеялись.

— Между тем,— продолжал я,— этот пленный лейтенант не похож на фанатика. Он даже сказал мне, что Гитлер проиграет войну. Но когда я спросил у пленного, готов ли он перейти на нашу сторону и сражаться за правое дело, он ответил: «Их вайс нихт», я не знаю.

— Значит, он чем-то связан,— заметил Кочемазов.

— Время покажет... Руднев сумеет раскрыть ему глаза,— сказал Канавец.— Наш комиссар мастер убеждать!..

Но разговору этому не суждено было состояться. Перед выездом из хутора Окоп, когда пленного лейтенанта вывели из караульного помещения и никто на него уже почти не обращал внимания, он сбросил с плеч наземь свою длинную шубу и пустился вдруг бежать к лесу... Его догнала партизанская пуля.

Из хутора Окоп мы двинулись на Вощинино. Один старик, гостивший накануне у своей сестры в соседнем селе Шулешаво, рассказал нам, что видел там вчера вечером, когда в Веселом еще продолжалась пальба, какой-то большой партизанский отряд с обозом. Колон-

на прошла полем по снежной целине в сторону села Вощинино.

Мы поверили старику: наши не могли уйти далеко и где-то поджидают нас.

Поблагодарив хозяев за приют и гостеприимство, мы тронулись в путь.

Мороз за ночь спал. И солнце светило как-то ярче, даже глазам было больно глядеть на сверкающий снег.

В Вощинино жители подтвердили то, что рассказал нам старик, и добавили, что «якась довга колонна» прошла в темноте в сторону села Бруски.

Действительно, когда мы уже подходили к Брускам, расположенным, как и Веселое, в лощине, разведчики Гриша Новиков и Леня Колесников, ускакавшие вперед, через несколько минут на полном галопе бросились нам навстречу.

— Товарищ капитан! Наши в Брусках! — подскакав к саням командира, доложил сияющий Новиков.— Разрешите возвращаться в штаб?

— Пожалуйста,— ответил Кочемазов с улыбкой, которая не часто освещала его сосредоточенное лицо.— Спасибо вам за хорошую службу, за храбрость и находчивость. Я доложу о вас командованию...

В Брусках все партизаны встретили нас радостными возгласами:

— Живы?.. Ну, спасибо вам, хлопцы! Выручили нас!

— В самый трудный момент вражескую колонну прищучили! — слышалось со всех сторон.

Словом, радость встречи была самая бурная, какая только может быть после отчаянных боев. Конечно, у всех нас был повод гордиться и радоваться. Ведь Ковпаку и Рудневу удалось, благодаря их мужеству и военной хитрости, разгромить крупные силы генерала Блаумана, надолго отбив тому охоту гоняться за партизанами. А небольшой Конотопский отряд, напав на карателей из засады, за каких-нибудь двадцать минут уничтожил вражеский батальон, последний резерв и последнюю надежду генерала Блаумана. В этой короткой схватке, которая помогла главным силам нашего соединения вырваться из вражеских клещей, конотопцы потеряли всего одного человека.

И я, любивший военную историю еще с курсантских времен, опять невольно сравнивал наш маленький отряд с засадным полком Дмитрия Боброка, внезапно напавшего с тыла на последний резерв Мамая и тем самым предрешившего победу русских войск над монголо-татарскими ордами на Куликовом поле.

Причем, если Дмитрий Донской начал сражение с войсками Мамая, имея равные силы с противником, то Ковпак и Руднев вступили в единоборство с врагом, превосходившим партизан по силам и средствам в несколько раз! И разгромили карателей, потеряв в этом неравном сражении только тринадцать человек.

Невольно думал я о том, почему же мы до войны так мало знали о тактике партизанской борьбы — мудрой, веками проверенной тактике, к которой всегда прибегал наш народ, борясь против иноземных захватчиков!..

С годами устаревает любое оружие. Но сами принципы борьбы, основанные на кровной связи партизан с народом, на ловком и точном использовании природных условий, устареть не могут. Мы, молодые кадровые командиры, оказавшиеся в глубоком тылу врага, сейчас, после удачного боя, невольно говорили обо всем этом.

Лишь одно потрясло нас: во вчерашнем бою, столь успешно закончившемся для ковпаковцев, был тяжело ранен комиссар Руднев. Вражеская пуля вошла под левым ухом, задев гортань и язык, и вышла сквозь щеку справа, рядом с сонной артерией — комиссар был на волосок от смерти. Руднев не мог говорить. И все же он нашел в себе силы написать записку, в которой просил: не рисковать ради него жизнью бойцов, скорее уходить из села в лес.

— Как же мы не досмотрели? Комиссар ранен! — сокрушались партизаны.— А все потому, что в каждом серьезном бою Руднев появляется там, где трудней всего!

И это действительно было так. Потому иной раз и ворчал на него сам Ковпак. Но комиссар неизменно доказывал свое:

— Я — политработник. Обязан подымать людей и вести их за собой, когда им трудно!..

Таким был наш комиссар. Я сам слыхал, как Руднев сказал как-то Ковпаку:

— Сидор Артемович, ты не хуже меня знаешь: командир должен находиться там, откуда лучше всего управлять боем. А я комиссар, должен зажигать в сердцах наших бойцов – веру в победу даже тогда, когда им самим покажется, что иссякли все силы! Я просто обязан в самые сложные и опасные моменты боя личным примером увлечь бойцов.

До сих пор комиссару везло. Но в том бою он чуть не поплатился жизнью за свою храбрость.

И вот теперь Семен Васильевич лежал в нашей походной санчасти. Он не мог произнести ни слова, не мог проглотить даже глоток воды, хотя его мучила жажда. И хуже всего, что в соединении тогда еще не было настоящего хирурга, который бы немедленно оказал квалифицированную помощь нашему любимому комиссару.

СЕМЬЯ КОМИССАРА

Партизанская медицина — молодой физкультурный врач, кудрявая чернобровая Дина Маевская, чья хирургическая практика в отряде началась, что называется, с нуля, делала все, что могла. Комиссар молча терпел страшную боль и слабел с каждым часом.

Иногда в полузабытье он видел лицо жены, черноглазой Ньомы, всегда ласковой и уравновешенной. Это она еще в гражданскую войну выхаживала его, уже начавшего было глохнуть и слепнуть после тифа. И сейчас Ньома в сознании комиссара возникала такой, какой была тогда — совсем юной.

Но бывали минуты, когда все его существо словно током пронизывала страшная мысль, что его Ньому вместе с младшим сыном Юриком наверняка разыскивают, а может быть, уже схватили гестаповцы.

Между тем над головой Домникии Даниловны и семилетнего Юры действительно нависла угроза. Младший брат комиссара Константин перевез их к себе в Моисеевку. Здесь гитлеровцы пока не появлялись, но их холуи хорошо знали, из какой семьи Константин Руднев, работавший до войны бригадиром в колхозе, и следили теперь за каждым его шагом.

По ночам Рудневых по приказу комиссара навещали партизанские разведчики: Михаил Федоренко, оставленный обкомом комсомола в подполье, ловкий «вездеход» Коля Бардаков и спокойный, на редкость смелый парень Митя Черемушкин. Разведчики обычно стучались тихонько к сестре комиссара, Ульяне, а та вызывала Константина, и партизаны спрашивали у него, не заметил ли он чего-то подозрительного: ведь за семьей комиссара давно охотились фашистские ищейки.

И вот на следующую ночь после ранения комиссара разведчики примчались в Моисеевку.

Константин сразу уловил шум за окном, предупредил Домникию Даниловну. И та, не раздумывая, схватила спящего Юрика, спрятала его под кровать в надежде, что если пришли полицаи, то, может, они и не заметят мальчишку.

К счастью, приехали свои: Федор Горкунов, Леня Забелин и, главное, Радик. Домникия Даниловна горячо обняла сына, но тот, осторожно разомкнув ее руки, проговорил отрывисто:

— Собирайся, мама... Мы приехали за тобой и Юрой.

Мать стала торопливо укладывать самые необходимые вещи. Она знала, что в ближайшем селе находится большой гарнизон гитлеровцев. А тут еще Радик, по-своему пытаясь подготовить ее к главному, сказал сдержанно:

— Папа ранен, хочет тебя видеть... Но ты не волнуйся, ничего страшного.

При этих словах сына руки у нее задрожали и совсем перестали слушаться. Сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, Домникия Даниловна оттолкнула узел, кинулась к вешалке.

— Ладно!.. Поехали скорей!

Но Константин остановил невестку.

— Подождите меня тут! Я должен рассчитаться с предателями.

— Не спеши,— остановил его рассудительный Забелин.— Нам нужно уйти тихо, ведь мы не одни!

— Значит, оставлять живым немецкого холуя, который уже заготовил список, кого арестовывать?! — резко возразил Константин Руднев.

— Тогда другое дело,— согласился Забелин.

— Да, надо кончать его! — сказал веско Горкунов,

старший в группе, и яростно стегнул по сапогу плеткой.— Ух, гадюка!.. Мы как чувствовали, только что были у этого Лариона. Да нет его дома!

— А вы под перины заглянули? — спросил Костя, прищурясь.

Домникия Даниловна слушала весь этот разговор, нервничала: задерживаться здесь было очень опасно, но и торопить партизан она не могла.

Разведчики вместе с Константином снова направились к дому предателя.

Он действительно перед этим прятался в пуховиках, а когда вылез, стал наблюдать за улицей. Увидев, что Костя Руднев с группой партизан идет к его дому, выскочил через окно во двор.

Не теряя ни секунды, Костя вырвал из руки Горкунова пистолет и трижды выстрелил вдогонку предателю. Тот упал. Когда его обыскали, списка при нем не оказалось.

— Наверняка список у писаря! Это он под диктовку Лариона писал. Там все наши люди из Моисеевки указаны, кто партизанам помогает! — торопливо объяснил Костя Руднев.— Писарь сам угрожал нам спьяна, гад... Теперь сидит и ждет немцев. Надо его взять! Да только как такого пройдоху возьмешь? Выманить бы его к нам, по-немецки! — быстро решил Константин.— Ты, Радя, сумеешь?

Племянник молча кивнул ему. Знал Радик по-немецки ровно столько, сколько требовалось, чтобы передать торопливыми выкриками команду:

— Ком!.. Шнэль, шнэль! — идем скорей, мол, с нами.

Именно на такую команду и клюнул предатель. Как только писарь открыл дверь, Радик полоснул по нему из автомата.

— Вот тебе, иуда. Капут! — зло произнес Леня Забелин.— Смотрите, список у него!..

Тем временем Горкунов усадил Домникию Даниловну и Юру в розвальни. Только сейчас она увидела, что приехали за ней на двух санях с пулеметами. Юрик притворился, что спит, хотя понимал почти все. Он сообразил: матери будет спокойней, если он будет молчать.

Наконец партизаны тронулись. Радик прыгнул в розвальни уже на ходу...

Партизаны были рады приезду жены комиссара, говорили:

— Уж Домникия Даниловна поставит его на ноги! Выходит...

Но до поправки ему было еще очень далеко. Пока что он худел и слабел, потому что не мог ничего есть. Положение становилось крайне опасным.

И тут разведчики узнали, что в местечке хутор — Михайловский проживает какой-то харьковский профессор-хирург, не успевший эвакуироваться. Решено было любым способом привезти его к комиссару.

Доставили профессора к больному ночью. Домникия Даниловна, с трудом сдерживая дрожь в руках, сама светила большой керосиновой лампой, пока профессор обследовал рану. Долго с сочувствием смотрел он на раненого, понимая, какие мучения терпит этот красивый и мужественный человек. Наконец сказал, обращаясь к жене комиссара и Ковпаку, в котором, судя по уважению окружающих, признал командира:

— Оперировать в таких условиях не берусь. Здесь — глушь, а эту операцию можно делать только в условиях клиники. Понимаю, что вашего товарища нельзя отправить в город. Поэтому возложим надежды на сильный организм больного. Весь вопрос в том, чем его кормить, поскольку травмирована гортань.

Профессор отказался остаться у партизан хотя бы временно, чтобы понаблюдать за тяжелораненым. Он дал лишь несколько полезных советов.

Все то, что на прощание он говорил партизанским медикам, Домникия Даниловна угадала своим чутьем еще раньше. Чтобы как-то поддержать силы ослабевшего Сени, она придумала особый рацион и особую «кухню». Теплом своих рук согревала она свежее сырое куриное яйцо и осторожно вливала его в рот больному.

Разведчики готовы были сутками мотаться в седле, чтобы раздобыть где-нибудь десяток свежих яичек или крынку молока. Потом, когда пронесся по соединению слух, что можно давать Семену Васильевичу бульон и

что для здоровья это даже необходимо, Домникии Даниловне наперебой предлагали кур. Иногда она даже сердилась:

— Да что вы, ребята? Зачем столько? Унесите обратно!..

Атмосфера боевой дружбы, окружавшая семью комиссара в отряде, почти вытеснила из памяти Домникии Даниловны и особенно Юры тяжкие месяцы скитаний.

У семилетнего мальчишки вскоре завелся свой карабин, разумеется трофейный, подарок друзей Радика по разведке. Читать и писать Юра еще толком не умел, зато обращаться с оружием научился за неделю. Ведь оружие означало жизнь, когда кругом враг. Впрочем, подлинных размеров опасности ребенок не сознавал. Больше за него волновалась мать.

Беспокоилась она и о старшем — Радике, постоянно находившемся где-то в разведке. Но еще больше она страдала, глядя на раненого мужа.

Как-то, зайдя проведать комиссара и увидев, что он забылся сном, я спросил у его жены, тихонько беседовавшей на кухне с другими такими же визитерами.

— За что именно, еще до войны, получил Семен Васильевич боевой орден?.. Людей, награжденных в мирное время Красной Звездой, было очень мало!

— За что Сеня получил орден на Дальнем Востоке? — повторила мой вопрос Домникия Даниловна, и в живых черных глазах ее отразилась гордость за мужа: — За политработу, конечно! Да он всегда так работал, не только на Дальнем Востоке, а всю жизнь — сколько я его знаю. С самого первого дня нашего знакомства... Как умел он выступать, даже в самые молодые годы! Когда он рассказывал нам в Кадиевке о военных событиях на Перекопе, шахтеры не могли сдержать слез!.. Удивительно, как он умеет раскрыть в человеке все благородное. Он как-то сказал мне, что политработник — «брат учителя» и отвечает за каждого человека, который верит ему!.. И воля к жизни у Сени всегда была поразительная — рядом с этой человечностью. Да, именно воля к жизни, стремление к знаниям и безграничная вера в человека — вот его главные качества.

...Терпеливо, день за днем продолжала Домникия Даниловна свое дело: поила, кормила раненого с ложечки, берегла его сон. Ведь лечился комиссар на ходу, в сложных, очень нелегких условиях рейда, продолжая жить боевой жизнью всего соединения.

По малейшему, почти неуловимому движению губ мужа, запекшихся от жара, Домникия Даниловна угадывала, кого из командиров позвать, что хочет сказать Семен Васильевич, чем недоволен.

Говорить комиссар все еще не мог, хотя прошло уже после ранения две недели. Только в знак согласия с собеседником опускал глаза или писал ответ на бумаге.

Но однажды на дневке, выйдя из горницы за молоком и вскоре вернувшись обратно, Домникия Даниловна поразилась, услыхав знакомую и в то же время странную, ставшую слегка картавой, речь мужа.

— Вот безобразие! — возмущался, очевидно после какого-то сообщения разведчиков, комиссар.— Мы спасаем этого лейтенанта от гибели — предлагаем ему вместе с нами воевать!.. Так он еще торгуется, спрашивает, какую ему здесь должность дадут. Сукин сын!..

Домникия Даниловна, дивясь этой легкой, раскатистой картавости, которой никогда не было у мужа прежде, до ранения, воскликнула:

— Ой, Сеня! Ты уже можешь говорить?!

Он улыбнулся ей в ответ и продолжал разговор с разведчиками. Когда те наконец ушли, Семен Васильевич сказал, чтобы подбодрить свою верную Ньому, у которой только сейчас заметил незнакомые, преждевременные седые прядки на висках:

— А помнишь, Ньомочка, как мы перед самой войной в Путивле бинтовали перебитую лапку твоему любимому белому цыпленку? Здорово мы ему тогда шину наложили из спичечного коробка!..Ты тогда плакала, чудачка! Не понимала, что это — наши с тобой домашние курсы медсестер. Видишь, как они тебе пригодились?

«ПРИКАЗ — ДВЕСТИ»

После веселовского боя Ковпак и Руднев решили на время уйти в Брянские леса: надо было дать отдых соединению, а главное — пополниться боеприпасами.

По данным нашей разведки там лежали под снегом минометы, пушки, ящики с патронами, минами, снарядами.

Расположились мы на южной окраине лесного массива, раскинувшегося огромным зеленым морем южнее Трубчевска, у самой границы Брянщины, в знаменитой Старой Гуте, ставшей потом нашей партизанской столицей.

Буквально на следующий день все отряды, в том числе и мы, конотопцы, взялись за розыск оружия и боеприпасов. Огромную помощь в этом оказали нам местные жители и повалившие к ковпаковцам окруженцы, осевшие на зиму в здешних лесных деревнях и лучше других знавшие места, где оставались склады боеприпасов и вооружения.

Неделю спустя, в самый разгар этих поисков, в штаб Конотопского отряда примчался запыхавшийся связной от Ковпака и передал, что меня срочно вызывает к себе командир соединения.

«Зачем?» — подумал я с тревогой: ведь когда вызывает начальство, человек почему-то всегда думает о том, не допустил ли он какого-нибудь промаха. Но перебрав в памяти события последних двух-трех недель, я успокоился. Промахов вроде не было. «Тогда зачем же вызывают?» — думал я, подходя к дому, в котором располагались командир с комиссаром.

Встретил меня, к моему удивлению, не Ковпак, а Руднев. Он был один в комнате.

Когда я доложил о прибытии, Семен Васильевич шагнул вперед и протянул мне свою крепкую смуглую руку.

— Здравствуйте, товарищ Брайко.

— Здравия желаю, товарищ полковой комиссар!

— Проходите, садитесь,— указал он на скамью вдоль стола. Сам он сел напротив.— Ну как, нравится вам у нас?

Глаза его весело посверкивали.

— Нравится,— признался я искренне.— И знаете почему? Потому, что мы воюем, как говорил Суворов, не числом, а умением. У нас все, от командира соединения до рядового бойца, думают прежде всего о том, как хитростью одолеть врага, сохранив при этом своих

людей... И еще мне нравится, что у нас, как и у пограничников, в основу боевых действий положены самостоятельность и инициатива каждого командира и бойца. А это требует от всех высочайшей ответственности и находчивости.

— Что же, спасибо вам за столь высокую оценку,— с мягкой необидной иронией произнес Руднев.— Теперь давайте поговорим о другом. Ведь это я пригласил вас! Хочу посоветоваться с вами по одному очень важному вопросу...

Говорил он со мной доверительно, как с равным.

— В последнее время наше соединение значительно выросло и окрепло в боях. Следовательно, возросли и стоящие перед ним задачи. Но решать их оперативно мы зачастую не успеваем. И причина, мне кажется, в том, что разведка не обеспечивает нас своевременно необходимыми данными... Вы, как пограничник, больше других должны понимать в разведке. Так вот, что вы можете нам посоветовать? — Руднев с живым интересом смотрел на меня.

— Не уверен, товарищ комиссар, что сумею дать вам толковый совет: ведь опыта работы у меня почти нет,— ответил я.— Но думаю, что если во всех воинских частях и соединениях, сражающихся на фронте, есть как разведподразделения, так и управляющие ими разведорганы в штабе, то в партизанском отряде, действующем постоянно во вражеском окружении, разведывательный аппарат необходим вдвойне!.. Я считаю, что в нашем соединении уже давно надо иметь не отделение, а по меньшей мере роту разведки! А в штабе должен быть специальный человек и даже не один, который бы знал это дело и умел организовать все виды разведки... Командование же должно только ставить задачу и получать готовые данные. Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать.

— Ну что ж, спасибо вам.— Дружелюбно, с обычной своей вежливостью, сказал он.— Вы подтвердили мои догадки. У меня больше вопросов нет.

— Разрешите быть свободным? — Я поднялся.

— Пожалуйста, можете идти.— И комиссар пожал мне крепко руку.

Когда я вернулся в отряд, Кочемазов с Канавцем в один голос спросили:

— Ну что?..

— Зачем ты понадобился Ковпаку?

— Ковпака я не видел. Со мной разговаривал комиссар. Он интересовался в основном организацией разведки.

— Ясно,— мрачно сказал Кочемазов и многозначительно посмотрел на Канавца.

— Значить, забэруть тэбэ от нас, Пэтро,— сделал вывод Канавец.— Как пить дать, забэруть!..

И верно, через два дня командир Конотопского отряда получил письменное приказание: срочно откомандировать лейтенанта Брайко П. Е. в распоряжение штаба соединения.

Так я был назначен помощником начальника штаба по разведке. Вскоре была сформирована и разведрота, которую у нас с гордостью стали называть главразведкой.

К концу марта 1942 года под началом Ковпака и Руднева сражалось уже около семисот человек. И отряды наши продолжали расти. Ковпаковцев уже знал и любил народ. Но кто, где, когда назвал нас впервые ковпаковцами, мы особо не задумывались.

Сделал это, по-моему, Руднев. Именно от него, нашего комиссара, как я понял уже будучи помощником начальника штаба соединения по разведке, впервые пошло в документы это простое и хлесткое слово: ковпаковец.

— Как же так, Семен Васильевич? — невольно удивился я.— Просто — ковпаковцы?.. Ведь мы, то есть штаб, во всех отчетах именуемся соединением Ковпака и Руднева!

— Сидор Артемович Ковпак — командир нашего соединения! Я — комиссар. А любой комиссар прежде всего должен думать о монолитности, сплоченности коллектива. Поэтому я, товарищ Брайко (он предпочитал ко всем обращаться по фамилии, официально), с гордостью называю себя ковпаковцем!..— И лихо закрутив свои усы, добавил уже весело: — Да и звучит как? Будто выстрел из винтовки!..

Почти неделю мы стояли спокойно в Старой Гуте, вооружались и пополнялись добровольцами. Противник не подходил ближе, чем на полсотни километров. И вдруг вечером 1 апреля наши заставы из прилегаю-

щих сел сообщили: село Жихов занял батальон гитлеровцев.

Прочитав донесение, комиссар Руднев вскипел, матово-смуглое лицо его стало малиновым от возбуждения.

— Сидор Артемович! — повернулся он к Ковпаку, молча гревшемуся простым морковным чаем из большой походной кружки.— Сегодня немцы заняли Жихов, а завтра полезут на наши заставы? Этого допускать нельзя. Если мы хотим сохранить инициативу в своих руках, надо завтра же уничтожить этот гарнизон! Чтоб они и духу нашего боялись!

И в этом быстром решении опять же проявился Руднев: он прежде всего заботился о такой атмосфере, которая повышала бы боевой дух ковпаковцев и вместе с тем вселяла бы в стан врага панику.

Ковпак, поставив кружку на край стола, молча склонился над топокартой. Потом крякнул и, зло прищурившись, почесал свою маленькую острую бородку.

— Твоя правда, комиссар! Придэться громыть!..

На рассвете 3 апреля наши роты, совместно с Хомутовским отрядом, пришедшим сюда из Хинельских лесов, окружили село Жихов и внезапным ударом разгромили гарнизон. Причем, решающую роль в этом разгроме сыграла неожиданно для всех 2-я рота, находившаяся в резерве, а точнее — шестерка бывших десантников во главе с Андреем Цимбалом.

Командовал 2-й ротой тогда капитан Замула, бывший танкист, попавший в окружение и пришедший к Ковпаку еще вместе с Рудневым.

Оказалось: перед началом боя заместитель Замулы Андрей Цимбал, не любивший сидеть без дела, упросил ротного разрешить ему со своими ребятами подобраться поближе к селу и понаблюдать за ходом событий. Получив такое разрешение, он со своей шестеркой скользнул незаметно в Жихов прямо к школе, в которой располагался фашистский батальон, и накрыл там спящих гитлеровцев.

Сложенные в кучу трофейные винтовки и пулеметы, минометы и до зарезу нужные нам патроны лучше всяких слов говорили о результате смелой инициативы Цимбала.

Только убитых мы насчитали около двухсот человек. Потерь у Андрея Цимбала не было совсем: немцы, по выражению наших хлопцев, не успели и штаны надеть...

Вечером на очередном тактическом разборе, какие регулярно проводились в соединении по инициативе комиссара и получили полушутливое название «ковпаковская академия», был сделан подробный анализ боя.

Как всегда на эту «академию» пришли все ковпаковцы, свободные от заданий. Штаб заранее подготовил наглядную схему партизанской операции, а Базыма, как начальник штаба, доложил присутствующим замысел командования и реальный ход боя. После этого началось самое интересное — выступления участников сегодняшних событий. Не взирая на лица, партизаны честно и открыто говорили о причинах неудач того или иного командира подразделения и отмечали тех, чей боевой почерк достоин подражания.

Руднев и Ковпак тоже приветствовали такую откровенность, выявлявшую истинные заслуги командиров и приносившую пользу общему делу.

Подводя итог, Руднев сказал:

— Теперь на примере Цимбала вы видите, товарищи, что могут сделать разумная инициатива и смелость одного человека! Ведь если бы Цимбал не накрыл спящими две вражеские роты со штабом их батальона, то через несколько минут противник встретил бы смертоносным огнем наши атакующие подразделения. И кто знает, сколько наших товарищей сложили бы здесь свои головы?.. А вот находчивый смелый командир сразу смекнул, что надо сделать, чтобы облегчить задачу всему соединению! Огромное спасибо за это Андрею Цимбалу и его шестерке десантников. Кстати, все они комсомольцы. И наш комсомол должен взять на вооружение этот героический пример.

После удачной операции по уничтожению вражеского батальона в Жихове возникла мысль о разгроме гитлеровских гарнизонов, блокировавших южную окраину Брянского леса. Осуществить такой широкий, крупномасштабный замысел, разумеется, можно было только общими усилиями всех отрядов, находившихся сейчас на южном участке Брянского леса. Этот рудневский план совпал с тайным желанием Ковпака.

9 апреля в Старой Гуте состоялось совещание всех командиров украинских, брянских, орловских и курских отрядов, на котором был разработан окончательный план разгрома противника.

В ночь на 11 апреля разыгралось грандиозное по партизанским масштабам сражение на фронте протяженностью почти в сорок километров, от Знобь-Новгородской, до Середина-Буды. В темноте тут и там вспыхивали оранжевые зарева. Ухали залпы партизанской артиллерии, которым разноголосо вторили разрывы снарядов и мин.

В ходе этого многочасового боя, основную тяжесть которого взяли на свои плечи Ковпак и Руднев, были уничтожены вражеские гарнизоны в селах Голубовка, Красичка, Пыгаревка, Большая Березка, Лукашенков, Чернатское и в районном центре Середина-Буда. Было захвачено много боеприпасов.

В завершение этого удачного для нас дня произошло еще одно долгожданное событие: в ночь на 12 апреля над селом Старая Гута появился наконец советский самолет и сбросил ковпаковцам рацию и трех радистов. Это были начальник радиостанции Дмитрий Степанович Молчанов, радисты Коля Грищенко и Катя Коноваленко.

Именно это событие, знаменовавшее собой начало постоянной связи с Большой землей, с ЦК КП(б)У и с Верховным командованием, воодушевило Ковпака и Руднева на новый смелый рейд.

Пополнившись боеприпасами и подучив в совместных боях здешние партизанские отряды, которые быстро овладели активной, маневренной тактикой ковпаковцев, соединение вечером 16 мая устремилось обратно на юг, чтобы нанести удар по железнодорожной магистрали Конотоп—Ворожба, по которой сейчас, в связи с началом наступления нашего Юго-Западного фронта на харьковском направлении, гитлеровское командование усилило переброску войск и техники.

Как всегда перед выходом в рейд, Руднев напомнил командному и особенно политическому составу:

— Предупреждаю, товарищи, что теперь, когда мы выросли в большую силу, надо особенно корректно решать с населением вопросы расквартирования, фуража и продовольствия. Вы по опыту уже знаете, что

народ относится к нам, как к своим верным защитникам, готов поделиться с нами последним куском хлеба. Бывало, что люди отдавали партизану последнюю пару сапог!.. Но между такой добровольной помощью и грубым изъятием у населения пусть даже весьма необходимой тебе вещи существует громадная разница. Особое внимание обратите на новичков!..

Комиссар будто в воду глядел, говоря об этом.

На четвертый или пятый день рейда, когда соединение после ночного марша остановилось на отдых в Слоутском лесу, произошло «ЧП». После полудня из деревни Землянка прибежала на ковпаковскую заставу женщина. Она успела буквально пальцем показать на того, кто нес за спиной в мешке поросенка, пристреленного у нее во дворе.

Виновного задержали. Это был новичок, которого приняли в соединение в конце апреля; по возрасту он был уже зрелый человек. Его имя и фамилию я называть не хочу по вполне понятным причинам.

Когда его и женщину доставили в штаб, Руднев и вышедший из палатки вслед за ним Ковпак поняли все с полуслова.

— Негодяй!— побелев от гнева, бросил Семен Васильевич в лицо мародеру.— Так поступают только захватчики, фашисты!.. Ты понимаешь, кого ты обидел? Солдатку, мать нескольких ребятишек! Ты опозорил все наше соединение...— И повернувшись к дежурному, добавил: — Возьмите его под стражу.

Ковпак, молча куривший во время этой сцены, теперь, когда увели провинившегося, сказал солдатке вроде даже спокойно:

— Прошу извинить нас, уважаемая. Убытки мы вам возместим, а виновного накажем. Пидождить трошки там, в холодке.

Женщина, робко отойдя от штабной палатки, уселась в тени под деревом. А Ковпак, повернувшись к комиссару, спросил:

— Шо будэм робыть, Сэмэнэ?..

— Немедленно расстрелять!..— Голос Руднева неожиданно дрогнул. Казалось, что-то перехватило ему горло, мешая дышать.

— Да! Прыдэться...— подтвердил Ковпак.— Готовь приказ.

Руднев все еще стоял возле палатки, опустив голову.

— И расстрелять перед строем всего личного состава! — тихо, но четко добавил он.— На глазах у ограбленной женщины!..

Потом повернулся и пошел в палатку — писать этот страшный приказ.

Спустя полчаса приказ привели в исполнение. Все были потрясены, но понимали: иначе нельзя!

Женщина наотрез отказалась получить какое-либо возмещение убытков. Она мокрыми от слез глазами обвела молча расходящийся строй партизан и сказала, обращаясь к командиру и комиссару:

— Что ж вы за люди? И какая у вас чистая совесть, если вы даже своему простить этого не можете?!

С этого дня навсегда, намертво вошел в плоть и кровь каждого партизана этот рудневский приказ, метко прозванный самими ковпаковцами «Приказ двести — расстрел на месте».

Так высоки были моральные требования комиссара Руднева к партизанам — защитникам народным.

Впоследствии этот приказ стал неукоснительно выполняться партизанами, действовавшими на всей временно оккупированной врагом территории.

В РОДНОМ ПУТИВЛЕ

Появиться внезапно под самым Путивлем, как рассчитывали Ковпак и Руднев, нам не удалось: оккупационные власти обнаружили соединение уже в районе Ямполя, то есть почти за полторы сотни километров (с учетом протяженности обходных путей, так как партизаны обычно двигались не по магистральным дорогам).

Видимо, разгадав намерение ковпаковцев, гитлеровское командование начало подтягивать к Путивлю свои войска. Чувствовалось, противник решил закрыть соединению доступ в наш родной Спадщанский лес, зная уже по собственному горькому опыту, насколько он удобен для партизан.

И тем не менее 24 мая соединение незаметно подошло почти вплотную к урочищу Спадщина. Остановились мы километрах в четырех-пяти от прежней своей

базы, в соседнем урочище Марица, где еще в сентябре 1941 года родился Шалыгинский отряд.

Дополнительные данные боевой и агентурной разведки подтвердили догадку нашего командования: оккупанты действительно уже блокировали все подступы к Спадщанскому урочищу, заняв оборону по реке Клевень — в селах Старая Шарповка, Яцыно, Черепово, Стрельники, Вязенка — силами пополнившихся заново 4-го и 33-го полков 105-й мадьярской пехотной дивизии, подразделениями немецкой полевой жандармерии и местной полиции, стянутой из ближайших районов. В самом селе Спадщина находились инженерные подразделения, заготовлявшие стройматериал для восстановления моста на реке Сейм, уничтоженного ковпаковцами осенью сорок первого года.

Особенно сильные гарнизоны стояли в Яцыно, где оккупанты охраняли мост через Клевень на главной межрайонной магистрали Кролевец—Путивль, и в Вязенке, в которой был мост тоже через Клевень на дороге Глухов—Путивль.

Одновременно с этими, не очень-то радовавшими наше командование сведениями, разведчики принесли еще одну важную новость: за последнюю неделю резко возросло движение немецких эшелонов на железной дороге Конотоп—Ворожба, проходившей по открытой степной местности. Примерно через каждые сорок минут в сторону Харькова и Курска следовал состав с вражескими войсками и техникой.

Эта новость особенно заинтересовала Ковпака и Руднева: ведь соединение и стремилось сюда для того, чтобы нанести удар по этой железнодорожной магистрали, имеющей сейчас особо важное, стратегическое значение для гитлеровцев. Дело в том, что еще 12 мая войска нашего Юго-Западного фронта начали наступление на Харьков. А спустя неделю гитлеровское командование на этом же направлении развернуло свою наступательную операцию, которая впоследствии стала известной под кодовым названием «Фридерикс».

К тому же и Ковпаку и Рудневу очень хотелось побывать в родном Путивле и, как сказал наш комиссар, постоянно заботившийся о политическом резонансе боевых действий, показать фашистам, что настоящими хо-

зяевами являемся мы, партизаны, представляющие народную Советскую власть на временно захваченной врагом территории.

Учитывая все это, Ковпак и Руднев приняли решение: атаковать не Путивль, в котором располагались штабы двух или трех полков, немецкая жандармерия и местная полиция, а внезапным ударом разгромить все вражеские гарнизоны, блокирующие Спадщанский лес. Затем, воспользовавшись паникой (а в том, что гитлеровцы побегут спасаться в райцентр, Ковпак и Руднев не сомневались), ворваться буквально на их плечах в город.

Штаб соединения и командный пункт расположились на Вишневых горах, что в южной части урочища Марица. Отсюда хорошо просматривались почти все вражеские гарнизоны на Клевани и даже виден был сам Путивль.

Под вечер на КП пригласили командиров и комиссаров всех отрядов, а также командиров и политруков оперативных групп путивлян. На этом совещании были поставлены боевые задачи всем подразделениям и определены районы базирования каждого отряда в дальнейшем, после планируемой операции, с учетом расширения зоны наших партизанских действий на все пять районов: Путивльский, Глуховской, Конотопский, Кролевецкий и Шалыгинский.

26 мая в час ночи ковпаковцы атаковали вражеские гарнизоны в селах, прилегающих к Спадщанскому лесу. К утру почти все эти гарнизоны были разгромлены. Остатки их в панике устремились к Путивлю. Но путивльский гарнизон, насчитывавший около семисот человек, в это время без оглядки бежал к парому, чтобы поскорей переправиться на другой берег Сейма и скрыться в соседнем райцентре Бурынь. Там было много фашистских войск: через эту Бурынь проходила железнодорожная магистраль. Та самая магистраль Конотоп—Ворожба, по которой гитлеровцы гнали свои эшелоны в сторону Курска и Харькова.

О том, что противник бежал из Путивля, разведчики доложили мне в двенадцатом часу. Я поспешил к Ковпаку и Рудневу, уже расположившимся со своим штабом на самой опушке Спадщанского леса, у околицы Старой Шарповки.

Доложив, что противник удрал из Путивля, я спросил, зная о тайном желании обоих побывать в родном городе:

— Может, займем Путивль?..

— Вот видишь, Сидор Артемович? — воскликнул Руднев, выразительно посмотрев на Ковпака.— Значит, правильно мы сделали, что сначала ударили по гарнизонам?

— Занимай!..— обернувшись ко мне, сказал Ковпак.

— Но какими силами занимать?..— уточнил я.— В моем распоряжении сейчас — только дюжина разведчиков-кавалеристов, да и те охраняют штаб!

— То-то и оно!..— Ковпак озабоченно поскреб свою бородку.

— Сидор Артемович!..— Руднев посмотрел на него чуть прищуренными глазами, в которых светился веселый азарт.— Может, обойдемся пока без охраны?.. Уже подходят освободившиеся от боя подразделения.

Повернувшись ко мне, он махнул рукой и сказал:

— Посылайте отделение Федоренко! Устроим в нашем Путивле встречу с населением. Вот прекрасный случай, который упускать нельзя!..

Найдя Мишу Федоренко, я тут же поставил ему задачу: галопом мчаться со своими двенадцатью кавалеристами в Путивль и занимать город.

Затем, увидев, что рота капитана Замулы тащит трофейные велосипеды, брошенные в панике солдатами инженерно-строительного батальона, я крикнул Мише Федоренко, уже вскочившему в седло.

— Мы с Замулой тебя догоним!..

Минут через десять вся 2-я рота на велосипедах покатила в Путивль, до которого было от Старой Шарповки более десяти километров.

Когда мы подъезжали к городу, его бомбили три «юнкерса», вызванные бежавшим гарнизоном. Отбомбившись, они вскоре улетели. К счастью, никто из местных жителей и наших партизан не пострадал.

Выставив на всех дорогах при выходе из города заставы, я послал разведчика Леню Колесникова к Ковпаку:

— Леня, доложи командиру, что город нами занят! Почта и телеграф в наших руках...

После полудня в Путивль с двумя ротами головного Путивльского отряда прибыл начштаба Базыма. Затем в сопровождении еще одной роты приехали командир и комиссар.

Основные силы соединения, весь обоз и санчасть с ранеными остались в Спадщанском лесу. Ковпак и Руднев прекрасно понимали, что долго в Путивле им продержаться не удастся. Да они и не ставили перед собой такой задачи. Главной их целью было: деморализовать оккупантов и показать на деле всю лживость геббелевской пропаганды, поторопившейся уже дважды «похоронить» Ковпака и Руднева вместе с их соединением, которое выросло теперь в грозную силу. И тем самым поднять боевой дух своих земляков, запуганных зверствами фашистов.

Ясно было и то, что гитлеровское командование не посчитается ни с чем, чтобы выбить партизан из города. Именно поэтому Ковпак и Базыма заранее подумали о надежном убежище, помня любимую поговорку комиссара: «Прежде, чем войти в обитель, подумай, как из нее выйти!»

Едва Ковпак и Руднев появились в Путивле, обоих тотчас узнали жители — и встречали их, как родных. Расспрашивали, где сейчас фронт, когда наконец вернутся наши. Все наперебой рассказывали о паническом бегстве жандармов и полиции:

— Вот это драпали!

— В одних кальсонах. Прямо на перегонки бежали!..

Женщины со слезами говорили о том, что пришлось вытерпеть тут, в фашистской неволе. Многие приглашали партизан в дом, просили посидеть за столом хоть минутку.

Подростки-допризывники, роем окружив нашего комиссара, который еще до войны учил молодежь стрелять, уговаривали его:

— Семен Васильевич, возьмите нас в отряд!.. Ведь мы уже взрослые!

— Мы все партизанить хотим!..

Руднев, со скрытой болью глядя на их исхудалые, но задорные лица, отвечал:

— Что ж, друзья! Люди нам нужны. Но не думайте, что партизанить — так легко и просто, как вам кажется. Война — самое тяжелое испытание всех духовных и фи-

зических сил человека. Преодолеть страх во имя долга — не просто. И у нас бывают неизбежные, очень горькие потери,— как всегда, предупреждал он тех, кто просился в отряд.

Но люди, верные высокому чувству патриотического долга, шли к нам, не думая о тяготах и даже самой смерти...

Штаб и командование расположились в здании райкома. Пока Сидор Артемович и комиссар беседовали с народом, Базыма с Войцеховичем организовали охрану и оборону города, я рассылал во все концы своих разведчиков, а наши хозяйственники под руководством неутомимого Михаила Ивановича Павловского занялись гитлеровскими складами, набитыми продовольствием, которое было отобрано захватчиками у населения для отправки в свой «фатерлянд».

Весь вечер и почти всю ночь партизаны раздавали изголодавшимся жителям соль, которая в оккупированной зоне была чуть ли не на вес золота, зерно и муку, сливочное масло и яйца.

На подводах, временно взятых в ближайших селах, ковпаковцы вывезли в Спадщанский лес на свои базы сорок четыре центнера масла, двадцать четыре тысячи яиц, десять ящиков махорки, соль и муку.

Захват партизанами Путивля не на шутку всполошил гитлеровское военное командование. В ту самую ночь, когда мы раздавали населению продукты, на станции Бурынь были спешно сняты с эшелонов, следовавших на Курск и Харьков, танки и пехота. Утром их начали переправлять на пароме через реку Сейм, чтобы бросить на Путивль.

К обеду все ковпаковское командование и штаб собрались в здании райкома. Здесь же находились и Панин с Коренeвым.

Кто-то из партизан притащил в бывшую приемную первого секретаря бидон со сливками и два душистых, только что испеченных белых каравая. Ковпак, уже решив самые неотложные дела, предложил:

— А тэпэр, хлопци, давайтэ трошки пидкрэпымся!..

Все уселись вокруг этого бидона на разномастных стульях и табуретках и принялись за еду.

Вдруг послышались частые, быстро приближающиеся пулеметные очереди.

— Пиды узнай, шо там такэ! — кивнул мне Ковпак.

Я бросился к выходу и, открыв наружную дверь, сразу же увидел: с главной улицы, идущей на Бурынь, поворачивает прямо к зданию райкома тяжелый серый немецкий танк. За ним, судя по мощному реву моторов, шли другие... «Так вот кто строчил на ходу из пулемета!» — понял я. И мигом вернувшись в приемную, крикнул:

— Немецкие танки!

Все вскочили и, схватив оружие, бросились во внутренний райкомовский двор, где стояли две запряженные пароконные штабные повозки. Хорошо, что из этого двора был запасной выход в какой-то переулок. Выехав через эти ворота, обе повозки помчались из города.

Но сам я на какое-то мгновение задержался в здании и не успел уехать со всеми.

Танк, дойдя до райкома, остановился: впереди, рядом со зданием, зияла огромная свежая воронка. Танкистам оставалось одно: разворачиваться и выезжать на другую улицу, по которой они бы могли выскочить на окраину, чтобы закрыть выход ковпаковцам из города.

Эта задержка танка у воронки от немецкой авиабомбы и помогла своевременно вырваться из города не только нашему командованию, но и мне, уходившему из Путивля огородами.

Вот что значит случай на войне.

Фашистские летчики видимо специально целились в здание райкома, рассчитывая, что там уже расположился партизанский штаб... Но нас тогда в здании еще не было; теперь же именно воронке от этой бомбы было обязано ковпаковское командование своим спасением.

Отошли в Спадщанский лес и все ковпаковские роты. Причем, несмотря на внезапность нападения вражеских танков, выскользнули без потерь, ловко используя местность. Погибло только два человека. Фашистские танки преследовали партизан до Новой Шарповки. Потом остановились на опушке, обстреляли лес и ушли обратно в Путивль...

В лесу обнаружили, что не вернулся из города сын комиссара Радик. Сразу после захвата Путивля он с раз-

решения отца пошел разыскивать школьных товарищей, мечтая создать из них боевую группу. Но фашистские танки ворвались в город раньше, чем он успел собрать своих одноклассников. Радик не растерялся: спрятавшись, он дотемна наблюдал за действиями карателей, а ночью ушел из города.

Всю эту ночь Семен Васильевич и Домникия Даниловна не спали, переживая за сына.

Утром, когда Радик наконец пришел в лагерь, обрадовались не только родители, но и все мы. Радика партизаны любили за удаль, непосредственность и скромность. Он всегда вел себя, как рядовой боец, ничем не подчеркивая, что он сын комиссара, хотя очень любил отца и гордился им.

КОМИССАРСКОЕ СЕРДЦЕ

Выбив ковпаковцев из Путивля, оккупационное командование не отказалось от мысли окружить и уничтожить партизанское соединение или хотя бы оттеснить его обратно в Брянский лесной край. С этой целью немцы продолжали ежедневно атаковать Спадщанский лес. Но ковпаковцы спокойно отражали атаки и не спешили уходить из своей зеленой крепости, откуда нашим минерам было удобней всего «ремонтировать фрицам железку».

Только 21 июня после целой серии диверсий на магистрали Конотоп — Ворожба гитлеровцы поняли, почему Ковпак и Руднев не уходят из Спадщанского леса и решили разделаться с соединением окончательно.

Оккупанты сняли с эшелонов, следовавших на фронт, две немецкие дивизии, танки, артиллерию, а также подтянули к Путивлю уже не однажды битую нами, пополненную заново 105-ю венгерскую дивизию генерала Блаумана и местную полицию. Они начали атаковать лес со всех сторон. На каждого партизана приходилось, по меньшей мере, пятнадцать вражеских солдат, не считая перевеса в технике.

Соединение оказалось в плотном кольце. Весь день гремел страшный бой.

А как только стемнело, партизанские роты, оставив на своих позициях по нескольку бойцов (чтобы на час-другой создать видимость нашего присутствия), выскользнули из леса.

К утру все отряды собрались в урочище Марица — это было 22 июня, в первую годовщину начала великой и тяжелой битвы с фашизмом.

Непрерывно маневрируя и ведя бои, соединение прорвалось на север, в Новослободский лес. По мнению партизанского командования, он был наиболее подходящим местом для нанесения новых ударов по железнодорожной магистрали Конотоп—Ворожба. Находился лес на возвышенности, изрезанной оврагами, а подступы к нему с юга и востока надежно защищали непроходимые топи.

В Новослободском лесу остановился головной Путивльский отряд. Остальные четыре отряда расположились в соседнем, Казенном лесу, чего каратели, конечно, не знали.

Появление партизан в Новослободском урочище вызвало панику в путивльском гарнизоне, боявшемся нового налета на город. Все карательные войска, гонявшиеся за нами по району, были теперь срочно отозваны обратно в Путивль.

Пока оккупанты ждали нападения на райцентр, наши минеры еще поработали на железной дороге Конотоп—Ворожба. Поняв после новой серии взрывов, как перехитрили их партизаны, гитлеровцы к вечеру 5 июля обложили Новослободский лес. Утром три вражеских полка при поддержке артиллерии (применять танки на пересеченной лесистой местности каратели не рискнули) начали наступление.

Основной удар гитлеровцы наносили с запада, со стороны деревни Линово. Вспомогательный — со стороны Новой Слободы, стремясь прижать нас к болоту и уничтожить. Фашисты не считались с потерями, повторяя атаку за атакой. К исходу дня им удалось, благодаря численному перевесу, потеснить партизанские роты. Более половины этого не очень большого лесного массива было уже в руках карателей. В этот трагический для Путивльского отряда момент противник бросил к нам в тыл целый батальон. Но его вовремя обнаружила разведка на восточной опушке леса, у са-

мого болота. Противник подкрадывался к штабу соединения и к обозу с ранеными по дороге Линово—Городок. Прорвись этот батальон к нашему штабу, оставшемуся без всякой охраны, судьба Путивльского головного отряда, а значит и всего соединения была бы решена.

Я доложил об опасности. Ковпак и Руднев молча переглянулись. Но я и без их слов знал, что резерва у нас нет никакого.

— Однако там же, на этой дороге находится рота Замулы,— напомнил комиссар.

— Точно. Там дэсь должна быть вторая рота...— Ковпак поднял вопросительный взгляд на меня.—Бижи до Замулы, предупреди, хай встретят фрицев!..

С разведчиком Николаем Бардаковым, который и обнаружил эту вражескую колонну, мы направились в роту. Люди Замулы лежали цепью над обрывом, всего в каких-нибудь двухстах-трехстах метрах от штаба. Внизу пролегала та самая дорога, по которой уже двигался на нас вражеский батальон... Сам Иван Иванович Замула со своим замполитом Филиппом Рудем, сняв фуражки, сидели под деревом, мирно беседуя. Рядом с ними лежал помкомроты Андрей Цимбал, посматривая в бинокль.

Я тоже подсел к ним и сказал:

— Придется вам, братцы, сейчас поработать!..— и изложил суть дела...— По этой дороге походной колонной движется на вас батальон карателей. Хотят зайти в тыл и ударить по нашему штабу.

— Пусть идут,— невозмутимо ответил Андрей и не спеша поднялся. По глазам его было видно: решение уже принято. Эта неразлучная троица: Замула, Рудь и Цимбал понимали друг друга не то что с полуслова, а даже с полувзгляда.

— Значит, бьем противника в колонне! — сказал Цимбал.

Замула молча кивнул головой.

— Я пошел на правый фланг,— продолжал Андрей.— И первым открою огонь...

Через четверть часа на дороге показалось десятка полтора вражеских солдат — разведка. Их не тронули. За разведкой следовали роты, двигались они компактно, не соблюдая уставных дистанций.

Мы терпеливо ждали. Перед нашей цепью маршировало уже две вражеских роты. Потом послышался шум приближающегося обоза. Каждая минута сейчас, в засаде, казалась бесконечно долгой.

Вдруг справа, там, откуда шла вражеская колонна, прозвучала долгая автоматная очередь и тут же переросла в многоголосый гул: загрохотали пулеметы, заухали взрывы гранат.

Вражеская колонна так и осталась на дороге, не успев даже изготовиться к бою. Лишь немногим удалось скрыться.

На дороге мы насчитали двести пятьдесят убитых гитлеровцев. Они «оставили» нам свое вооружение и боеприпасы.

Прибежавший к месту боя Руднев — человек очень эмоциональный, хотя внешне сдержанный — расцеловал всю троицу: капитана Замулу, Рудя и Цимбала. А затем, верный своему правилу — извлекать уроки из жизни сказал:

— Вот такой боевой опыт мы должны умножать на практике!..

После уничтожения этого батальона атаки противника прекратились. Прекратился и артобстрел. Но каратели с наступлением темноты не ушли из лесу. Было ясно: они охватили отряд тугой петлей и решили утром разделаться с партизанами наверняка.

Значит, мы должны были любой ценой вырваться отсюда до рассвета. И над тем, как это осуществить, напряженно думали Ковпак, Руднев и весь штаб. Прорываться на запад, в сторону деревни Линово, или на север, то есть на Калище и Новую Слободу, было бы безрассудством: из этих трех деревень наступали немцы. Там находились их штабы, резервы, танки и артиллерия. С юга лес охватывало непроходимое болото, на другом краю которого — в Юрьево и в поселках торфяников номер два и три нас поджидали сильные танковые засады.

Оставался один выход — прорываться на восток, по единственной здесь дороге Городок — Вегеровка, проходившей через болото, в Казенный лес, где дислоцировались остальные отряды соединения. Но на этом пути отряд тоже поджидали танковая засада в поселке торфяников номер один.

Спасти нас мог только встречный удар братских отрядов из Казенного леса. Но как им об этом сообщить?.. Болото, разделяющее Казенный и Новослободский леса, просматривалось и простреливалось противником.

Посланные в Казенный лес еще с вечера две пары разведчиков не дошли до цели.

— И все-таки,— сказал Руднев,— мы должны во что бы то ни стало связаться с остальными нашими отрядами. Вся надежда на их помощь. Если не свяжемся с ними — нам не вырваться отсюда!..

В третьей группе в Казенный лес добровольно пошли наши асы из главразведки: опытный армейский разведчик Николай Бардаков и совсем еще юный, но удивительно находчивый паренек-допризывник Леня Чечеткин, пришедший в соединение зимой с группой комсомольцев села Бывалино.

Нам оставалось пока одно — ждать. И это было самое трудное.

В такой обстановке, когда ждать невыносимо, а действовать еще нельзя, Руднев по-деловому, будто сидел где-нибудь в кабинете, спросил:

— Яков Григорьевич, может быть, мы сейчас проведем заседание парткомиссии и рассмотрим заявления о приеме в партию?

— А что?.. — сразу отозвался секретарь парткомиссии Панин.— У нас как раз есть два заявления.

Я невольно посмотрел в ту сторону, где сидели они оба. Ведь одно из заявлений было мое.

— Как, Сидор Артемович, не возражаешь? — продолжал комиссар.— Парткомиссия у нас сейчас в полном составе.

— Чого ж, давайтэ!.. Потом может врэмени не быть, — ответил Ковпак.

— Тогда давай, Яков Григорьевич! По-моему, сейчас самый подходящий момент,— заключил Руднев.

От этих простых обычных слов вдруг повеяло на людей, сидевших в темноте, такой душевной теплотой и уверенностью в успехе прорыва, что всем стало легче.

Панин открыл заседание парткомиссии. Все было как положено по уставу. Только вместо того, чтобы зачитывать заявления, автобиографии и характеристики

(демаскировать себя светом мы не имели права), Яков Григорьевич пересказывал все на память. Потом предоставил слово тем, кто давал мне рекомендации, то есть Рудневу и Ковпаку. Третьим был он сам.

Первым говорил Ковпак, и речь его была предельно краткой:

— Цього хлопця мы вси добрэ знаем по его делам. Проверили не раз в бою!..

Руднев и Панин сказали примерно то же самое, только комиссар еще добавил, имея в виду, конечно, не меня одного:

— Я рад, товарищи, что ряды нашей коммунистической партии пополняются настоящими бойцами...

Необычное ночное заседание парткомиссии закончилось, когда небо на востоке начало бледнеть, а потом слегка розоветь.

Вдруг с той стороны, откуда шел к нам новый день, донеслись взрывы гранат, пулеметные очереди. Мы сразу вздохнули с облегчением. А Руднев воскликнул вполголоса:

— Ура, товарищи! Мы спасены. Это атакуют наши. Оккупантам и на этот раз не удалось затянуть веревку на своем «мешке»!

— Надо скорише снимать роты и спешить навстречу своим,— сказал Ковпак, поднимаясь с земли.

...На этот раз выручили головной отряд и все наше командование конотопцы, к которым все-таки пробрались разведчики Бардаков и Чечеткин. Партизаны внезапно атаковали стоявший в поселке торфяников номер один вражеский танковый заслон и забросали его гранатами. Ошеломленные вражеские танкисты бросили свои машины и разбежались.

После боя в Новослободском лесу соединение отошло на север, в свою партизанскую «столицу» Старую Гуту. На этот раз ее пришлось брать с боем.

Как раз к моменту подхода ковпаковцев к южной кромке Брянского леса гитлеровское командование начало карательную операцию против местных партизан. Почти все населенные пункты, прилегающие к этому массиву: Знобь-Новгородская, Улица, Белоусовка, Васильевка, Новая Гута, Гаврилова Слобода и Старая Гута — были заняты фашистскими войсками. Измотанному в двухмесячных боях соединению Ковпака и Руд-

нева пришлось снова вступать в схватку с противником, чтобы помочь братским отрядам.

Ковпаковцы в два часа ночи 28 июля атаковали противника в Голубовке, Васильевке, Новой и Старой Гуте. В нашей партизанской «столице» оборонялся 3-й батальон 47-го мадьярского полка. Там же находился и штаб этого полка.

Стремясь помочь своим, семнадцатилетний разведчик Леня Чечеткин один незаметно проник в село. Убив вражеского офицера и забрав автомат, Леня ворвался в расположение штаба, где уничтожил семнадцать вражеских солдат и офицеров.

Это вызвало страшную панику в гарнизоне. Сопротивление его было сломлено. Некоторые солдаты сами шли к нам, сдавались в плен.

Мы сравнительно легко захватили Старую Гуту. Но когда обнаружилось, что погиб Леня Чечеткин, это было ударом не только для нашей главразведки, но и для всего соединения, хотя, казалось бы, за год войны мы могли привыкнуть к потерям.

Хоронили Леню здесь же, в Старой Гуте на площади со всеми воинскими почестями.

Прощаясь с ним, комиссар вдруг заплакал навзрыд. Потом, после долгой мучительной паузы, он сказал, склонившись над чернобровым, курносым, чуть присыпанным ребячьими веснушками лицом Лени, который до сих пор казался живым:

— Леня был для меня как сын!.. Я никогда не смогу забыть его...

И все партизаны, в молчании стоящие вокруг гроба, поняли: какое ранимое, нежное сердце у нашего мужественного комиссара.

24 августа по вызову Верховного Главнокомандующего Ковпак вылетел в Москву на совещание командиров крупнейших партизанских формирований.

Вернулся Сидор Артемович 12 сентября с Золотой Звездой на груди. Он привез партизанам 136 орденов и медалей, приказ Сталина о выходе в новый рейд и радостное известие, что отныне соединение будет снабжаться всем необходимым с Большой земли.

Обратным рейсом самолет, доставивший Ковпака и важные грузы к нам в соединение, увез раненых и жену комиссара Домникию Даниловну с маленьким Юрой.

Теперь, когда к нам в фашистский тыл регулярно курсировали самолеты, доставлявшие вооружение, боеприпасы, взрывчатку, медикаменты и обмундирование, Руднев мог писать своей семье в Москву. Первое письмо Домникии Даниловне и Юрику написано им было на следующий же день после того, как они расстались.

«13 сентября 1942 года

Здравствуйте, родная Ньомочка и родной Юрочка!

Вчера приехал Ковпак. Привез газеты за второе и третье сентября, где опубликовано постановление правительства о награждении 136 партизан нашего отряда... Я очень доволен за наших ребят: как представляли, так и наградили. Особенно я доволен награждением Радика орденом Красной Звезды. Поздравляю тебя, моя родная Ньомочка, с сыном-орденоносцем!

Вчера, когда я читал газету о награждении наших ребят, слезы радости невольно сами по себе текли по моим щекам, и еще больше сжималось сердце, когда читал фамилии погибших товарищей...

В лесу стало холоднее, опадает уже лист, изредка идет дождик. Осень дождливая и холодная вступает в свои права, а это уже вторая осень нашей партизанской жизни...

Целую крепко. Ваш папа Сеня».

Получая грузы, необходимые для предстоящего рейда, ковпаковцы не сидели без дела; громили вражеские гарнизоны, блокировавшие Брянский лес — стратегическую базу советских партизан.

Так, 5 октября была проведена еще одна крупная партизанская операция по разгрому гарнизонов противника на шестидесятикилометровом фронте от Знобь-Новгородской до Суземки.

В ходе этого сражения, по своему масштабу равного любой армейской операции, в жестоком бою за хутор Лукашенков погиб смертью храбрых командир 2-й роты Иван Иванович Замула, чудесный человек, один из ветеранов нашего соединения. Тогда же погиб и другой любимец комиссара, да и всех ковпаковцев тоже — Филипп Сергеевич Рудь, который был не только политруком, но и нашим первым партизанским поэтом, а главное — редактором ковпаковской многотиражки «Красный партизан», имевшей большое влияние на местное население.

В тот же день на тактическом разборе бойцы 2-й роты попросили назначить их командиром Андрея Цимбала.

— Народ всегда правильно подскажет,— шепнул Руднев Ковпаку. И тот согласился без колебаний.

Об этих нелегких днях и погибших товарищах комиссар писал жене 12 октября 1942 года:

«...Склони свою убеленную сединами голову перед светлой памятью лучших наших товарищей, которых уже нет среди нас. В бою 5.X.1942 г. пали смертью храбрых Иван Иванович Замула, политрук Рудь, медсестра Нина Ляпина, Юхновец и еще 32 товарища, столько же раненых мы отправили на Большую землю.

За смерть лучших наших людей мы хорошо отплатили фашистским собакам — только убитыми насчитывается 500 человек, но наши потери очень тяжелы. Семь дней не могу прийти в себя, очень и очень тяжело, что лучшие люди — само золото — погибли. А как дрались! Не было у нас ни одного такого боя. Доходило до рукопашной. Люди дрались, как львы...»

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ИСКУПЛЕНИЕ

Шел октябрь 1942 года. Отряды Ковпака и Руднева по-прежнему стояли в лесу возле Старой Гуты. И хотя ночи становились все холоднее, мы землянок не строили. Продолжали жить по-цыгански: спали на душистом сене, в шалашах, под повозками, а то и просто под развесистой елью. Все были уверены: зимовать здесь не будем, снова уйдем в поход на Сумщину, а может, и куда подальше.

Как бы подтверждая эту догадку партизан, Ковпак с комиссаром по целым дням не выходили из новенькой трофейной машины, доставшейся нам еще в июле при разгроме вражеского штаба.

Связные — самые сообразительные ребята, постоянно вертевшиеся около командования, доверительно передавали своим командирам:

— Дед с комиссаром уже неделю не вылезают из штабной машины. Все маракуют...

— О чем? — интересовались командиры подразделений.

— О новом рейде...

Конечно, в этой чисто интуитивной догадке ковпаковской братвы, достаточно хорошо знавшей любимых командира и комиссара, была немалая доля правды. Ковпак и Руднев действительно обмозговывали детали предстоящего рейда. Разрабатывали и изучали маршрут, подсчитывали потребность в боеприпасах, взрывчатке, автоматическом вооружении. Уточняли, сколько потребуется лошадей, подвод и всего прочего, что может понадобиться в новых боях и походах.

Но не только этим были озабочены Ковпак и комиссар. Возникла другая очень острая, неотложная проблема: кончились продукты, фураж. Картофель наши бойцы кое-как умудрялись рыть по ночам на полях, под самым носом у фашистов. А вот хлеба и мяса люди не видели уже недели три. Надо было срочно где-то достать продовольствие. Лошади, к счастью, пока могли жить и на подножном корму.

В отличие от местных отрядов, мы, рейдовики, не создавали постоянных продовольственных баз: они были нам просто не нужны. В ходе рейда мы без особого труда «брали» и продовольствие и фураж у противника. Поэтому нашего неприкосновенного запаса, который мы возили с собой, хватало на неделю-две.

Вот почему Ковпак и Руднев в эти дни думали не только о новом рейде, но и о том, где же достать продукты.

— Сидор Артемович, а может, нам обратиться за помощью к жителям? — предложил Руднев, который всегда верил в свой народ.— Я думаю, нас поймут и помогут.

— Боюсь, шо у них у самих уже нэма ничого,— сказал Ковпак.— Всэ забралы оккупанты. А шо осталось, люды отдали местным партизанам.

Комиссар нахмурился. На скулах проступил темный румянец.

— Неужели придется с боем брать у фашистов свой хлеб?! — спросил он и с силой сжал кулаки.— Терять людей?

— Ты прав, Сэмэн Васильевич. Да и дразныть нимцив сейчас, перед выходом в рейд, не выгодно...

— Сидор Артемович, а что если нам послать несколько рот в направлении Суземки и Знобь-Новго-

родской, аж к самой Десне? — оживившись, предложил комиссар.— По нашим разведданным в тех районах немцы держат гарнизоны только в крупных населенных пунктах. В большинстве сел хозяйничает одна полиция. Так вот пусть наши ребята уничтожат несколько полицейских гарнизонов и возьмут у них продукты.

— А шо, цэ — дило!..— согласился Ковпак. И вдруг предложил: — Можэ, выйдэм, походым трохи?

— Не возражаю,— согласился комиссар.— Надо немного размяться.

Поправив накинутую на плечи шинель, он шагнул к двери.

Ковпак запахнул на груди свою длинную рыжую трофейную шубу, последовал за комиссаром.

Когда они вышли из машины, к ним приблизился Яков Григорьевич Панин.

— Был я сейчас, товарищи, в подразделениях,— начал он с ходу, обращаясь одновременно к Ковпаку и Рудневу.

— Ну, как там настроение у народа? — спросил Семен Васильевич.

— Приуныла немного братва,— сказал Яков Григорьевич откровенно. В его серых глазах было выражение обычной озабоченности.— Видно, животы у всех подтянуло. Но не жалуются! Говорят: ведь у командира и комиссара тоже с харчами туго. Стало быть, командование об этом маракует?..

— Молодцы,— довольно улыбнулся Сидор Артемович.— Правильно понимают обстановку... Ну, хлопцы, извинить, у мэнэ свои дела!..

— Семен Васильевич,— чуть понизив голос, продолжал Панин.— Мне по секрету ребята сказали, что в артбатарее есть мясо.

— Откуда? — удивился комиссар.

— Говорят, старшина корову где-то достал.

— Да ну-у?! — воскликнул с тревогой в голосе Руднев. Он шагнул вплотную к Панину и, волнуясь, быстро добавил: — Яков Григорьевич, очень прошу тебя, сейчас же пошли связного, пусть немедленно вызовет ко мне политрука батареи.

— Есть, товарищ комиссар! — с готовностью козырнул Панин, но в его мягком, добродушном голосе сейчас зазвучала тревога.— Пошлю...

Следует сказать, что в те дни эта самая артбатарея нашего соединения только-только была сформирована согласно приказу. Командиром ее был назначен майор-артиллерист Анисимов, совсем новый человек, всего несколько дней тому назад пришедший к ковпаковцам.

Майор Анисимов в сентябре 1941 года попал под Киевом в окружение, затем в Конотопский лагерь военнопленных. Летом 1942 года ему с товарищами удалось бежать. Вырвавшись из когтей смерти, вся группа (двадцать восемь человек) направилась в сторону Брянских лесов, в надежде перейти линию фронта.

Как раз в это время из-под Конотопа возвращался с тремя своими минерами отчаянный ковпаковский разведчик и диверсант «Саша» (Ефрем Берсенев). В лесу под Ямполем разведчики встретились с этой группой и узнав, кто такие, привели всех в соединение.

Артиллеристов среди ковпаковцев было немного, и поэтому Анисимова назначили командиром батареи. Политруком к нему Ковпак и Руднев направили старого артиллериста и партизана времен гражданской войны Алексея Ильича Коренева.

Через четверть часа после беседы комиссара с Паниным, запыхавшийся и разрумянившийся от быстрой ходьбы, Дед Мороз уже докладывал самому Рудневу:

— Товарищ комиссар соединения! Политрук артбатареи Коренев по вашему вызову прибыл!

— Здравствуй, Алексей Ильич! — по-дружески протянул ему руку Руднев.

Коренев шагнул вперед, сжал ее в своей крупной, плотной ладони. Комиссар заглянул в глаза Деда Мороза, спросил:

— Алексей Ильич, говорят, артбатарея разжилась мясом?

— Да, так точно!— ответил Коренев, еще не понимая, чего хочет от него комиссар.— Позапрошлой ночью старшина достал целую корову... А разве штабу не передали мяса? — спохватился он.— Я сейчас же проверю и скажу, чтоб принесли...

— Алексей Ильич!..— прервал его Руднев.— То, что твой старшина не дал мяса штабу, не так страшно. Мы не помрем. Меня больше беспокоит другое: где, у кого взял он ту корову, ты поинтересовался?

— Честно говоря, нет,— признался Коренев.— Я как-то даже не подумал об этом.

— Это плохо! — сказал строго комиссар.— Ты обязан был подумать прежде всего об этом, учитывая обстановку, в которой мы сейчас находимся.

— Ты прав, Семен Васильевич. Извини, совсем ум отшибло у старика!— произнес, сокрушаясь, Дед Мороз.

— Так вот, я тебя очень прошу, дорогой Алексей Ильич, пойди и поинтересуйся... потом доложишь мне.

— Есть!

Приложив руку к козырьку фуражки, Коренев повернулся по-военному кругом и, несмотря на свой уже преклонный возраст, чуть не бегом поспешил в батарею.

Спустя полчаса, едва Руднев успел рассказать вернувшемуся к штабной машине Ковпаку о своем разговоре с Паниным и Кореневым, к Сидору Артемовичу подошел дежурный по штабу и доложил:

— Товарищ командир соединения! Из деревни Новая Гута пришла какая-то женщина. Говорит, ей надо к вам.

— Шо ей од мэнэ надо? — спокойно и, как всегда, с шутливой усмешкой, спросил Сидор Артемович.

— Не могу знать. Она не говорит... Плачет и требует пропустить ее до самого Ковпака!

— А-а,— протянул Сидор Артемович уже серьезно.— Ну, раз требуе, значить, припекло!.. Дэ вона?

— Тут, на ближней заставе, товарищ командир.

— Давай ее сюда!

— Есть! — Дежурный бросился бегом к связным.

— Нэ дають нам з тобой, Сэмэн Васильевич, сьогодни спокойно подумать,— пожаловался командир.

— Да, не дают,— рассеянно произнес комиссар. Потом, после паузы добавил: — Но обычные хлопоты — дело не страшное. Меня пугает другое. Боюсь, что у нас случилось ЧП: эта женщина пришла к тебе, Сидор Артемович, за той коровой, которую позапрошлой ночью привел в батарею старшина!

— Ты думаешь?

— Чует мое сердце.

Ковпак молча насупил брови, глядя на носки своих сапог. Потом перевел взгляд в ту сторону, откуда должна была появиться нежданная просительница.

Вскоре на лесной дороге, ведущей к штабу, показалась в сопровождении партизана худощавая женщина в черной изрядно поношенной мужской фуфайке и в длинной до щиколоток юбке. Женщина шла быстро, будто боялась, что ее вернут и она так и не увидит своего надежного защитника, знаменитого Ковпака. Лицо ее было заплакано, но в глазах горела решимость.

Подойдя к стоявшим около машины Ковпаку и Рудневу, паренек-связной лихо вскинул руку к своей теплой шапке, доложил:

— Товарищ командир! Ваше приказание...

— Хорошо,— остановил его командир.— Можешь пока быть свободным.

— Я до вас, товарищ Ковпак,— заспешила женщина.— Я до вас!..— И вдруг заплакала.

— А вот слез я не люблю,— строго, но в то же время как-то по-отцовски остановил ее Ковпак.— Слезы тут нэ нужны. Ты успокойся и расскажи толком, чого пришла?.. Якэ в тэбэ горэ?

Руднев стоял рядом, скрестив руки на груди.

Женщина вытерла уголком платка красные от слез глаза.

— И правда — горэ, товарищ Ковпак!.. Прямо нэ знаю, як дальше жить?.. Летом фашисты забралы у мэнэ всэ: зерно, свыню, постреляли курей. Добрэ, хоч корова була тоди у лиси. Нам зосталась! Вона ж годувала моих дитэй... А позапрошлу ночь пришли два ваших партизана и забралы нашу кормилицу,— опять залилась слезами женщина.— Муж воюе! Я одна. Четверо малых дитэй... Як же их тэпэр кормить буду?..

— Откуда ты знаешь, шо твою корову взяли мои партизаны? — спросил Сидор Артемович.— Ты узнаешь тех хлопцев?

— Узнаю,— ответила она тихо.

— Дежурный!— позвал Ковпак.

— Слушаю вас, товарищ командир! — отозвался тот. Он стоял метрах в десяти от штабного автобуса.

— Вызови ко мне старшину батареи,— приказал Ковпак тихо и так спокойно, будто просил принести стакан воды.

Батарея размещалась всего в какой-нибудь сотне метров от штаба. Как раз в это время политрук батареи Коренев распекал старшину за корову. Старшиной

батареи был тертый армейский интендант, капитан по званию, из числа тех двадцати восьми окруженцев, что бежали вместе с майором Анисимовым из конотопского лагеря смерти. Старшина, хоть и был новичком, слыхал уже от партизан вошедшие в поговорку слова: «Приказ двести — расстрел на месте!». Но, забирая корову у хозяйки, считал, что действует в интересах своей батареи, а значит, поступает правильно.

И только сейчас поняв, что совершил подлость, за которую может поплатиться головой, старшина вытянулся в струнку перед своим политруком, не спуская глаз со штабного автобуса, откуда торопливо шагал к ним посыльный.

Козырнув Кореневу, посыльный выпалил:

— Товарищ политрук, старшину срочно вызывает командир! К нему пришла какая-то женщина.

— Ладно, иди!..— Расстроенный Коренев махнул рукой.— Чему быть, того не миновать!

Старшина четко повернулся на каблуках и быстро направился к штабу. Но вдруг, увидев автоматчика 3-й роты по прозванию Колька-Мудрый, стоявшего под деревом в шикарной фетровой шляпе, бросился к нему:

— Слушай, Колька, будь другом, выручи! Одолжи мне на пару минут шляпу. Век не забуду!

— Бери,— ответил тот, недоумевая.

Старшина схватил шляпу, словно то была сама шапка-невидимка, и, натянув ее поглубже на голову, бросился догонять посыльного.

Тем временем Руднев и Ковпак беседовали с пострадавшей, изредка посматривая в сторону, откуда должен был появиться виновник ЧП, бросившего тень на все соединение. Оба — и командир, и комиссар — нервничали.

Ковпак, увидев связного артбатареи и старшину в щегольской фетровой шляпе, идущих к штабу, поднял глаза на комиссара, словно говоря: «Ну вот, сейчас мы с тобой все выясним!» (А проверять Дед умел мастерски). Затем пристально посмотрел женщине в глаза.

— Зараз мы тоби покажем одного из тех двух, шо забралы у тэбэ корову. Як узнаешь его, скажешь.

Но в спокойном, каком-то уж слишком сухом тоне Ковпака, а особенно в его колючем взгляде она вдруг уловила женским своим чутьем смертельный приговор

человеку, которого сейчас должна опознать. И даже вздрогнула от страха.

Ковпак шагнул вперед и чуть влево, стараясь закрыть своей фигурой от глаз старшины пострадавшую. Комиссар, поняв хитрость командира, тоже стал так, чтобы спрятать пострадавшую и видеть лицо старшины.

— Ты, хлопче, можешь быть свободным,— сказал Ковпак связному.

Когда связной убежал, старшина батареи, шагнув вперед, вскинул ладонь к своему сугубо гражданскому головному убору. Ковпак и Руднев тоже приложили руки к своим черным смушковым шапкам.

Выслушав рапорт, они молча опустили руки и, расступившись в разные стороны, стали внимательно наблюдать за поведением старшины и пострадавшей.

Оба — и командир и комиссар — сразу заметили, как побледнел старшина. Он весь сник, в глазах его появился смертельный испуг. Во взгляде же пострадавшей сперва промелькнуло радостное изумление, но лицо ее тут же стало непроницаемым, словно каменным. Только губы чуть-чуть дрожали, выдавая растерянность.

«Конечно, она узнала его! — мысленно отметил Руднев.— Но, кажется, решила не выдавать. Вот истинно женская натура!»

— А ну, Васильевна, посмотри внимательно на цього молодого чоловика. Нэ вин, случайно, забырав у тэбэ корову? — спросил Ковпак.

Та виноватыми глазами смотрела на командира.

— Не, то нэ вин,— произнесла Васильевна еле слышно.— Той був у военной фуражке.

«Она хоть по доброте своей лукавит! Из жалости!..— подумал, нахмурясь, Руднев.— А этот нагадил, да еще и извивается ужом. Чтобы обмануть всех, сменил фуражку на шляпу. Не даром в народе говорят: на воре шапка горит!..»

— Значить, нэ вин? — переспросил Ковпак, со злой усмешкой в глазах. Он, как и комиссар, понял, что бедная Васильевна сразу узнала в старшине своего обидчика. Видит, что тот теперь дрожит, словно осиновый лист, и не хочет выдавать дурака.

— Не... тот был в военной фуражке,— повторила женщина, стараясь не глядеть на старшину.

— Ну, спасибо тебе, Васильевна, шо помогла нам разобраться в этом важном деле,— поблагодарил командир. И, глянув пристально в ее покрывшееся краской лицо, мягко добавил: — Извини, добрая женщина, шо нэ можу зараз вернуть тоби корову, нэма у мэнэ...

— Да шо вы, товарищ Ковпак? Разве я нэ понимаю? Вам же без мяса в лесу никак нельзя!.. Извинить мэнэ, просту бабу, шо врэмя отнимаю... Мне можно идти? — спохватилась она.

— Да, пожалуйста,— ответил Ковпак.— Дежурный, провэды ее!..

«Вот она — доброта и высочайшая сознательность нашего простого человека,— думал комиссар Руднев, провожая взглядом женщину.— Они готовы на все ради тех, кто воюет за Родину».

Когда женщина скрылась за кустами, Руднев перевел взгляд на Ковпака. Тот нервно пощипывал свою бородку, тоже глядя туда, куда ушла Васильевна.

«Злится старик»,— понял Семен Васильевич. И хотел было уже обратиться к командиру и вместе решить, как же им все-таки поступить с этим мародером, хоть Васильевна и пожалела старшину. Но тут вдруг сам старшина, решив видимо, что ему удалось полностью реабилитироваться в глазах командования, спросил бодрым голосом:

— Товарищ командир, мне можно идти в батарею?!

Ковпак вздрогнул, словно проснувшись, повернулся, глаза его гневно сверкнули.

— Нет, пидожды трохи,— сказал он сквозь зубы, подходя к старшине вплотную.— Ты думаешь, як тоби удалось обмануть несчастную женщину, так я тэж тоби повирыв?.. Нет! Нэ на того нарвался! Я тоби покажу, сукин сын, як обижать хороших людэй... и обманувать своих командиров! — И резко, отведя правую руку назад, хотел было со всей силой ударить старшину в ухо.

Но комиссар вовремя перехватил руку Сидора Артемовича.

Старшина отскочил и испуганно посмотрел на Ковпака.

— А тэпэр слухай мэнэ внимательно,— продолжал сердито, сквозь зубы Ковпак, обращаясь к старшине.— Этой ночью пойдешь в село Чернатское. Там кроме

нимцив живуть староста и семь полицейских. Так вот, возьмешь у одного из них корову, тильки щоб вона була дойная, и отведешь ее той хорошей женщине, которая пожалела тебя, дурака. Да нэ забудь взять от нее расписку и извиниться перед нэю. Поняв?

— Понял, товарищ командир!

— Ничого ты еще не поняв! — бросил угрожающе ему Ковпак.— Заруби соби, хлопче, на носу: не вернешь ей корову, расстреляю! Поняв?

— Понял, товарищ командир!

— Ну вот и хорошо,— выдохнул уже спокойнее Ковпак.— Тэпэр можешь идти.

И повернувшись кругом, медленно, чуть припадая на правую ногу, Ковпак зашагал к лесу. Видно, ему хотелось побыть наедине с самим собой после пережитого.

Старшина еще минуту или две продолжал стоять, будто оглушенный. Очнувшись наконец, он бросился к Рудневу.

— Товарищ комиссар! Что же это такое?! Ведь он хотел меня ударить! Разве советские законы позволяют командирам избивать подчиненных?! Здесь же не царская армия!

— Ах вот как? — воскликнул Семен Васильевич.— А грабить своих советских граждан наши законы разрешают?!

Старшина в испуге отпрянул назад, будто его кто-то пытался ударить.

— Я тебя спрашиваю — разрешают?.. Молчишь? Да понимаешь ли ты, негодник, что за такие действия полагается? Своим бандитским поступком ты опозорил все соединение!

Старшина молчал, опустив голову на грудь.

— Виноват, товарищ комиссар. Кажется, я действительно не тем местом думал... хотел своим ребятам угодить!.. Разрешите идти?

— Идите,— бросил сердито Семен Васильевич.— И серьезно подумайте о том, что вам сказал командир... если хотите заслужить прощение.

Руднев всегда старался поддержать авторитет своего командира.

— Есть, товарищ комиссар! — вытянулся старшина, потом повернулся и медленно побрел в батарею.

«А еще кадровый командир, интендант! Да таких и на пушечный выстрел нельзя к Красной Армии подпускать!..» — думал Руднев с возмущением, глядя вслед старшине. Затем направился искать Ковпака.

Комиссару не терпелось поговорить с ним с глазу на глаз.

Руднев нашел командира быстро, в полукилометре от расположения штаба.

Услышав позади шорох сухих листьев, Ковпак оглянулся. Руднев по глазам понял: командир обрадовался ему.

— Ну, Сидор Артемович, ты меня сегодня крепко удивил!

— Чого? — будто не догадываясь, о чем речь, спросил Ковпак. Он уже успел немного успокоиться наедине с природой.

— Я не думал, что ты такой «мастер» кулачного боя! — сказал в шутку Руднев.

— А шо ж вин, сукин сын,— тут Ковпак круто выругался,— нашкодыв и вместо того, шоб признаться, ще хоче обвэсты мэнэ вокруг пальца?! Сопляк!

— Все это верно,— согласился Семен Васильевич.— Но я не могу понять, зачем тебе, командиру партизанского соединения, применять физическую силу? Ты ведь сам за это других наказывал.

Ковпак поднял на своего комиссара вопросительный взгляд, стараясь понять, куда он клонит. Главный разговор ведь еще только начинался.

— Да-да, Сидор Артемович, не удивляйся. Ты знаешь, что сказал мне этот демагог, когда ты ушел? «Разве, мол, советские законы позволяют командирам избивать своих подчиненных?»

— Да шо ты? — усмехнулся Ковпак.— Какой законник!

— А ты думал? — продолжал Руднев.— Он же грамотный! Понимает, подлец: хоть мы с тобой здесь и самая высшая власть, но и нам не все позволено.

— Хай скаже спасибо, шо я його нэ шлепнув,— буркнул сердито Ковпак.

— Правильно. Я ему то же самое сказал! Но тем не менее я до глубины души возмущен тем, что ты хотел пустить в ход кулак...— И вдруг, чуть улыбнувшись в усы, признался: — Хотя сначала, когда ты замахнулся,

я даже испытал мгновенную радость. Скажу больше: я сам чуть не съездил этого нахала по скуле, когда он сразу после твоего ухода кинулся ко мне с просьбой «защитить» его.

Ковпак бросил на комиссара довольный взгляд: ему понравилось дружеское признание Руднева.

— Однако я сдержался. Вот и тебе тоже надо было сдержаться! Хотя этот подонок и опозорил свое партизанское звание.— От волнения Руднев даже ощутил озноб. И, поежившись, начал застегивать шинель.— Кроме того, совершив грабеж, этот горе-интендант нарушил присягу. А с такими мы должны поступать, как с предателями и изменниками!.. Чтоб не разлагали соединение!.. И виновных в этом следует расстреливать перед строем, кто бы они ни были. Даже меня, если я нарушу присягу. Чтоб другим не повадно было!..

— Да... Тильки со старшиной придэться сутки пидождать: я ж поставил йому задачу — достать корову.

— Верно,— согласился Семен Васильевич,— придется подождать.

А на следующий день после обхода лагеря Ковпак сказал комиссару:

— Ты знаешь, Сэмэн Васильевич, старшина батареи побував в Чернатском! И хоть там стоить батальон нимцив, хлопци взялы у главного полицая корову и пэрэдалы ее Васильевне...

— Да ну-у?! — удивился Руднев, веря и не веря словам командира.

— Вот расписка Васильевны! — показал Ковпак бумагу.— Сам старшина принес мэни... Так що вин выполныв мой приказ.

— Это другой разговор,— живо согласился Семен Васильевич.— Только я, Сидор Артемович, с твоего разрешения все-таки проверю: не обманули ли эти ловкачи нас с тобой? Сегодня же пошлю разведчиков, пусть узнают, где и у кого взяли корову.

— Цэ дилу нэ помишае,— одобрил мысль комиссара Ковпак.— Давай!..

Разведчики подтвердили: батарейцы действительно проникли ночью в село Чернатское, забрались в хлев к старшему полицейскому и увели корову, которую отдали потом Васильевне, Васильевна сама показала разведчикам свою новую буренку.

Посмеиваясь, они рассказывали командиру и комиссару:

— Ну и ловкачи! Что придумали?.. Ведь земля-то замерзла, сейчас даже человеку пройти по улице без шума трудно, а корову, тем более, не выведешь тихо. Но старшина с дружком и тут нашли выход: обмотали тряпьем копыта корове и даже свою обувь — и тихо, по-кошачьи выбрались из хлева. А дальше огородами, в поле и в лес...

— Что ж!..— с невольной улыбкой сказал комиссар.— Если у людей хватило храбрости и смекалки, чтобы провести такую «хозоперацию» под носом у врага, то можно считать, что они искупили свою вину перед Васильевной, а значит — и перед всем нашим соединением.

ПО ПРИКАЗУ СТАВКИ

26 октября 1942 года Ковпак и Руднев повели соединение в новый, очень ответственный рейд по заданию Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Планируя разгром гитлеровских армий под Сталинградом и переход советских войск в наступление, советское Верховное командование предусматривало перенесение партизанских действий глубже в тыл врага. Ведь пока только партизаны и были фактически «вторым фронтом», открытие которого в Западной Европе упорно оттягивали союзники.

Соединению Ковпака и Руднева, как одному из опытнейших партизанских формирований предложили выйти из Брянского леса на правый берег Днепра, в Полесье, и разжечь там пожар народной войны.

В этот рейд пошли только четыре отряда. Пятый, Конотопский, был передан в другое, новое соединение сумских партизан, которым командовал Михаил Иванович Наумов, капитан-пограничник, впоследствии Герой Советского Союза и генерал — талантливый ученик Ковпака и Руднева.

Помощником Ковпака по разведке был назначен теперь Петр Петрович Вершигора, который недавно

появился у нас в соединении и сразу же привлек к себе симпатии всех партизан. Он был заброшен летом 1942 года разведотделом Брянского фронта в Брянский партизанский край. В задачи Вершигоры входило информировать штаб фронта о передвижении войск Гитлера через Брянский железнодорожный узел, а также — вскрыть группировку вражеских войск в полосе фронта.

Узнав, что под Старую Гуту пришло с Украины рейдовое соединение Ковпака и Руднева, которое после недолгого отдыха опять двинется в рейд, Вершигора понял: его место — среди ковпаковцев, находящихся в постоянном движении. Смелый план «Лезвия», (то был псевдоним Вершигоры) в штабе Брянского фронта одобрили: собирать развединформацию, находясь в рейдирующем соединении, Вершигоре будет удобней. А самого деда Ковпака и комиссара Руднева «Лезвию» удалось уговорить даже скорей, чем он надеялся. Оба они были горячими энтузиастами народной партизанской войны, которая всемерно способствует успехам нашей регулярной армии на фронте, и по достоинству оценили дальновидность Вершигоры и его бескорыстное стремление принести пользу Родине.

Через несколько дней в нашем лагере появилось два десятка автоматчиков с новенькими ППШ, вызывавшими тогда немалую зависть у ковпаковцев. Командир этой группы, худощавый черноглазый капитан, отрекомендовался всем нам просто: Иван Бережной. Это были разведчики Вершигоры.

Петр Петрович быстро убедил Ковпака и Руднева в том, что штабу соединения, совершающего непрерывные стремительные рейды по тылам врага, необходим более сильный разведывательный аппарат.

Первым согласился с ним комиссар Руднев.

— Вы правы. Ведь мы теперь должны будем регулярно вести разведку в интересах нашей армии! — сказал он.

И крутой характером Ковпак, который до сих пор не хотел «раздувать» разведорганы, изменил взгляд на дело. Вскоре он подписал приказ об увеличении вдвое численности всех наших разведывательных подразделений, а майора Вершигору назначил своим помощником по разведке.

С приходом Вершигоры все нити сложнейшего дела разведки сосредоточились в надежных и умелых руках (а я был переведен на новую должность — начальника штаба Кролевецкого отряда). Забегая на десятилетия вперед, могу с гордостью сказать, что всех наших «трех китов», трех партизанских генералов поименно отметил в своей книге «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Появление наших рейдирующих отрядов в Полесье было для оккупационных властей настолько неожиданным, что гитлеровцы спохватились только тогда, когда партизаны Ковпака и Руднева и подошедшее вслед за нами соединение Сабурова утром 6 ноября 1942 года уже переправились через Днепр.

Это было — вдуматься только! — за полтора года до освобождения Белоруссии регулярными войсками. Не зря народ, страдавший под игом гитлеровской оккупации, прозвал партизан первыми ласточками победы.

Переправлялись мы на двух паромах, которые захватили наши разведчики в местечке Лоеве, перебив ночью весь фашистский гарнизон. К вечеру оба соединения без потерь перебрались на западный берег. А Днепр даже здесь, в верховье — река очень внушительная, и переправляться через нее на подручных средствах не так-то просто.

Отсюда Сабуров двинулся в глубь Полесья. Ковпак и Руднев решили побыть сутки в Лоеве. Особенно настаивал на этом комиссар, уже успевший познакомиться со многими местными жителями и уловивший их настроения. Он предложил устроить такую демонстрацию партизанских сил, которая вселила бы в полещуков надежду на скорое освобождение от фашистского ига.

В штабе было устроено очередное совещание. И Руднев убежденно, своим мягким голосом, чуть картавя после ранения, сказал:

— Я считаю, товарищи, нам надо отпраздновать двадцать пятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции так, чтобы в широком масштабе повторить здесь, в Лоеве, тот пропагандистский ход, который мы сделали в Дубовичах, в день Красной Армии!

— Значить, повторыть парад? — оживился Ковпак.— Четверть века Великого Октября — цэ дило важнэ.

— Да, именно парад. С учетом того, что силы наши за истекшие восемь с половиной месяцев возросли вчетверо, а наша регулярная Красная Армия одержала ряд значительных побед, полностью развеяв миф о непобедимость гитлеровского вермахта,— ответил Руднев.— Ведь если на параде в Дубовичах мы поздравляли своих бойцов и все мирное население с разгромом фашистов под Москвой, то за труднейшую летне-осеннюю кампанию нынешнего сорок второго года тоже произошли события весьма знаменательные...

Все слушали Руднева, затаив дыхание. А он, гордо подняв голову, продолжал:

— За это время разгромлена Тихвинская группировка немецко-фашистских войск под Ленинградом. Теперь даже для Гитлера ясно, что не возьмет он наш Ленинград!.. Сейчас фашисты кричат, что якобы уже окружили Сталинград. Я же думаю, что они там поломают себе зубы! И хотя нынешний год очень тяжелый, он станет переломным годом в нашем противостоянии фашизму. Ибо приобретен боевой опыт, созданы новые виды оружия, превосходящие вражескую военную технику. Мобилизованы для нужд фронта все силы и средства нашего самоотверженного героического советского тыла. Вспомните только, какими оторванными чувствовали мы себя в тылу фашистов год тому назад. И какую заботу Большой земли ощущаем сегодня!.. А как вырос престиж нашей страны на международной арене! Весь мир по достоинству оценил героизм нашего народа. Вы только вдумайтесть: мы добились главного — изменения соотношения сил: оно изменилось в нашу пользу. Гитлеровская военная машина дала осечку, захлебнувшись кровью собственных солдат.

Комиссар сделал несколько шагов по горнице и добавил, обводя взглядом присутствующих:

— Итак: седьмого ноября, вместе с жителями Лоева, нашими братьями-белорусами, вместе со всем многонациональным советским народом мы отпразднуем двадцать пятую годовщину Великого Октября. Проведем в местечке военный парад, дадим понять здешнему населению, что Красная Армия скоро придет сюда, а мы — один из ее передовых отрядов!..

Как и в Дубовичах, за ночь партизаны построили

трибуну на лоевской площади, на ней установили мощный трофейный «телефункен». Произвели парадный расчет, который должен был в миниатюре повторить традиционное шествие батальонов на Красной площади.

Ровно в десять часов утра в сопровождении семи аккордеонов, эхом повторяющих торжественный октябрьский марш, передаваемый из Москвы, партизанские роты, чеканя шаг, двинулись по площади освобожденного Лоева, мимо трибуны, на которой стояли Ковпак и Руднев с красными бантами на груди.

Народ ликовал. Многие плакали от радости.

Может быть, этот трехчасовой партизанский парад длился бы еще дольше, если бы оккупанты не бросили на нас из Речицы эсэсовцев с несколькими бронемашинами. Пришлось нашему командованию прямо с парада послать две роты Шалыгинского отряда, и те встретили непрошеных гостей как следует.

Но радостное, праздничное настроение не покидало нас и местных жителей весь день.

Спустя неделю после лоевского парада, когда наше соединение форсировало реку Припять, уйдя на сто с лишним километров на запад от Лоева, разведчики, возвращаясь с дальних маршрутов, докладывали:

— Товарищ командир! Говорят, что неделю тому назад части Красной Армии форсировали Днепр в районе Лоева!..

— И много войск, по вашим данным, форсировало Днепр? — спросил Ковпак, подмигнув Рудневу.

— Тысяч сорок или пятьдесят, говорят! Трое суток переправлялись: пехота, артиллерия, танки... И авиация их прикрывала.

— Интересно, откуда такие данные? — переспросил комиссар, крутя свой черный ус. Он-то хорошо помнил, как «прикрывали» нас при переправе вражеские «юнкерсы».

— Народ так рассказывает,— объяснили разведчики.— Сами мы таких регулярных формирований не встречали, но слух идет упорный.

— Ну, раз народ так каже, значить — цэ правда,— улыбнулся Ковпак.— Бо будэ так, як народ хоче!..

И когда разведчики ушли, Руднев очень довольный сказал:

— Вот, Сидор Артемович, тот самый случай в нашей пропагандистской работе, когда можно сказать: игра стоила свеч! Вот тебе и парад! А?

Оккупационные власти, предвидя, что в глухих районах Полесья могут появиться партизаны, создали в самом центре его, в городке Лельчицах, свой опорный пункт с крупным гарнизоном и гебитскомиссариатом, представлявшим окружную административную власть.

Первым оценив роль этого опорного пункта оккупантов в Полесье, Руднев сказал Ковпаку на очередном совещании в штабе:

— Пока мы не уничтожим это осиное гнездо в Лельчицах, нам не выполнить приказа Ставки Верховного Командования о создании здесь, в Полесье, нового партизанского края и развертывании всенародной освободительной борьбы!

Тут же решено было окружить и полностью уничтожить лельчицкий гарнизон.

Ночью 26 ноября, ровно в 2.00 три наших отряда одновременно атаковали спящий гарнизон: Матющенко — с запада, Кульбака — с востока (с моста через Уборть) и путивляне — с юга. Северную часть Лельчиц решено оставить противнику в качестве «спасительных ворот», причем жаждущих спасения поджидал в засаде четвертый отряд — Кролевецкий, блокируя заодно дорогу на случай, если подоспеет подкрепление противника со стороны Мозыря.

Не стану подробно рассказывать об этой партизанской операции. Она уже описана в предыдущих книгах мною и другими ее участниками. Скажу лишь, что к девяти часам утра вражеский гарнизон, насчитывающий более семисот человек, и подошедшее ему на помощь подкрепление, в количестве двухсот человек, были разгромлены.

В Лельчицах мы захватили склады с мукой, сахаром, солью и свиными тушами. Почти все это продовольствие партизаны, верные рудневской традиции, раздали местному населению. Разумеется, часть продуктов наш рачительный помпохоз Павловский оставил для соединения.

Подводя итоги сложного и напряженного боя за Лельчицы, комиссар Руднев, постоянно заботившийся об учебе молодых партизанских командиров, сказал на очередной «ковпаковской академии»:

— Мы можем гордиться этой партизанской операцией, в которой показали не только свою силу, но и профессиональную воинскую зрелость. В этом бою наше соединение, сравнительно небольшими силами, сумело окружить и разгромить, крупный вражеский гарнизон, засевший в бетонных укреплениях. Лельчицы — это наши партизанские Канны! Так когда-то, еще за двести с лишним лет до нашей эры, карфагенский полководец Ганнибал окружил и наголову разгромил при Каннах многочисленные римские легионы.

Так с легкой руки комиссара Руднева лельчицкий бой, которым, можно сказать, завершился рейд за Днепр, вошел в ковпаковскую летопись, как «партизанские Канны».

После месячного рейда командование решило дать передышку всему соединению. Местом для отдыха оно избрало трудно доступные для немцев лесные деревни в окружении болот, километрах в тридцати на юго-запад от Лельчиц.

29 ноября командование и штаб с головным, Путивльским отрядом остановились в деревне Глушкевичи, Глуховский отряд — в Копище, Шалыгинский — в Милошевичах и Кролевецкий — в Приболовичах.

В каждой хате, где располагались партизаны, живым теплом дышала большая русская печь. Пеклись хлеб и блины из привезенной нами муки, жарилось трофейное сало, варились хозяйская бульба и богатый витаминами черничный кисель. Жарко топились на огородах баньки.

Полещуки — вообще на редкость гостеприимный, душевный народ. А после наших партизанских Канн да еще и волнующих митингов, которые проводил наш агитколлектив, настроение у жителей Полесья, как и предсказывал комиссар, сразу поднялось. Многие парни и девушки из окрестных деревень просили принять их в наши ряды.

Создавались и местные отряды. Как всегда при возникновении таких новых партизанских формирований, Ковпак и Руднев старались помочь им всем необходимым; от оружия с боеприпасами до умения воевать дерзко, хитро, малой кровью.

— Вот когда мы можем считать, что выполнили приказ Ставки! — радовался Руднев после встреч с командирами новых боевых групп.— Ведь Полесский партизанский край в несколько раз больше Брянского...

Как раз в это время, в последний день ноября наши радисты приняли сводку Совинформбюро, в которой сообщалось, что войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов окружили крупную группировку гитлеровских войск под Сталинградом.

Прочитав эту сводку, Руднев воскликнул, как бывало в минуты большой радости:

— Ура, товарищи!.. Наши войска одержали новую крупную победу. Правда, Гитлер все еще пытается освободить свою окруженную группировку, бросая туда резервы. Так давайте поможем нашим войскам быстрей добить гитлеровцев под Сталинградом.

Он вытащил из планшета свою, еще довоенную двадцатипятикилометровую административную карту СССР, которую в штабе шутя прозвали «стратегической». Именно к ней он обращался всякий раз, когда надо было принимать решения, связанные с важнейшими событиями на фронтах.

Вот и сейчас, разостлав свою «стратегическую» на столе, Руднев пристально всмотрелся в нее.

Помочь в те декабрьские дни нашей армии скорей уничтожить окруженную группировку гитлеровских войск под Сталинградом означало: нанести удар по главным железнодорожным магистралям и тем самым сорвать подвоз резервов противника к решающему участку фронта — к Сталинграду.

Через Полесье с запада на восток проходили две таких магистрали: Брест—Гомель и Ковель—Сарны—Киев. Ковпак и Руднев решили сначала парализовать вторую из этих магистралей, проходившую через крупный железнодорожный узел, город Сарны.

Несколько вечеров Ковпак, Руднев и весь штаб просидели над картой, думая, как вывести из строя

этот важнейший транспортный узел. Захватить его мы, разумеется, не могли: сарнский гарнизон во много раз превосходил своей численностью ковпаковцев. Да к тому же и подступы к городу были неудобными для партизан. Решено было в одну ночь, в один и тот же час взорвать мосты на всех четырех железных дорогах, сходящихся крестовиной в Сарнах с запада, востока, юга и севера, и тем самым полностью вывести узел из строя.

— Отак будэ добрэ! — сказал Ковпак.— Поставымо на Сарнах крест!

— Сидор Артемович! Вот ты и дал название этой операции! — заметил Руднев, потирая руки от удовольствия.

Так родилось название «Сарнский крест».

Для уничтожения мостов ковпаковский штаб выслал в разные стороны пять самостоятельных диверсионных групп под командой самых опытных людей.

На реке Горынь, огибающей Сарны с запада и севера, предстояло взорвать три моста: один поближе к городу, что у деревни Колки, должна была уничтожить 13-я рота Бережного, а более дальний у деревни Жечище — рота глуховчан под командой Голуба. Третий, самый дальний и самый крупный мост, ниже по течению Горыни у станции Антонувка поручили взорвать роте Цимбала.

Восточнее сарнского узла, на перегоне Страшнов—Клесов (на «железке» Сарны—Коростень) два небольших моста на безымянных речушках должна была ликвидировать рота кролевчан под командованием Подоляко.

И наконец, южнее Сарн роте шалыгинцев под командованием Немазова предстояло вывести из строя мост на реке Руленка на перегоне Немовичи—Сарны (на дороге Сарны — Ровно).

5 декабря 1942 года, ровно в два часа ночи все эти мосты одновременно взлетели на воздух. Так, в глубоком тылу врага, за полторы тысячи километров от линии фронта, мы помогали своей родной армии, задерживая подход вражеских резервов.

И, видно, наш удар пришелся по очень больному месту фюрера, если он, буквально на следующие сутки

после вывода из строя сарнского железнодорожного узла, бросил на уничтожение ковпаковцев две отборные имперские пехотные дивизии, которые так нужны были вермахту под Сталинградом.

Эти дивизии вместе с мадьярскими частями, охранявшими немецкие тылы, двинулись на наше соединение с двух сторон: с юга, то есть со стороны Олевска, и с севера — со стороны Мозыря и Лельчиц, намереваясь окружить нас и уничтожить здесь.

Собственно еще до появления этих карательных войск Ковпак и Руднев уже решили было уходить на север, поближе к бойкой магистрали Брест — Гомель, чтобы заодно «подремонтировать» и ее «в подарок фюреру».

— Расположиться можно, я думаю, где-то около Червонного озера,— предложил Руднев.— Вы только посмотрите на карту, это — почти море! Посадочную площадку для самолетов, уверен, мы там найдем. А нам уже пора получать боеприпасы. Да и раненых необходимо отправить на Большую землю.

Но нас вдруг подвела погода.

Дело в том, что неделю назад, когда мы после своих партизанских Канн отдыхали в лесных селах, выпал обильный, чуть не до пояса снег. Пришлось менять у полещуков свои повозки на сани. Но тут вдруг наступила оттепель, и мы вынуждены были снова переходить на колесный транспорт.

Пока мы занимались этим немаловажным для нас делом, каратели обложили наши отряды со всех сторон.

Пришлось прорываться из вражеского кольца и с отчаянными боями по бездорожью уходить на север.

Но оторваться от карателей оказалось не так-то просто: в лесистоболотистом крае дорог было очень мало, что, разумеется, сковывало нашу маневренность. Противник, пользуясь этим, не только преследовал нас, но и старался перехватить соединение. Сил-то у него было в несколько раз больше, чем у нас.

Особенно острая ситуация возникла в Ивановой Слободе. От нее на север вела только одна дорога — на Туров. Она тянулась через обширное болото уро-

чища Дереза, и когда мы уже собрались было двинуться по ней из Ивановой Слободы, разведка доложила Ковпаку и Рудневу, что по этой дороге навстречу нам из местечка Турова идут немцы. И на хвосте у нас, в селе Тонеж, тоже повисли преследовавшие ковпаковцев части противника, не добитые при прорыве из Глушкевичей.

— Чого доброго, прыдэться йты по льду через цэ болото,— сказал недовольно Ковпак.

— А я предлагаю другой путь! — ответил ему Руднев и провел карандашом по карте, лежавшей на столе: — Севернее Тонежа, на деревню Рубрынь.

— Но там тоже, после хутора Вороное такэ самэ болото,— возразил Сидор Артемович.

— Не совсем такое,— всмотревшись еще пристальнее в карту, заметил Руднев.— К тому же там пока нет противника.

— Хай будэ гречка,— согласился Ковпак.

Маршрут, выбранный комиссаром, оказался удачным. В первый же ночной переход мы оторвались от противника. За второй марш благополучно проскочили между вражескими гарнизонами, находившимися в Давид-Городке и Турове, после чего переправились со своим тяжелым обозом и артиллерией по льду через реки Ствига и Припять (благо, начались крещенские морозы). За третий дневной марш мы добрались до Червонного озера.

Вечером 3 января соединение расположилось на его южном берегу: Путивльский отряд со штабом соединения — в селе Ляховичи, Кролевецкий, Шалыгинский и новый Ельский белорусский отряды — в селе Пуховичи, а Глуховский — в колхозе «Комсомолец».

Здесь мы сразу почувствовали себя в полной безопасности: в эти непролазные Пинские болота вообще пока еще не ступала нога оккупанта. Кроме того неподалеку от нас находились: разведывательно-диверсионное соединение «Бати» (полковника Линькова) и два местных, белорусских соединения — Комарова и Капусты.

Первым делом необходимо было оборудовать аэродром для приема самолетов. Но увы, среди болот и лесов это оказалось нелегкой задачей.

Пока продолжались поиски будущего аэродрома, наши минеры почти каждую ночь «ремонтировали» железную дорогу Брест — Гомель, по которой один за другим катили вражеские эшелоны в сторону фронта.

Единственной посадочной площадкой была поверхность огромного Червонного озера (или, как его здесь называли, Князь-озера), скованного морозами. На нем после тщательного обследования льда и решили устроить партизанский аэродром.

Конечно, это было все-таки рискованно. Но обслуживавшие нас летчики из полка Героя Советского Союза Валентины Гризодубовой готовы были на все ради партизан.

И жизнь в селе Ляховичах, где находились Ковпак и Руднев со своим штабом, забила ключом. Почти каждую ночь, если позволяла погода, приземлялись самолеты, доставляя нам боеприпасы и взрывчатку, газеты и почту и забирая обратным рейсом раненых партизан.

Под конец нашей стоянки на Князь-озере в соединение прилетел секретарь Ровенского обкома партии, депутат Верховного Совета СССР генерал Бегма и привез много правительственных наград. Вот что писал 26 января Руднев об этом своей жене, работавшей тогда в партизанском госпитале в Москве:

«...В партизанском отряде большой праздник. Вчера прилетел член правительства, привез ордена, а сегодня их нам вручили. Далеко от Родины, в глубоком тылу врага, выстроилась вся наша громада, и получали награды 346 человек, в том числе известный тебе С.В.Р., твой любимый сынок Радик и Костя. Я совершенно не знал, и это для меня было большой неожиданностью и радостью — я получил сразу три ордена: Ленина, Красного Знамени и «Знак Почета»... Радик — орден Красной Звезды, Костя — медаль. Я благодарю правительство и Родину за высокую оценку моей работы и очень жалею, что вы, мои родные, не переживаете вместе с нами нашей радости...»

Таковы были радости суровой походной жизни нашего комиссара. Не только он сам («известный тебе С.В.Р.»), но и старший сын его Радик, и младший брат Константин, воспитанник Семена Васильевича и Ньомы, сражались теперь в одном строю. Родина отметила их заслуги.

Но верный ленинскому принципу отмечать и торжества и юбилеи не столько парадными речами, сколько критикой, направленной на пользу общего дела, Руднев в ту же ночь написал прямое, по-большевистски требовательное письмо начальнику Украинского штаба партизанского движения генералу Строкачу. Человеку, которому сам Руднев был в душе благодарен не только за его заботы о соединении, но и за отеческую помощь рудневской семье.

«27 января 1943 года

Во-первых, шлю Вам сердечный и товарищеский привет и крепко, по-товарищески жму Вашу руку.

Тов. Строкач, я знаю, что мы Вам часто портим нервы и кровь своими радиограммами, но я думаю, что Вы нас простите, так как Вы понимаете, что делаем это не из любви к этому искусству или из какой-либо неприязни к Вам, а потому, что без тола и боеприпасов нам работать нельзя. Фрицы стали другими, забираются в дзоты и каменные здания, а оттуда их выбивать гораздо труднее. Для нас боеприпасы играют большую роль. Взрывчатки здесь вообще не достанешь, а без нее нельзя разрушить мост или уничтожить железнодорожную станцию.

Кроме того, нашу маневренность сковывают раненые. Вот почему наши радиограммы подчас бывают резкими. Мы хорошо знаем и понимаем Ваши трудности: и погода и другие причины. Поэтому я решил Вам написать...

Самолеты прилетают к нам с большой недогрузкой. Мы знаем, что это дорогая вещь, но ее нерационально используют. Надо самолеты загружать на 100 и более процентов. Вот, например: самолет № 14, на котором прилетел тов. Бегма, доставил троих человек и два мешка груза, всего 500 килограммов. Почему не тысячу килограммов? Это — дорогостоящее удовольствие!

Тов. Строкач, прошу Вас, займитесь этим делом, так как допускать такую роскошь нельзя, ибо доставка каждого патрона нам будет обходиться дороже его стоимости».

В конце нашего пребывания на Князь-озере, когда все грузы были уже получены, а все тяжелораненые партизаны отправлены в Москву и последний самолет

готов был вырулить на взлетную полосу, комиссар Руднев с присущей ему непосредственностью, воскликнул:

— Эх, жаль, уходит машина не загруженная!..

— Цэ нэ по-хозяйски,— отозвался полушутя Ковпак, стоявший рядом.

— Может, пошлем нашим боевым друзьям-летчикам, в их часть подарок? — предложил Руднев.

Ковпаку эта идея понравилась:

— Правильно! Пошлем летчикам мьяса и сала!..

И пока под веселые шутки партизан происходила погрузка, Руднев тут же написал на клочке бумаги письмо Герою Советского Союза подполковнику Гризодубовой, командовавшей нашими крылатыми помощниками:

«30 января 1943 года

Командование группы партизанских отрядов Сумской области посылает Вам и Вашему личному составу скромный подарок — мяса две туши, отобранные у новоиспеченного немецкого помещика в совхозе «Сосны», в знак благодарности за вашу помощь по эвакуации раненых и подброске боеприпасов.

Надеемся, что и впредь Вы и вверенная Вам часть будете помогать нам, не считаясь ни с какими трудностями.

С коммунистическим приветом!

Командир группы партизанских отрядов Сумской области Герой Советского Союза С. А. *Ковпак*

Комиссар группы партизанских отрядов Сумской области полковой комиссар С. В. *Руднев*»

Помню, подписывая этот любопытный документ, Руднев сказал:

— Пусть летчики отпразднуют победу нашей родной армии под Сталинградом! Пусть отведают свежего мясца... Ведь там, на Большой земле, с продовольствием трудно. А мы сделаем летчикам подарок — в честь нашей общей победы под Сталинградом!..

И раз уж я затронул эту тему — о кровной, сыновней связи партизан с Большой землей, то как же не вспомнить добрым словом весь наш Украинский штаб партизанского движения во главе с генералом Строкачем?! И его медотдел — в особенности!.. Вот кто ду-

мал о нас неустанно, что называется, днем и ночью.

Заведующая медотделом капитан Мария Михайловна Попова, быстро организовавшая нашу партизанскую службу по фронтовому образцу, разработала целую систему, чтобы по возможности точно предугадать, какие ранения наиболее типичны в наших условиях и чем лучше и проще всего на ходу врачевать более легкие травмы. Иной раз, когда в самолете с медикаментами и взрывчаткой был хоть маленький недогруз, капитан (позднее майор) Попова мчалась на попутке на аэродром, уговаривала летчиков:

— Ребята! Захватите для партизан из наших госпитальных фондов хоть бочку селедки, втисните как-нибудь в самолет! Ведь это средство от цинги!

И летчики, посмеиваясь, втискивали в свои СИ и ЛИ нестандартные грузы...

Руднев, осматривая полученное, говорил, пожимая руку пилоту Лунцу или Бугримовичу:

— Спасибо вам, дорогие товарищи!.. Хотя забота Большой земли о солдатах невидимого фронта бывает порой и анонимной, но все же для нас, партизан, это прежде всего — люди, чьи руки мы ощущаем в своих руках при таких дружеских встречах, будь то секретарь ЦК или очередной пилот!

Эта живая забота, рожденная крепкой боевой дружбой, грела партизан. И выражая общие наши мысли и чувства, Руднев говорил:

— Родина для всех нас, партизан — родная мать. Вся Большая земля болеет за каждый отторгнутый от нее врагом клочок. И за каждого партизана, ее защитника!

Вот почему прибытие самолета всякий раз становилось праздником для ковпаковцев. И чем суровей выпадали испытания нашим летчикам в пути, когда они пересекали линию фронта, тем горячей и сердечней были наши рукопожатия. Провожая посланцев Большой земли обратно, мы передавали с ними слова искренней сыновней любви и благодарности советской Родине.

ПЛАН ПЕРЕВЫПОЛНЕН

В конце января 1943 года Верховное командование поставило нашему соединению новую задачу, кстати, подсказанную самим же «Лезвием» (Вершигорой): парализовать Коростеньский железнодорожный узел. На карте он выглядел еще внушительней, чем Сарнский, и напоминал крупного паука. Пока что этого проклятого «паука» никто не тревожил, так как он со своей стальной паутиной коммуникаций находился в безлесой степной местности, в северной части Житомирщины, куда партизаны еще не доходили.

Само собой разумеется, ни Верховное командование, ни штаб партизанского движения не могли дать точных указаний, как именно парализовать столь важный узел. Этот вопрос предстояло решить командованию соединения самому.

По прямой от Князь-озера до Коростеня — около двухсот пятидесяти километров. Маршрут этот был уже знаком ковпаковцам. Но на этом пути еще оставалось много оккупационных войск, гонявшихся ранее за нами, и без боев, незаметно нам теперь вряд ли удалось бы подобраться к этому «пауку». Да и нападать на город Коростень Ковпак и Руднев не собирались.

Они решили пойти более дальним маршрутом, который пролегал через районы, где еще не было партизан, и, следовательно, оккупационных войск там находилось меньше. Но главное, Ковпак и Руднев, подходя к делу по-государственному, решили не ограничиваться только коростеньским пауком, а как сказал комиссар, «одним махом» парализовать сразу три железнодорожных узла: сначала вывести из строя лунинецкий узел, потом повторить удар по сарнскому, который за истекший месяц оккупанты успели частично восстановить, а затем уже навалиться на коростеньский.

С этой целью Ковпак и Руднев двинулись 3 февраля со своими отрядами прямо на запад, по северным районам Пинской области. Так начался новый стремительный рейд, который вошел в историю соединения как рейд под Киев.

Выступили мы в этот поход на санях. На пятую ночь, когда мы под охраной своих заслонов пересекали всей колонной соединения железную дорогу Лунинец—Бара-

новичи, наши минеры преспокойно вывели из строя эту «железку» и телефонно-телеграфную связь.

9 февраля, повернув на юг, мы таким же образом «починили» оккупантам железную дорогу Пинск—Лунинец (это, кстати, был перегон той самой магистрали Брест—Гомель, которую мы, еще находясь на Князь-озере, выводили из строя семь раз в течение января).

Когда прогремели взрывы, и длинная колонна пошла дальше, Руднев сказал Ковпаку, подсев к нему в сани:

— Итак, лунинецкий железнодорожный узел мы недельки на две вывели из строя. Впереди сарнский и коростеньский узлы!..

Стремительно продвигаясь на юго-запад, соединение в ночь на 18 февраля подошло к железной дороге Ковель—Сарны. Разведчики без труда захватили переезд.

5-я рота, которой командовал Степан Ефремов, пошла в заслон со стороны железнодорожного разъезда Польска Гура, а 8-я рота Сергея Горланова — со стороны станции Маневиче. Каждому заслону выделили по одной пушке сорокапятке.

Едва Горланов успел расположить своих бойцов по обе стороны железнодорожного полотна, как со стороны станции Маневиче послышался перестук колес, мелькнул огонек — шла немецкая дрезина. Подпустив ее поближе, партизаны увидели, что она тащит платформу с солдатами.

В коротком бою партизанский заслон уничтожил около тридцати гитлеровцев и сжег дрезину с платформой.

Тем временем ковпаковские минеры взорвали железнодорожный мост на реке Стырь и пустили под откос один вражеский эшелон с войсками.

Выведя из строя «железку» Ковель—Сарны, мы повернули на юго-восток, к двухколейной магистрали Ковель—Ровно. Когда соединение остановилось на короткий отдых в деревне Ничехувка, Вершигора за обедом сообщил Ковпаку и Рудневу, что его «асы» Дмитрий Черемушкин и Федор Мычко, только что вернувшиеся с юга, из дальней разведки, доложили о резком усилении движения вражеских поездов по этой самой двухколейке.

— Логично! Ведь мы с вами вывели из строя дороги Пинск—Лунинец и Ковель—Сарны! — воскликнул Семен Васильевич.— Следовательно, немцы все свои составы гонят теперь по этой дороге.

— Правильно! — подтвердил Ковпак вывод комиссара.— Поэтому я предлагаю ковырнуть на ций двухколейке з пивдэсятка эшелонив.

В тот же день под вечер, когда соединение двинулось дальше к селу Большой Стыдын, где решено было дать двухдневный отдых людям и лошадям, пять диверсионных групп направились на юг, к двухколейной железной дороге на участок Клевань—Рожище.

19 февраля после полудня все группы вернулись, успешно выполнив свои задания. Это была большая победа минеров: они пустили под откос четыре вражеских эшелона с войсками и техникой, причем, один из них был с танками. А пятая группа взорвала мост на реке Стубазка севернее станции Клевань.

В ночь на 22 февраля соединение двинулось дальше. В эту ночь мы форсировали две реки: быструю Горынь, которую пришлось переходить вброд, по пояс в ледяной воде, а затем — Случь, где лед был достаточно крепкий. А главное, в их междуречье мы пересекли и, конечно же, вывели из строя железную дорогу Ровно—Сарны, тем самым вторично парализовав сарнский железнодорожный узел.

Весна уже вступила в свои права. Снег, даже в лесу, почти везде растаял,— хорошо, что мы неделю тому назад сменили свои сани на повозки.

27 февраля соединение подошло к железной дороге Новоград—Волынск—Коростень. Дальше на юг начиналось широкое степное море Житомирщины, покрытое густой сетью шоссейных и железных дорог.

На коротком совещании командиров и комиссаров Руднев особо предупредил всех:

— Товарищи, мы вступаем в безлесые районы Житомирщины. Отсюда начинается самая опасная часть нашего рейда. Скажу вам, не скрывая: риск велик, мы можем дорого поплатиться за свою смелость. И чтобы этого не случилось, нам нужно: во-первых, как очень правильно отметил Сидор Артемович, совершать не просто переходы, а стремительные броски. Во-вторых, строжайше соблюдать нашу воинскую дисциплину.

Долг каждого коммуниста и комсомольца — довести это до сознания всех бойцов. И быть самим во всем примером.

И люди не подвели. Дорогу мы пересекли с соответствующей партизанской «музыкой» — то есть под грохот взрывов. Наши минеры уничтожили два железнодорожных моста и один вражеский эшелон с войсками, после чего немцы не скоро смогли посылать по ней составы через Коростень — к фронту.

Но в черноземной степи, после двух марш-бросков по раскисшим грунтовым дорогам совершенно выбились из сил наши лошади. А без лошадей, разумеется, обоз со взрывчаткой и боеприпасами не мог тронуться дальше.

Пришлось дать соединению двухдневный отдых в селе Краевщина и окружающих его мелких хуторах.

В ночь на 6 марта соединение перешло шоссейную и железную дороги Житомир—Коростень, парализовав обе эти магистрали, идущие с юга к коростеньскому транспортному узлу; форсировало реку Иршу и остановилось на дневку в Гуте Потиевской, в междуречье Тетерева и Ирши. Здесь, в открытой степи, мы впервые в ходе нашего рейда почувствовали серьезную опасность: сначала в воздухе появился «костыль» — немецкий самолет-разведчик, а вскоре наша разведка обнаружила движение автоколонн с войсками противника из Житомира в сторону Гуты Потиевской.

Нам надо было как можно скорее нырнуть в крупный лесной массив. Но до спасительного Кодринского леса оставалось полсотни километров, и преодолеть их за одну ночь было не так-то легко. Устали и люди, и лошади, хотя многих лошадей мы поменяли в селах.

Гитлеровское командование, поняв, видимо, куда стремятся партизаны, стягивало свои войска к Радомышлю со стороны Житомира, чтобы не пустить нас в лес.

Из Гуты Потиевской до реки Тетерев партизанская колонна шла по открытой степи всю ночь и весь день, растянувшись километров на пять. А день тогда, как нарочно, выдался погожий, ясный. В любую минуту могли появиться фашистские «юнкерсы». И со стороны Радомышля того и гляди двинется в наступление вражеская пехота!.. Это понимало не только наше командование — это чувствовал каждый партизан.

Именно поэтому комиссар, забыв об усталости, шагал в колонне, переходил от одной роты к другой. Как всегда во время маршей, он проведывал раненых. Повозки ковпаковской санчасти, по обыкновению, следовали в середине колонны. Наш Кролевецкий отряд шел сразу за санчастью, и мне было видно, как Семен Васильевич задерживался то у одной повозки, то у другой. Ведь раненым бойцам было во много раз тяжелее, чем нам. Мало того, что их трясло на ухабах, они, беспомощные люди, чутко улавливали опасность, нависшую над соединением. Но после недолгого разговора с комиссаром раненые сразу глядели веселей.

На взгорке последняя повозка, рядом с которой шагал теперь Руднев, вдруг остановилась: обе лошади тяжело раздували боками, выбившись из сил. Ездовой чертыхнулся и соскочил прямо в грязь. Комиссар тоже, упершись плечом, стал подталкивать повозку.

Мы с Валентином Подоляко подскочили на помощь.

Один из раненых, с благодарностью посмотрев в склоненное над ним, покрытое крупными каплями пота лицо комиссара, сказал:

— Спасибо, товарищ комиссар!.. Как же вы, наверное, устали за эту проклятую войну!.. И когда только она кончится?

— Как войдем в Берлин, так сразу и кончится,— весело ответил Семен Васильевич.

— Аж в Берлин?! — Глаза парня, едва выглядывавшие из-под марлевой повязки, удивленно округлились.

— Да, в Берлин!..— уже серьезно повторил Руднев и выпрямился (подъем кончился, можно было спокойно идти рядом с повозкой).— Без этого немыслим разгром фашистской Германии. Фашизм можно уничтожить, лишь захватив его логово.

— Вот это правильно!..— подхватил раненый.— Надо отомстить за такие их зверства!.. Не грех даже уничтожить их всех!

— А вот уничтожать весь народ — нельзя,— строго сказал Руднев.— Ведь там есть и антифашисты! Есть дети!.. Есть люди просто ни в чем не виноватые, но запуганные или сбитые с толку. Мы должны наказать тех, кто развязал эту страшную войну, кто творил зверства! Наша задача не уничтожить Германию, а освободить ее народ от фашизма.

Только к семнадцати часам добрались мы до села Межиричка на берегу реки Тетерева и начали переправляться на противоположный берег. Но именно этот измучивший всех бросок и спас нас: соединение успело раньше карателей войти в село Крымок, расположенное на опушке Кодринского леса.

Весь следующий день прошел в тревоге: с самого утра над селом снова появился «костыль». Из Житомира в Радомишль, а оттуда в соседние села прибыли на машинах вражеские войска. Пехота начала переправляться через Тетерев, явно готовясь к наступлению на партизан.

В это время ковпаковский штаб спешно разрабатывал приказ на очередной ночной марш, но ему не суждено было осуществиться: каратели начали бомбить село с воздуха, а затем ринулась и их пехота.

Оставив в Крымке для прикрытия две роты своих путивлян, Ковпак и Руднев увели лесом все соединение в поселок Кодра. Пока подразделения расквартировывались, Вершигора перехватил на улице Ковпака и Руднева, направлявшихся в отведенную для них хату, сказал:

— Товарищ командир, есть новость.

— Пидожды трохи...

Продолжая свой разговор с командиром, комиссар произнес негромко:

— Все-таки, Сидор Артемович, я считаю, нам надо сразу двигаться к магистрали Коростень—Киев и рубить ее, а не задерживаться в этой Кодре! Ведь каждый лишний час — против нас.

— Так нэ успилы б... Прыйшлы б на магистраль к утру,— стоял на своем Дед.— Ничого!.. Переднюем тут, а вечером двинемся.

— Но тогда нам придется вести бой! — возразил Руднев.— Утром нас обязательно атакуют немцы из Крымка.

— И наверное, не только из Крымка,— добавил Вершигора.

— Ага, давай, шо там у тэбэ за новость? — повернулся Ковпак к своему помощнику по разведке.

— Мои хлопцы докладывают, что из Киева в сторону Иванкова проследовали две большие автоколонны с немецкой пехотой. И тоже, наверное, едут по на-

шу душу... Кроме того, километрах в десяти или двенадцати от нас, в бывшем военгородке около Рудни Почаевской отдыхают несколько тысяч офицеров, битых под Сталинградом. И их могут бросить на нас!

— Ну, цэ уже не вояки,— махнул рукой Ковпак.

— Ты зря, Сидор Артемович, недооцениваешь их. Прикажут — и они полезут.— Комиссар взялся было за планшетку, но потом предложил: — Пошли лучше в хату, надо подумать над картой...

Все трое вошли в дом и, поздоровавшись с хозяйкой, направились в приготовленную для них комнату. Там Руднев достал из планшета свою карту-двухкилометровку и, глянув на нее при свете тусклого каганца, сказал:

— Придется подсветить.

Он вынул из кармана трофейный электрический фонарик, включил его. Все склонились над картой.

— Так, говоришь, Петрович, что из Киева тоже идут по нашу душу? — вполголоса спросил Руднев.— Пожалуй, ты прав...

— Ну, ти нимци до утра сюды нэ поспиють,— заметил Ковпак.— Утром на нас полизуть тильки ти, шо сыдять в Крымку и Радомышле.

— Хорошо, если бы киевская группировка не успела,— вздохнул комиссар. И решительно добавил: — Нам выгоднее бить их по частям: сначала — житомирскую, потом — киевскую!.. Хуже, конечно, если они навалятся на нас обе сразу. На всякий случай, нам надо быть готовыми к нападению обеих группировок. Ты, Петрович, не спускай глаз с киевской!

— Ясно, товарищ комиссар. Мои «глаза» находятся там,— ответил Вершигора, поглаживая свою окладистую пышную бороду.

Тут же приняли решение: Глуховскому отряду, у которого больше всего огневых средств, держать оборону на южной окраине Кодры; остальным отрядам — по северной ее окраине.

Предложение нашего командования подтвердилось. Утром батальон эсэсовцев из села Крымок атаковал роту глуховчан, стоявшую заставой в лесу. После короткого боя эта застава отошла на новую позицию. На помощь ей Ковпак вынужден был послать одну роту Путивльского отряда.

Обрадовавшись первому успеху, гитлеровцы подтянули еще два батальона и бросились в новую атаку, как всегда стремясь окружить партизан.

Ковпак и Руднев стояли возле дома, в котором провели остаток ночи, чутко вслушивались в доносившийся из леса грохот боя. Оба были спокойны.

— Мне кажется, Сидор Артемович,— сказал Руднев,— сейчас, когда немцы залезли в лес, наступил самый подходящий момент ударить по ним.

— Да,— ответил Ковпак.— Трэба их проучить.

Три роты автоматчиков, незаметно обойдя противника справа и слева, внезапно ударили ему в тыл. Ни одному гитлеровцу не удалось выбраться из леса.

Когда все было кончено, любопытный Вершигора, обойдя место боя, сказал Рудневу:

— Ну и накосили наши хлопцы! Прямо штабелями лежат убитые каратели...

— «Каратели»!..— повторил Руднев.— Кого они «карают»? И за что?! Лучшие наши люди, защищая родную землю, заплатили сегодня за эту победу своей жизнью. Сколько будет пролито по ним материнских и девичьих слез!.. Все-таки жестокая штука — война. Я мечтаю о том времени, Петрович, когда всемирный суд народов будет судить и беспощадно карать тех правителей, которые во имя своих личных выгод захотят ввергнуть человечество в новую войну!

После уничтожения этой группировки каратели до самого вечера наступать на нас не пытались.

А вечером соединение двинулось дальше на север, к двухколейной магистрали Коростень—Киев.

Ковпак и Руднев не стали в эту ночь взрывать мост на реке Тетерев, узнав, что гитлеровское командование, встревоженное серией взрывов на своих важнейших коммуникациях, утроило охрану тетеревского моста. Наши командиры снова решили пойти на хитрость: удалиться на время от «железки», дав оккупантам немного успокоиться, а затем рвануть тетеревский мост, чтобы окончательно вывести из строя коростеньский железнодорожный узел.

На дневку соединение остановилось в большом Коблицком лесу, в селе Блитча. День мы простояли спокойно: видимо, оккупанты на время потеряли нас из виду. Но на следующее утро на нас навалилась киевская

группировка карателей, о которой предупреждал Вершигора.

Батальон эсэсовцев подъехал к селу Коленцы и с ходу атаковал Шалыгинский отряд, державший оборону в лесу северо-восточнее Блитчи. Шалыгинцы подпустили цепи поближе и шквальным огнем прижали их к земле. Две роты кролевчан ударили эсэсовцам в тыл, отрезав им путь отхода, и погнали «крестить» в реку Тетерев. Вражеский батальон был полностью уничтожен.

А чтобы помешать гитлеровскому командованию спешно подтянуть к Иванкову новые силы, ковпаковские минеры в ночь на 13 марта взорвали под самым Киевом два моста на реках Ирпень и Здвиж, выведя из строя автодороги Киев—Гостомель—Бородянка и Киев—Дымер—Иванков. Заодно на этой же шоссейке был сожжен в Иванкове и новый, недавно построенный оккупантами деревянный мост.

В ночь на 14 марта был уничтожен последний, самый крупный железнодорожный мост на реке Тетерев, взрывом которого завершилась партизанская операция по выводу из строя коростеньского узла.

Захват этого неприступного железнодорожного моста был поручен Андрею Цимбалу по предложению самого Руднева. Мост охраняли две роты немцев, которые сидели в бетонных укреплениях, уверенные в своей неуязвимости. Взять их там было все равно, что залезть во вражеский танк и перебить весь экипаж. Но Цимбал рискнул. Впрочем, риск был основан на точном расчете, на храбрости его бойцов и на данных, полученных от своевременно взятого «языка».

Страховал Цимбала со стороны Киева Валентин Подоляко с двумя ротами Кролевецкого отряда. Они находились в заслоне под Рудней Песковской, где в бывшем советском военгородке отдыхало около четырех тысяч немецких солдат и офицеров, о которых тоже докладывал Вершигора.

Среди ночи два вражеских батальона, поднятых по тревоге, устремились напрямую по шпалам к станции Тетерев. Кролевчане подпустили их метров на пятнадцать и расстреляли в упор из засады. Все оружие противника досталось партизанам.

После взрыва тетеревского моста, построив в Блитче переправу, соединение ушло на север. Дело в том,

что нам опять требовалась посадочная площадка для самолетов: кончились взрывчатка и боеприпасы, надо было эвакуировать раненых на Большую землю. Сначала командование считало, что мы сможем базироваться в белорусском Полесье. Но оказалось, что весной там найти посадочную площадку невозможно. Тогда решили уйти в междуречье Днепра и Припяти, где по данным разведки севернее деревни Аревичи имелось подходящее место для приема самолетов. И крупных вражеских гарнизонов там в прилегающих районах не было.

В ночь на 5 апреля с помощью жителей села Дерновичи, используя подручные средства, соединение переправилось через Припять и расположилось в Аревичах, Красноселье, Погонном и Дроньках.

Действительно, в этом районе близ деревни Кажушки простирался обширный ровный луг — почти готовый партизанский аэродром, защищенный с востока непроходимым болотом, а с запада — многоводной Припятью.

В тот же день туда направили 6-ю роту Путивльского отряда под командованием майора Дегтева, уже имеющую опыт по подготовке партизанских аэродромов. А в Украинский штаб партизанского движения дали шифровку: шлите грузы.

Ожидая прибытия первого самолета, Руднев заранее написал письмо жене. Вот эти взволнованные строки, в которых отразилось умение нашего комиссара видеть в частном, глубоко личном — общее, всенародное:

«7 апреля 1943 года

Родная моя старушка!

...Да, я воображаю, что теперь с тобой сталось после этих испытаний. Наверное, ты совсем седая. Но ты молодец, как абсолютное большинство русских женщин-матерей, которые несут тяжелый крест и чувствуют всю тяжесть войны на своих плечах.

Родная моя Ньомочка! По твоим письмам и письмам других женщин — жен и матерей наших бойцов, которые мне приходится читать, по отдельным газетным статьям, попадающим к нам, можно сказать, что наши русские женщины — это героини. Да, это героини: они делают простую будничную работу, они заменили своих мужей, сыновей в производстве и везде. Они

творят чудеса. Мы, партизаны, не только шлем вам — нашим женам, сестрам и матерям — свой горячий привет, но и низко кланяемся».

По заведенному правилу было решено сразу же подвести итоги нашего весеннего рейда. Пригласили весь командно-политический состав. Помначштаба по оперативной части Василий Войцехович набросал схему рейда, а молодой архитектор Семен Тутученко изобразил ее в красках. На зеленом, как само Полесье фоне, наш рейд выглядел раскаленной докрасна подковой.

Ковпак кратко изложил задачи и ход рейда. Затем началось бурное обсуждение: открыто говорили об ошибках, которых можно было бы избежать; о мужестве тех, кто сумел в самый критический момент поддержать, увлечь за собой других.

— Товарищи! Вот гляжу сейчас на схему нашего рейда, на эту огненную подкову, и невольно приходят такие мысли: в народе существует поверие, будто подкова над дверью приносит в дом счастье. Но ведь это — лишь символ. Мы же свою подкову выковали сами, в боях. Она есть воплощение нашего счастья, нашей победы! — с подъемом произнес комиссар. И подвел итог: — Нами в ходе рейда было парализовано вместо одного — три крупных железнодорожных узла. Одним словом, мы свой план перевыполнили. И сделали это в те решающие дни, когда Красная Армия, прорвав блокаду Ленинграда, уничтожив крупную группировку войск Гитлера под Сталинградом, перешла в решительное наступление, начав освобождать Украину и Северный Кавказ. То есть когда Гитлер из кожи лез, чтобы доставить к фронту свои подкрепления. А мы с вами помешали ему! Таким образом этим рейдом мы оказали немалую помощь родной армии и своему Верховному командованию...

Первым же рейсом самолет с Большой земли доставил кроме взрывчатки и почты, которую с нетерпением ждали все партизаны, совсем необычный груз: две новеньких, с иголочки, генеральских формы. Из

приложенного к ним официального документа стало известно, что за выдающиеся заслуги в организации и развитии партизанского движения на Украине и успешное выполнение боевых заданий Ставки Верховного Главнокомандования командиру Соединения сумских партизан С. А. Ковпаку и комиссару этого соединения С. В. Рудневу присвоено звание генерал-майора.

Прочитав этот документ, Ковпак, обращаясь к комиссару, весело сказал:

— Ну, якщо цю форму сюды прыслалы, то ж трэба ее примерить!..

Он подошел к небольшому зеркалу, покрытому вышитым петухами рушником, и стал разглядывать себя в новом мундире с золотыми погонами.

— Вот, Сидор Артемович, что фрицы наворожили! — пошутил комиссар.— Помнишь, еще под Дубовичами мы захватили немецкие военные документы, в которых было написано, что командует партизанами генерал Красной Армии?.. Говорил же я тогда: быть тебе генералом!

— А ты нэ смийся и усы нэ круты!..— с трудом сдерживая довольную усмешку, сказал Ковпак, поправляя генеральскую фуражку.— Якщо нам Ставка дала на одно партизанское соединение аж две таких генеральских формы сразу, цэ значить, що мы з тобой выполнили свой боевой план на двисти процентов!

Действительно: ни одно из партизанских соединений, сражавшихся в период Великой Отечественной войны против немецко-фашистских оккупантов, не имело двух генералов в составе командования. У нас же их теперь было два (а потом и третий, Вершигора).

И мы, ковпаковцы, увидев здесь, в глухом Полесье, своих любимых командира и комиссара в новенькой генеральской форме, испытали чувство непередаваемой радости и гордости.

А сам Семен Васильевич в письме к жене и младшему сыну рассказал об этом так:

«14 апреля 1943 года

Здравствуйте, родная моя Ньомочка и Юрик!

Ну, старушка, ты, наверное, уже читала о постановлении СНК СССР, опубликованном в «Правде» за 10.IV.1943 г. о присвоении мне воинского звания генерал-майора.

...Я чрезвычайно благодарен партии, правительству, моему великому народу за высокую оценку моей работы. Одновременно мне сообщили, что я награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. Ты знаешь, радость моя, что я не честолюбив и бескорыстен. 25 лет я честно отдавал все свои силы, всю свою страсть делу нашей Родины. Я был, есть и останусь верным сыном своей партии, своей Родины. Это присвоение воинского звания и награждение медалью обязывает меня к еще большему перед Родиной. Ты, родная, знаешь меня хорошо и можешь не сомневаться, что я буду драться до последнего, а если надо, умру честно в борьбе за свой народ, за свою партию. Ты знаешь, я пошел в партизанский отряд не за славой, не за чинами, а пошел на смерть. Только безграничная преданность своей партии, своей Родине меня, как патриота, заставили идти на смертный бой с фашизмом...

Радость моя, дорогая подруга жизни! Поздравляю тебя с награждением медалью «Партизану Отечественной войны» II степени! Передают все привет тебе и поздравление с награждением... Семья партизана: отец, мать и сын — партизаны. Хорошо и радостно! Спасибо партии и Родине, спасибо правительству и Родине за высокую оценку и твоей заслуги перед страной».

В «МОКРОМ МЕШКЕ»

Следом за ковпаковцами, на том же самом пароме, на котором переправлялись мы из Дерновичей на левый берег Припяти, перебралось и кавалерийское соединение Наумова, недавно закончившее свой знаменитый Степной рейд по Сумской, Харьковской, Полтавской, Кировоградской, Винницкой и Житомирской областям. Наделав много шуму на юге Украины, наумовцы теперь тоже нуждались в отдыхе и пополнении боеприпасами, а раненых у них было больше, чем у нас.

Место для отдыха и получения грузов оказалось очень удобным. И оставаться здесь можно было бы долго, если не обнаруживать себя. Но сидеть без дела ковпаковцы не привыкли. А дела напрашивались сами собой.

Во-первых, по Припяти, от Мозыря к Киеву, пошла речная флотилия немцев с военными грузами. Она словно сама просилась к нам в руки. Ковпак и Руднев не смогли устоять, чтоб не уничтожить ее.

Во-вторых, сюда же, в междуречье Днепра и Припяти, спустя несколько дней с восточного берега Днепра пришло Черниговское партизанское соединение генерал-майора Федорова Алексея Федоровича, ныне дважды Героя Советского Союза, и новое, недавно родившееся Сумское соединение под командованием полковника Якова Ивановича Мельника, участника гражданской войны. Оба эти соединения, как в свое время ковпаковцы, направлялись с боевым заданием в Полесский партизанский край. И ковпаковское командование предложило Федорову и Мельнику совместными усилиями разгромить крупный вражеский гарнизон в городке Брагине.

Разгром флотилии и уничтожение брагинского гарнизона не могли не встревожить оккупантов. К тому же они узнали, что здесь, в междуречье, собралось пять крупных украинских соединений (включая и соединение Героя Советского Союза генерала А. Н. Сабурова, пришедшее с Ковпаком и Рудневым еще в ноябре прошлого года и все время остававшееся здесь).

В ставке Гитлера, под руководством самого начальника оперативного отдела штаба сухопутных войск генерала Хойзингера срочно был разработан план по уничтожению партизан в междуречье Днепра и Припяти, под кодовым названием «Мокрый мешок».

Узнав о готовящейся крупной карательной акции оккупационных властей, Федоров, Мельник и Сабуров сразу ушли на западный берег Припяти, в обширное Полесье.

А нам предстояло еще отправить на Большую землю тяжелораненых и получить боеприпасы. Вместе с нами остались и наумовцы. Командир их соединения был сейчас на Большой земле (откуда вернулся, кстати, тоже генералом с Золотой Звездой на груди).

Когда мы завершили все свои дела, оказалось, что восточный берег Днепра и западный Припяти, то есть внешний контур междуречья уже блокирован вражескими войсками, которые получили задачу: не выпускать партизан из «Мокрого мешка».

У Ковпака и Руднева была надежда прорваться на север через железнодорожную магистраль Гомель—Калинковичи. Но выяснилось, что вдоль линии этой железной дороги партизан ждали более двух пехотных дивизий с танками и артиллерией, которые были сняты Гитлером с фронта. Они стояли на исходном рубеже, готовые ринуться в наступление, чтобы уничтожить нас и наумовцев.

Оба соединения оказались в критическом положении. Ковпак и Руднев решили вернуться в район села Кажушки и прорываться на западный берег полноводной Припяти. Головной Путивльский отряд начал спешно строить наплавной мост. Для таких экстренных случаев у наших саперов были наготове два стометровых металлических троса. Строительством этой переправы руководил лично Ковпак.

Остальные отряды, заняв оборону на дальних подступах к переправе, должны были любой ценой задержать противника до окончания строительства.

Руководство обороной взял на себя комиссар Руднев. Под вечер он отправился на командирскую рекогносцировку. С ним поехали Войцехович, Матющенко и Кульбака.

Изучив местность по карте, Руднев понял, что основной удар немцы нанесут вдоль Припяти, из Юревичей на Тульговичи и Кажушки, где местность позволяла им применять танки. Здесь он решил поставить Шалыгинский и Глуховский отряды. В помощь им командование выделило свой стратегический резерв — артбатарею майора Анисимова. Ответственным за оборону на этом участке назначили Федота Даниловича Матющенко, командира Шалыгинского отряда.

На другом вероятном направлении удара противника, со стороны Хойников, оборону заняли по восточной опушке Новослободского леса наш Кролевецкий отряд и поредевшие после тяжкого Степного рейда отряды наумовцев. Ответственным на этом участке обороны был командир Кролевецкого отряда Василий Моисеевич Кудрявский, вернувшийся недавно с Большой земли из госпиталя.

Сначала, как и предполагалось, гитлеровцы начали наступление на участке Матющенко. Ровно в семь часов утра здесь показались немецкие танки с автомат-

чиками на броне. Партизаны заманили их в ловушку, напичканную противотанковыми минами. И когда танки начали взрываться на минах, ударила партизанская артиллерия. Наши ковпаковские пушкари зажгли четыре немецкие машины. Затем дали беглый огонь шрапнелью по автоматчикам, сидевшим на броне... За четверть часа все стихло. Потерь у Матющенко и Кульбаки не было.

В восемь началась вторая атака. Теперь шло уже девять танков — тоже с автоматчиками на броне. Их постигла та же участь.

Потерпев крах на этом направлении, каратели перегруппировали свои силы и начали наступление со стороны Хойников. Теперь это направление стало главным. Центр тяжести атаки переместился на нас — кролевчан и наумовцев.

Каратели, уже зная по опыту, что партизаны, как правило, стараются минировать все дороги и проходы на танкодоступных направлениях и встречать наступающих шквальным огнем в упор, решили атаковать нас, используя в качестве щита мирное население. Они собрали в селе Новоселки всех женщин, детей и стариков и погнали эту плачущую толпу впереди танков.

Увидя, какой живой «заслон» выставили против нас гитлеровцы, мы, честно говоря, растерялись. Просто не знали, что делать: как спасти своих людей? Не могли же мы стрелять в них! Подлость врага ошеломила нас на какое-то мгновение. А толпа продолжала двигаться на партизанскую оборону.

— Что будем делать? — спросил Кудрявский, обращаясь к своему заместителю Валентину Подоляко и ко мне.

Мы полулежали в старом, заросшем травой окопе. Подоляко повернулся ко мне, перекусил зубами травинку.

— Петр Евсеевич, дорогу мы заминировали немецкими противотанковыми минами?

— Да.— Мне это было хорошо известно.

— Тогда порядок! — выдохнул он с облегчением и лихо сдвинул на затылок пилотку.— Пропустим жителей и ударим по фрицам в упор! Ведь немецкие противотанковые мины взрываются при нажатии не менее девяноста килограммов.

И верно, когда толпа мирных жителей подошла почти вплотную к нашей линии обороны, вдруг позади этих людей раздалось один за другим три оглушительных взрыва.

Жители, словно по команде, упали на землю. А перед нами в каких-нибудь тридцати-сорока метрах стояли окутанные дымом три фашистских танка, подорвавшихся на минах.

Еще три танка, следовавшие за ними, и около двух батальонов пехоты, шедшей за танками, оказались в простреливаемом пространстве, как в ловушке. Мы ударили по ним из всех видов оружия: пушками и ПТР — по танкам, пулеметами и автоматами — по вражеской колонне...

Потом, когда противник был разгромлен, жители Новоселок, которым удалось спастись от явной гибели, обнимали нас со слезами. Многие просили взять их с собой.

Больше вражеские танки в тот день уже не появлялись.

А мы, то есть кролевчане и наумовцы, получив через связного записку от Руднева с приказом спешить на переправу, двинулись в темноте к Припяти, уничтожив за собой все мостики на грунтовой дороге Хойники—Ломачи.

Наплавной мост через Припять был готов. Эта шаткая переправа была сооружена благодаря героическим усилиям наших саперов и всех путивлян. Несколько рот уже перебрались в кромешной темноте на другой берег Припяти. По колено, а то и по пояс в воде мы перешли через реку. Особенно тяжело было с подводами, не говоря уже о пушках!..

Часам к десяти утра наш Кролевецкий отряд перебрался тоже на тот берег. Там, в прибрежном овражке, подступавшем почти к самой воде, встретил нас Руднев. Комиссар был без шинели, в генеральской форме.

— Вот хорошо, вы подоспели вовремя! — обрадовался он, увидев нас с Подоляко.— А то противник, окопавшийся в селе Вяжище, стремится сбросить нас в реку. Надо этот вражеский батальон немедленно уничтожить! Обойдите его лесом и ударьте по нему с тыла.

Мы с ходу бросились на помощь 4-й роте Пятышкина, которая мужественно отбивала атаки противника и вскоре полностью уничтожила вражеский батальон.

Часам к двенадцати, когда все ковпаковцы и наумовцы переправились, наши партизанские саперы разобрали наплавной мост, скатали в мотки тросы, которые Ковпак и Руднев везде возили с собой, как «палочку-выручалочку».

Когда мы все уже были на западном берегу Припяти, каратели, подтянув подкрепление, начали наступать на нашу вчерашнюю оборону. За авианалетом и длительной артподготовкой последовала атака пехоты и танков. И тут фашисты поняли, что одурачены...

Потеряв за сутки около полутора тысяч солдат и офицеров, более десяти танков и бронемашин, наступавшие каратели так и не увидели партизан, уничтожавших противника из засад.

— Вот что такое — партизанский маневр!..— с удовлетворением сказал Руднев, когда мы анализировали эту операцию на очередной «ковпаковской академии».

А секретарь ЦК КП(б) Украины Демьян Сергеевич Коротченко, находившийся в то время у нас в соединении и сам участвовавший в строительстве переправы, так оценил своеобразный бой в «Мокром мешке»:

— Форсирование вашим соединением такого крупного водного рубежа, как Припять, можно по масштабу смело приравнять к любой армейской операции, где действуют целые корпуса!..

И верно, наши боевые действия развернулись тогда на шестидесятикилометровом фронте, хотя обороняли этот широченный участок, на который навалилось столько войск и техники, всего около тысячи человек — несколько маленьких отрядов.

Вырвавшись из «Мокрого мешка», соединение направилось на запад.

Остановились мы в лесу на берегу реки Уборть, недалеко от Милошевичей. В этом же районе собрались партизанские соединения: Федорова, Сабурова, Наумова, Мельника, Маликова, Таратуты, Шитова, Бегмы, Кизи и другие.

Здесь Демьян Сергеевич Коротченко провел по поручению ЦК КП(б)У знаменитое совещание командиров и комиссаров партизанских соединений. На этом

совещании с особенно яркой, взволнованной речью выступил Руднев. Он сказал, что партизаны выросли в огромную армию, внушающую ужас оккупантам.

— Но ведь мы, партизаны, еще не делаем и десятой части того, что могли бы сделать!..— увлекшись, воскликнул он.— Чтобы действовать с той эффективностью, которая стала возможной благодаря победам нашей Красной Армии на данном этапе войны, мы должны предъявлять к себе все более и более высокие требования! Ведь если бы все мы сейчас по единому, точно разработанному плану разошлись веером подальше на запад, в самые разные области оккупированной врагом зоны, на линию Ковель—Луцк—Львов—Стрый—Станислав, до самых Карпат, и одновременно ударили бы по крупным административным центрам, то оккупанты сами, даже не дожидаясь ударов Красной Армии, побежали бы с нашей земли!..

Ковпак, слушая речь своего комиссара, довольно улыбался. А когда тот кончил, бросил реплику с места:

— А шо? Я согласен! Можно и в Карпаты!..

Предложения комиссара и самого Ковпака были взяты за основу, когда ставились боевые задачи всем соединениям.

И ковпаковцы сразу же после этого совещания начали готовиться к новому рейду — в Карпаты. Пользуясь лесным аэродромом Сабурова, который находился в десятке километров от ковпаковского лагеря, мы получали с Большой земли взрывчатку, боеприпасы, новое автоматическое оружие. Обратными рейсами отправляли на Большую землю раненых, больных и, конечно, почту.

Все эти дни в нашем лагере и особенно в штабных палатках кипела работа: готовился боевой отчет, составлялись наградные листы и представления к очередным воинским званиям — на командный и политический состав. Проводились партийные и комсомольские собрания. На них решалась одна задача: подготовка к предстоящему рейду.

Особенно бурными и многочисленными были комсомольские собрания, которые, как всегда, проводил помощник Руднева по комсомолу Михаил Андросов. Ведь комсомол представлял основную боевую силу нашего соединения: воевала-то большей частью моло-

дежь! Именно он, комсомол, проводил в жизнь все решения командира и комиссара соединения.

Поэтому сейчас, когда речь шла о боевой готовности подразделений к предстоящему рейду, секретарь ЦК ЛКСМУ Николай Кузнецов, прилетевший во вражеский тыл вместе с Коротченко, видел, как на ладони, всю комсомольскую жизнь нашего соединения.

Много работы было и у секретаря парткомиссии Панина. Посыпались заявления о приеме в партию. На одном из заседаний парткомиссии был принят кандидатом в члены ВКП(б) и сын нашего комиссара, Радий Руднев, который по праву считался ветераном соединения. Партизанить он начал вместе с отцом еще 9 сентября 1941 года.

Крепко обняв сына, Семен Васильевич сказал слова, которые запомнились всем нам:

— Поздравляю тебя, сынок, с высоким званием коммуниста-ленинца. Береги в чистоте это почетное звание, как берегут его твои поручители: Ковпак, Базыма, Панин. И как твой отец...

По лагерю ходили неутомимые гости с Большой земли: секретарь ЦК КП(б) Украины Демьян Сергеевич Коротченко и молодой симпатичный генерал, начальник Украинского штаба партизанского движения Тимофей Амвросиевич Строкач.

Приезжие беседовали с партизанами или совещались между собой. Частенько Демьян Сергеевич с глазу на глаз обсуждал что-то с Ковпаком, вписывая столбиком цифры в свой блокнот. А Строкач затевал долгий разговор с полюбившимся ему комиссаром Рудневым. Их взаимная симпатия, дополнявшая обычные деловые взаимоотношения, была всеми замечена. И любящие порассуждать о жизни бывалые ковпаковцы объясняли ее так:

— Конечно, оба — кадровые военные с молодых лет, оба в пограничных районах служили, всю жизнь начеку!.. И главное, характеры у нашего Семена Васильевича и у Строкача — такие похожие, словно одна мать обоих воспитала!..

И верно: простота, доступность и добросердечие обоих были общеизвестны. А лично я имел причины любить и уважать их вдвойне.

Ведь Тимофей Амвросиевич Строкач в предвоенные годы, как депутат Верховного Совета и кадровый пограничник, официально рекомендовал меня в Московское пограничное училище. Он даже узнал меня, встретив тут, в тылу врага, и сказал, вручив мне орден Красного Знамени:

— Не зря, значит, я хлопотал, чтобы тебя приняли в Московское пограничное училище...

Конечно, все мы, партизаны, понимали, что длительные беседы комиссара Руднева и начальника УШПД продиктованы не одним лишь сходством их добрых и мужественных натур, столь импонировавших нам. Соединению предстояли большие дела.

Пока дед Ковпак и Коротченко трезво и придирчиво взвешивали стратегические задачи нового рейда и материальное его обеспечение, Руднев, как опытный политработник, и Строкач, привыкший за годы пограничной службы высоко ценить личную инициативу и выдержку каждого рядового бойца, обсуждали самую главную, коренную проблему в предстоящих испытаниях — сохранение моральной стойкости людей.

— Народ у нас — чистое золото! На таких людей можно смело положиться,— в итоге этих долгих бесед заверил комиссар Руднев генерала Строкача.

И вот наконец наступил день выхода в рейд — 12 июня. В этот день Руднев писал семье:

«Здравствуйте, наши родные и любимые Ньомочка и Юрик!

Мы живы и здоровы. Радя по-прежнему чувствует себя хорошо, но лететь домой не хочет...

Родная моя Ньомочка! Мне часто передают, что ты очень волнуешься за Радика. Я понимаю твое материнское чувство больше, чем кто-либо. Я понимаю твою тревогу как матери. Любовь к своему ребенку — это не просто любовь близкого человека, и выше этих чувств нельзя себе представить.

Родная моя Ньомочка! Сегодня мы уходим в рейд. Пойдем далеко. Не волнуйся и не беспокойся.

Сегодня тов. Строкач вручил медали I и II степени мне и I степени — Радику.

Родная моя! Прошу тебя, не волнуйся за нас. Скоро Красная Армия нанесет врагу такой удар, который будет решающим. Мы в этом ей поможем... Твой Сеня.»

В КАРПАТЫ!..

В тот же день, в 18.00 наше соединение длинной живой лентой выстроилось на лесной дороге Милошевичи—Глушкевичи. Все бойцы замерли на несколько минут.

К колонне приблизились два так хорошо знакомых нам всадника: Ковпак и Руднев, оба в генеральской форме.

Юношески стройный, широкий в плечах Руднев особенно ловко сидел на своем трофейном скакуне, подаренном ему партизанами после одного боя.

Испытывающе и в то же время по-отцовски мягко всматриваясь в лица бойцов, Семен Васильевич чуть заметно улыбался в свои черные как смоль усы. Глаза его сияли возбуждением перед новым ратным делом и какой-то праздничной радостью. Она словно солнечное тепло передавалась бойцам, вызывая ответный блеск глаз и дружелюбные улыбки.

За Ковпаком и Рудневым ехали Коротченко, Строкач и другие посланцы Большой земли. Приблизившись к кавэскадрону, стоявшему по традиции в голове колонны ковпаковцев, командир с комиссаром и гости спешились. Переглянулись.

— Ну что ж, дорогие командир и комиссар! — пожимая руки Ковпаку и Рудневу, проговорил Коротченко.— Счастливого пути!..

Его смуглое узковатое, хорошо знакомое партизанам лицо, казавшееся всегда несколько строгим, сейчас отразило глубокое внутреннее волнение. Демьян Сергеевич вдруг привлек к себе и крепко, по-братски обнял Ковпака. Потом потянулся к Рудневу и, тоже обняв его, сказал с какой-то особой сердечностью:

— Берегите себя!..

Это беспокойство за жизнь Ковпака и Руднева было вполне понятно: ведь оба они не умели в минуту общей опасности заботиться о спасении своей собственной жизни. Выполнить боевую задачу, сохранив по возможности всех своих партизан,— вот что было для них главным.

— Не лезьте первыми в огонь! — добавил генерал Строкач на прощание, повернувшись к Рудневу.— Ведь вы сами наказываете за это младших командиров.

— Комиссарское дело — особое,— заметил, улыбаясь, Руднев.— Комиссар должен вести людей за собой.

Радик, стесняясь высокого начальства, с которым разговаривал сейчас отец, хотел было незаметно пройти мимо гостей, но Коротченко сам его остановил и обнял крепко, как сына.

Строкач тоже поцеловал Радика. Не ожидавший такого внимания, тот очень смутился и проговорил взволнованным голосом:

— Передавайте привет маме и Юрику!..— Потом, чуть переваливаясь на ходу, поспешил к колонне.

Колонна уже тронулась в путь, а Коротченко и Строкач все еще стояли на берегу Уборти, махали нам фуражками. И Ковпак с комиссаром тоже задержались с провожающими. Они вчетвером молча пропускали партизанские роты, нагруженные боеприпасами и взрывчаткой подводы, артиллерию.

Наконец вскочили в седла и Ковпак с комиссаром.

— Прощайте, товарищи!.. Передавайте горячий привет всем-всем! — оглянувшись в последний раз, крикнул Руднев.

Отсюда нашему соединению предстояло пройти путь в полторы тысячи километров — через Волынь и Ровенщину, Тернопольщину и Станиславщину на запад, разжигая пламя партизанской борьбы. Прощупать глубокий вражеский тыл со всеми его коммуникациями и наступить, как мы любили говорить тогда, на самые больные мозоли Гитлера. А затем, ворвавшись в Карпаты, нанести удар по нефтепромыслам, которые позарез нужны были вермахту.

Конечно, тогда еще никто из ковпаковцев, за исключением командования, не знал обо всем этом.

Началась беспримерная карпатская эпопея. Однако я не стану сейчас повторяться. Об этом рейде уже много рассказано его участниками. Мне хочется остановиться прежде всего на тех моментах Карпатского рейда, которые показывают лично комиссара Руднева, талантливого организатора партизанского движения и проницательного политика ленинского типа, способного предугадывать многие события.

Итак, обратимся к дневнику самого Семена Васильевича Руднева, начатому им при выходе в Карпаты — обыкновенной общей тетради в дермантиновом пе-

реплете, в которой он торопливо записывал карандашом и важнейшие события нашей боевой жизни, и свои собственные мысли, чувства, переживания.

Вот как описывал начало похода наш комиссар:

12 июня 1943 года

Сегодня знаменательный день. Наша часть в 18.00 двинулась в рейд по новому маршруту, утвержденному ЦК КП(б)У и Украинским штабом партизанского движения. Путь далекий, тяжелый, но очень важный.

Утром много говорили лично с тов. Строкачем...

Строкач интересовался прошлым отряда, спрашивал, как я работаю с Ковпаком и т. д. Во время беседы дал очень много ценных советов по дальнейшей работе, а главное — приказывал беречь отряд, беречь людей.

Во время личного знакомства Строкач произвел на меня чрезвычайно приятное впечатление. Прекрасный человек!..

К 18 часам построились. Бойцы идут стройными рядами с песнями. На левом берегу р. Уборть провожают соединение в поход: Коротченко, Строкач, Чепурной, Мартынов, Кузнецов, Покровский и ряд других товарищей. Щелкают фотоаппараты, трещит киноаппарат. Соединение двинулось в поход. Вот проходят последние повозки и люди. Настали волнующие минуты прощания. Крепкие по-мужски объятия, крепкие до боли поцелуи. Я остаюсь последним. У тов. Коротченко на глазах слезы. Ряд напутственных слов — и снова объятия.

13 июня 1943 года

Ночью перешли в район хутора Конотопа и Будки Войткевичи. Здесь у нас были большие бои с немцами в декабре 1942 года. Как Глушкевичи, так и Будки Войткевичи сожжены до основания. В этих Будках население было исключительно польское. Из 670 человек осталось в живых только 22 человека, и то все ранены. Они рассказали, что когда немцы зашли в Будки, то загнали все население в школу, заперли и открыли по ней пулеметный и автоматный огонь, а потом забросали гранатами и подожгли.

Неужели человечество и история простят эти злодеяния фашистским зверям?..»

Благополучно прошли Полесье, почти везде контролируемое партизанами. Затем вступили в Волынь, где тоже не оказалось тогда немецко-фашистских войск. Но вдруг мы натолкнулись на неприятные сюрпризы. Первыми это почувствовали разведчики.

— Невозможно двигаться! — доложили Ковпаку и Рудневу они.— Только приблизишься к селу или хутору, обстреливают из винтовок, а то и из пулеметов. Пытаются окружать нас даже в лесу!.. Одеты эти люди, как и мы, в гражданское. Команды подают по-украински. А что за войско, не поймешь!

— Это — украинские националисты, «наследники» Петлюры,— ответил комиссар,— только называют себя теперь бульбовцами и бандеровцами...

Мы появились в западных областях Украины как раз в то время, когда националисты начали формировать свою «Украинскую Повстанческую армию» (УПА). Вот что записал об этой УПА Руднев в своем дневнике.

«16 июня 1943 года

Наконец мы попали в район действия бульбовцев. Это одна из разновидностей украинских националистов, которые дерутся против партизан. Здесь же, в этих районах, находятся бандеровцы, также националисты, которые дерутся и против бульбовцев и против партизан. Многие из этих банд хорошо вооружены, имеют даже артиллерию...

Все эти группы националистов грабят и поголовно уничтожают польское население. В связи с этим поляки бегут к немцам, а последние формируют из них полицию против националистов и партизан. Немцы искусно разжигают националистические страсти с одной целью — удержаться во что бы то ни стало. В этих условиях бдительность должна быть чрезвычайно повышена...»

Первое наше столкновение с бандами украинских националистов, не считая разведки, произошло на реке Случь. При подходе к деревне Бельчаки разведчики снова доложили Ковпаку и Рудневу:

— Бандеровцы на той стороне заняли оборону. Объявили, что не пропустят нас через Случь!

Командир и комиссар, взяв в руки свои мощные полевые бинокли, внимательно осмотрели крутой берег реки, поросший кустарником, очень удобный для обороны.

— Неужели эти сукины дети задумали воевать против своих? — произнес Руднев с горечью.— Такого кровопролития допускать нельзя. Надо послать к ним человека. Попробуем договориться по-хорошему.

Так и сделали. Вскоре после возвращения нашего «посла» прибыл к нам и бандеровский посланец. Он заявил:

— Мое командование сказало, шо мы вас пустымо, колы вы скажэтэ, куды вы йдэтэ и для чого!..

— Розумный ты сын у батька! Тильки батько в тэбэ — дурак!— ответил ему Ковпак, разумеется, тоже по-украински.

— Без вашего позволения пройдем, господа националисты! — предупредил Руднев, нахмурив брови.— А если будете нам мешать бить захватчиков, мы вынуждены будем уничтожить и вас, как пособников!

Парламентер сел в лодку и погреб обратно на тот берег — докладывать начальству о результатах своей дипломатической миссии. Договориться по-хорошему не удалось.

— К сожалению, ничего эти глупцы не поняли,— с гневом сказал комиссар.

Обсудив обстановку, наше командование приказало Кролевецкому отряду до вечера восстановить переправу через Случь. Но прежде чем приступить к этому делу, надо было выкурить из каменоломни, находившейся на противоположном высоком берегу, две бандеровские «сотни», которые при нашем подходе к разрушенному мосту немедленно открыли огонь.

Пришлось схитрить: мы установили одну сорокапятку на прямую наводку, дали два выстрела по каменоломне.

Бандиты клюнули на эту «удочку» и открыли ответный огонь из винтовок. Все их внимание привлечено было теперь к нашей 45-миллиметровой пушке. А тем временем 4-я рота Ильи Труханова скрытно переправилась на противоположный берег... С нашего берега даже невооруженным глазом было видно, как выскочив из кустарника, партизаны перебегали хребет небольшого холма и потом скрылись за каменоломней

Мы прекратили огонь. Вскоре в каменоломне послышалась характерная пофыркивающая стрельба наших автоматов ППШ. Потом наступила тишина. И Труханов,

запорошенный меловой пылью, показался на прибрежной скале, сжимая в поднятой руке свой автомат. Это означало: все в порядке!..

Взятых в плен националистов, простых хлеборобов, после соответствующей разъяснительной работы с ними, Руднев велел отпустить. Ковпак засомневался.

— Знаю я это петлюровское отребье! — сказал он ворчливо. И по-своему был, конечно, прав.

Но Руднев все-таки настоял на своем.

— Это обычные сельские дядьки, которым задурили головы! Если они вернутся от нас живыми-здоровыми, это будет лучшая агитация против той лживой пропаганды, которую ведут националисты! А дурит им головы буржуазная бандеровская верхушка, прошедшая у Гитлера спецкурс по зверству и вероломству. Кричит о «самостийности», а сама состоит в подручных у немецких фашистов!

Комиссар тут же присел на повозку и стал писать листовку на украинском языке, который знал так же хорошо, как и русский.

Забегая вперед, скажу, что людская молва с быстротой радио разнесла по селам весть об отпущенных нами пленных; а рудневские листовки были лучшим тому подтверждением... Потом нас встречали на деревенских улицах не только поляки, справедливо видевшие в «червоных партызантах» защиту от бандеровского террора, но и население украинских деревень, находившихся под контролем тех же бандеровских «куреней».

А мост через Случь к вечеру был построен, и соединение двинулось дальше, вступив на территорию так называемого «дистрикта».

Само по себе это слово, в переводе с латыни, означает раздел или надел. Тогда же нам было не до лингвистических исследований, зато все мы прекрасно поняли комиссара, который сказал:

— Главное в этом фашистском «дистрикте» — это старый захватнический принцип «разделяй и властвуй».

И верно: территория Галичины была отдана Гитлером на откуп украинским националистам. Но Руднев, обладавший политической прозорливостью, сумел заглянуть в самый корень этого непонятного для нас сначала явления.

Ковпаку же сам Семен Васильевич признался:

— Знаешь, Сидор Артемович, нам с тобой, как ни странно, повезло с этим идиотским «дистриктом». Для нас, пожалуй, сейчас даже лучше, что оккупанты отдали этот край на откуп своим прихвостням — бандеровцам. Отсутствие немецких гарнизонов позволит нам незаметно проскочить в Карпаты.

— Это верно! — согласился с ним Ковпак.— Помешать нам бандеровцы не в силах. А благодаря этой комедии с «дистриктом» мы вроде у них под «охраной».

— Да... Только мне кажется,— после паузы произнес комиссар с грустью,— что все эти копеечные подачки жителям «дистрикта», вроде керосина и спичек, которых днем с огнем не сыщешь в других оккупированных областях, всего-навсего — приманка у ловушки. Гитлеровцы затеяли здесь вместе с бандеровцами какую-то подлую игру. А расплачиваться за них будет народ — своей кровью!.. И мы должны проявить максимальную выдержку, чтобы не поддаться на провокации националистов и не вступить в вооруженное столкновение с одураченным ими народом.

Руднев был, конечно, прав. Но война есть война. Все-таки националисты нередко стреляли из-за угла хаты или из кустов. Наши бойцы отвечали огнем лишь тогда, когда видели человека, стрелявшего в них.

Одним из активнейших соратников Руднева по политической пропаганде был помощник по комсомолу Михаил Андросов, работавший до войны завотделом сельской молодежи Запорожского обкома комсомола.

Михаил любил беседовать с местной молодежью. Особенно внимательно слушали его девчата. Правота и убедительность андросовских слов очень удачно сочетались с его красивым мягким голосом и обаятельной внешностью. Этот стройный русоволосый парень умел иной раз так распропагандировать своих слушательниц, что на улице то и дело раздавались их оживленные возгласы:

— И я так думаю!..

— И я — так само!

— А я брату скажу: нэхай вам помагае Гитлера быты, а нэ ховаеться в лесу з пьяными розбышаками!..

Руднев, усмехаясь в усы, молча одобрял и такую — по «девичьей» линии — пропаганду, лишь бы она служила доброму общему делу.

Однажды Михаил, привыкший к доверительным собеседованиям с местными парнями и девчатами, не заметил за разговором, что его окружают притаившиеся в высокой пшенице семеро «лыцарей» Бандеры. Как нарочно, никого из наших партизан не было тогда поблизости, и бандиты, видя, что светлочубый агитатор сейчас один, выхватили винтовки и стали в него стрелять.

Лошадь под Андросовым была убита. Спешившись, он стал отстреливаться на бегу из пистолета... К счастью, ковпаковцы услыхали стрельбу и подоспели на помощь.

Но после этой небезопасной беседы Михаил доложил командованию важные сведения: оказывается, молодых парней бандеровцы силой забирают из дому и гонят в лес — для обучения, а потом ставят на командные должности над теми, что помоложе, совсем зелеными парнишками.

Поляки боялись этого разбойничьего войска украинских националистов, где одурманенными мальчишками (а порой и стариками) командовали выученики эсэсовских школ.

И наши люди по указанию комиссара Руднева неустанно вели разъяснительную работу среди здешнего населения, напичканного вражеской пропагандой.

Руднев, гордясь высокими нравственными качествами своих бойцов, сделал поразительное признание в дневнике.

«24 июня 1943 года

...Вот уже два года, далеко оторванные от родных мест, живут и борются бойцы, добывая себе вооружение, снаряжение и продовольствие. Нет дома, казармы, землянки, а все время под открытым небом. И эти люди не позволяют себе ни единого звука недовольства.

Что же это за народ. Немцы их зовут «бандитами»... А это — народные мстители, это вернее сказать — народные «апостолы». Эти люди пришли добровольно в партизанские отряды, не ища здесь удобств, а чтобы отомстить врагу за страдания своего народа, за слезы матерей, жен, детей и сестер, за кровь, пролитую братьями.

Это — народные «апостолы», потому что они несут правду народам временно оккупированных областей нашей страны. Они прекрасные агитаторы и пропагандисты Советской власти. Просто удивляешься — без напыщенных фраз, простым языком боец говорит с мужчинами или женщинами о простых вещах, а в этих словах столько любви, преданности и гордости за свою Родину.

Какой это замечательный народ! Это чудо-богатыри! Это золотой фонд нашей Родины! Можно написать целые книги об этих замечательных людях. В нашем соединении есть все национальности Советского Союза. Это интернациональный отряд...»

Неожиданно начавшийся бой прервал комиссарские записи. Сначала стреляли в стороне ГПЗ — головной походной заставы, обеспечивающей переход «железки» Ровно—Сарны. Через несколько минут послышалась стрельба и в середине колонны с ранеными. Оказалось: бандеровцы врезались в самую середину нашего обоза. Ковпаковцы наткнулись на одно из «логовищ», как называл Руднев базы прячущихся по лесам бандитов, терроризировавших местное население.

В результате короткой стычки было убито пятнадцать бандеровцев и взято тридцать пленных, в том числе трое раненых. Возмущенный зверским нападением бандеровцев на наших раненых, Ковпак решил всех этих пленных расстрелять. Но Руднев, всегда очень считавшийся с мнением командира, на этот раз воспротивился его решению:

— Нельзя их расстреливать, политически неверно! — сказал комиссар.— Это простые люди, обманутые нашим общим врагом!..

В спешке командиру и комиссару сейчас некогда было объясняться по этому поводу. Разговор отложили до дневки. Однако на отдыхе разговор у них о судьбе пленных произошел «на басах»: каждый возбужденно отстаивал свою точку зрения. И каждый был по-своему прав. Но Руднев оказался прозорливей.

Скромный в оценке собственных личных достоинств и поступков, комиссар умел видеть в жизни самое главное, решающее, важное для народа в целом.

И в таких случаях непреклонно отстаивал свою точку зрения. Вот что он записал о серьезном, горячем, принципиально важном споре с Ковпаком — споре, который разрешила затем сама жизнь:

«25 июня 1943 года

Сегодня весь день наше соединение находится в боевой готовности, так как мы разворошили националистическое гнездо: бандиты бегают и натыкаются на наши посты и заставы.

Нам сегодня предстоит задача — форсировать реку Горынь. Переправ нет, за исключением Долины, но там — немецкий гарнизон. Драться невыгодно. По лесным дорогам большие завалы, и мост хорошо укреплен. Решили делать наплавной мост через реку Горынь между селами Корчин—Звиздивка, но националисты заняли Звиздивку и заявили, что переправу строить не дадут.

Ковпак решил: раз так, то дать бой и смести это село, чему я решительно воспротивился... Будут жертвы с одной и другой сторон, жертвы среди мирного населения, женщин, детей, да это и на руку немцам...

Я решил пойти на дипломатические переговоры. Написали письмо и послали его с дивчиной. Мы просим не препятствовать нашему переходу. Наша цель — бить немцев, а если они станут препятствовать, будем бить и их.

На это письмо мы получили грубый ответ, что, мол, не пропустим и будем драться.

Ковпак снова рассвирепел, предложил немедленно применить артиллерию и смести это село с лица земли. Я заявил, что на это не пойду, лучше согласен вести бой с немцами за мост в Долине, хотя с тактической точки зрения бой держать с немцами было невыгодно: все преимущества были на их стороне. Я решил еще сделать попытку добиться своего мирным путем и без драки построить переправу. Послали четыре роты на берег, поставили пулеметы и пушки, стали строить переправу. Но националисты заняли оборону и заявили, что все умрут, но нас не пропустят.

Местность была в их пользу. Я решил послать к ним командира разведки 2-го батальона тов. Шумейко без оружия, а второй батальон подтянуть к реке. Националисты несколько раз стреляли, пытались нас спровоци-

ровать, но с нашей стороны была полнейшая выдержка. Наш посланец был принят в штабе националистов, на наши условия пропуска они поставили свои условия — вернуть пленных и раненых, тогда будет разговор. Пленные и раненые были уже на берегу, и мы их передали. Националисты поставили вопрос о прекращении агитации. Шумейко дипломатически отверг этот и еще ряд вопросов, и только в 3 часа 26 июня закончились переговоры. Они дали согласие не чинить препятствия в строительстве нами переправы и в переправе соединения...

Наша дипломатия окончилась победой без крови... Это была колоссальная политическая победа... Население, видя наше вооружение и численность, пришло в восторг. Были слышны слова: «Вот так партизаны».

Наши бойцы раздали листовки. Но этот успех дался тяжело, особенно — лично для меня — две ночи не спал, два дня почти не ел...

В последующих селах — Постийное, Яловица — все население выходило на улицу и встречало нас. То, что националисты пишут и врут, будто красные партизаны режут украинцев, опровергнуто, а это нам и надо, это и есть политика...»

Действительно, это была большая, бескровная политическая победа, позволившая нам идти без боев почти до самых Карпат по западным областям Украины, отданным тогда гитлеровцами на откуп буржуазным украинским националистам. И Ковпак в итоге признал правоту своего комиссара.

ПРОРЫВ

Так почти без помех соединение под «охраной» перепуганных националистов двигалось дальше на юг. Может быть, нам так же незаметно удалось бы проскочить и в самые Карпаты, но тут вдруг случилось непредвиденное.

Вечером 4 июля Ефрем Берсенев, который в соединении был известен под именем «Саша», скрытно подойдя со своими разведчиками к одноколейной железной дороге Тернополь—Волочиск, неожиданно обнаружил, что за каждые десять-пятнадцать минут по

ней на восток проходят вражеские эшелоны с войсками и какими-то новыми, еще не виданными огромными танками (то были «тигры»).

Берсенев и его четверо бойцов сначала решили, что где-то возникла «пробка». Но эшелоны катили один за другим. Такого движения ковпаковцы, исколесившие десятки областей, еще не видели.

Разведгруппа решила заскочить на станцию и расспросить железнодорожников. Однако разведчики никого не встретили ни на перроне, ни на путях. Оказалось, что весь персонал — более двадцати человек — сидел на совещании, которое проводил какой-то заезжий немец.

«Если одного взять, остальных напугаешь, а те подымут панику!..— решил Саша.— Лучше уж прихватим с собой в лес все совещание.»

Когда утром 5 июля со всеми железнодорожниками, приведенными в лес к штабной палатке Ковпака и Руднева, поговорил Петр Петрович Вершигора, предположение разведчиков полностью подтвердилось: по этой «железке», не известной ни партизанам, ни советским дальним бомбардировщикам, гитлеровцы уже больше месяца гнали эшелоны на Восточный фронт.

Выслушав доклад Вершигоры, Руднев быстро вытащил из полевой сумки свою «стратегическую» карту и впился в нее глазами. Все невольно затихли.

— А знаете, братцы,— хлопнув себя по лбу, азартно проговорил комиссар,— все эти эшелончики Гитлер гонит под Орел и Курск!

Ковпак и Вершигора переглянулись. Оба невольно вспомнили, как еще в декабре сорок второго года, когда в ковпаковском штабе услышали сводку Совинформбюро об окружении армий Паулюса под Сталинградом, комиссар, тщательно следивший за ходом боевых действий на фронте и отмечавший у себя на карте общую военную обстановку, точно так же, всмотревшись в свою «стратегическую».

— Эту дорогу нам надо немедленно парализовать! — Руднев, румяный от возбуждения, расстегнул ворот гимнастерки, забыв на минуту свою обычную, подчеркнуто армейскую аккуратность. Правильность предполо-

жений Руднева подтвердил на следующее утро и радист Василий Мошкин, который всегда приносил сводки Совинформбюро в штаб. Он прибежал возбужденный к комиссару:

— Семен Васильевич! Вчера на рассвете гитлеровские войска перешли в наступление на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. Все атаки противника отбиты нашими войсками! За день уничтожено пятьсот восемьдесят шесть немецких танков и двести три самолета...

— Вот как! Гитлер решил взять реванш за Сталинград,— сделал вывод Руднев.— Но этот «реванш» станет для него новым, еще большим поражением.

Комиссар не ошибся в своих предположениях...

Поразмыслив, ковпаковское командование решило резать сразу две дороги: от Тернополя одна «железка» шла на Волочиск, другая — на Шепетовку.

По предложению комиссара вечером 6 июля было послано две крупные диверсионные группы. На дорогу Тернополь—Волочиск пошел Кролевецкий отряд, который в эту ночь уничтожил железнодорожный мост на реке Гнезна-Гнилая у села Дычков и шоссейный мост на той же речке у деревни Ступки. А мост на железной дороге Тернополь — Шепетовка у села Лозова взорвала рота путивлян.

Анализируя события, происшедшие за эти сутки, комиссар записал в дневнике:

«Нервы напряжены до предела... В таком исключительном национальном и политическом переплетении провести соединение — это равносильно тому, чтобы провести корабль по неизвестному фарватеру среди подводных камней и мелей.

Мы вошли в такую зону, где еще не ступала нога партизана. Эта территория оккупирована немцами уже два года. Население здесь потеряло всякую надежду когда-либо увидеть советские войска, а тут вдруг днем идет громада: тысячи людей, сотни повозок. Большинство людей смотрят на нас с любовью и слезами радости на глазах».

После взрыва мостов на одной из главных южных транспортных артерий вермахта Гитлер даже объявил

суточный траур: ведь стратегическое наступление под Орлом и Курском, которое так лихорадочно готовилось немецким командованием, было последней надеждой на реванш за поражение под Сталинградом.

А тут произошел другой, всполошивший оккупантов случай. Под вечер 6 июля застава Кролевецкого отряда уничтожила вместе с автомашинами двух военных комендантов: тернопольского и львовского. Узнав об этом, гитлеровцы подняли на ноги всех карателей в здешних краях.

На следующий день, когда Кролевецкий отряд после уничтожения мостов под Тернополем возвращался на место дневки соединения, тернопольская жандармерия и полиция, обнаружив нас возле города Скалат, увязались следом за колонной.

Только-только мы втянулись в лесок, как каратели начали наступление в расчете на легкую победу. Подпустив вражеские цепи, мы расстреляли их в упор. Уцелевшие бросились в панике обратно, в Скалат. А вслед за ними в город устремились ковпаковцы: кавэскадрон Ленкина, Кульбака со своими глуховчанами и остальные отряды. Там партизаны разгромили вражеские склады, раздали населению мануфактуру, обувь, продукты...

В этот беспокойный, но удачный для ковпаковцев день, 7 июля 1943, Руднев записал в своем дневнике:

«День для меня знаменательный: Радику — моему сыну — исполнилось 19 лет. Он два года вместе со мной воюет в тылу врага. Семнадцати лет пошел воевать. Это то же, что было и со мной в 1917 году. Сын пошел в отца. Жаль только, бедняге не удалось окончить десятилетку. Парень он хороший. Живем мы с ним дружно. Хотя, любя его, я иногда основательно его журю. Меня он любит и гордится. Крепко любит мать и младшего братишку Юрика. Часто, будто бы случайно, вспоминает, что нравится маме или что бы сказала мама и т. д.

Утром в лесу, под пулеметную и автоматную стрельбу, я поздравил его с днем рождения. Оба вспомнили далеких, но близких сердцу маму и Юрика. Бедные. Наверное, мать весь день проплакала!..»

Дерзость нашего соединения привела Гитлера в ярость: в самый ответственный момент, когда вермахту

были так нужны резервы, чтобы осуществить «разгром советских войск» под Орлом и Курском, мы вдруг остановили переброску гитлеровских подкреплений на фронт. И фюрер приказал немедленно уничтожить ковпаковцев!..

Кроме того, внезапное появление соединения Ковпака и Руднева в западных областях Украины сорвало еще один важный замысел фашистских заправил. Гитлер и Гиммлер задумали вывезти население Люблинского воеводства, с востока Польши, и с нашей Галичины, объявленной «дистриктом», на каторжные работы в Германию, а на землях коренных жителей поселить фольксдойчей — немцев, родившихся за пределами гитлеровской Германии, но разделявших программу нацистов. Об этой акции было объявлено на заседании высших чиновников Польского генерал-губернаторства еще за год до прихода ковпаковцев, 4 августа 1942 года. А в декабре того же года группенфюрер СС Крюгер, заместитель Гиммлера по рейхскомиссариату онемечивания, начал выселение поляков из предместья их родного Замостья. Вместо коренных жителей туда были привезены первые четыре тысячи фольксдойчей из Бессарабии и Югославии.

Теперь, на июль 1943 года, намечалось массовое заселение немцами Галичины. Словом, комиссар Руднев точно предугадывал трагические для народа последствия той грязной игры, которую вела бандеровская верхушка с гитлеровскими правителями.

Но едва ковпаковцы появились в «дистрикте», оккупационные власти забегали, как крысы на тонущем корабле, не зная, куда им деться.

Разогнав всю тернопольскую жандармерию и полицию, собранную в Скалате для «решающего» удара по отрядам Ковпака, наше соединение стремительно продвигалось на юг. Перепуганные фашистские чиновники и военщина при одном только упоминании партизанских генералов Ковпака и Руднева удирали из Бучача, Черткова, даже из областного центра, самого Тернополя. Людская молва превратила четыре наших отряда (практически — четыре батальона неполного состава) и один кавдивизион в партизанские дивизии!.. Фюрер, который под воздействием этой паники вынужден был отказаться от переселения немцев в Галичину, решил

любой ценой разделаться с нами. И сюда, к предгорьям Карпат, спешно перебрасывались охранные войска со всей Европы.

Первыми навалились на наше соединение 14-я СС дивизия «Галичина» и 4-й СС полк, переброшенный из-под Кракова. Им удалось окружить нас в Сатановском лесу, где мы задержались на двое суток из-за проливных дождей.

Внезапным ударом Кролевецкий отряд разгромил 4-й СС полк в деревне Роштовце и помог остальным ковпаковцам вырваться из вражеского кольца. Но мы потеряли в бою любимого всеми замкомандира Валентина Подоляко.

Противник, всеми силами стараясь не допустить партизан в горы, бросал в бой пехоту, авиацию, танки. Оккупанты пытались задержать ковпаковцев на широкой бурной реке Днестр. Но к рассвету 16 июля соединение вслед за группой захвата, которой руководили комбат Матющенко и командир кавдивизиона Ленкин, с ходу овладело мостом в местечке Галич и переправилось на правый берег.

Удача, казалось, сопутствовала нам. Однако в Галиче партизанскую колонну застал рассвет. С восходом солнца, когда соединение расположилось в сосновом лесу на берегу Ломницы возле села Селище, над нашим лагерем появился надоедливый немецкий самолет-разведчик. Он почти весь день словно коршун кружил над лесом.

Жечь костры и двигаться по тропам командование строго-настрого запретило. Партизаны были очень осторожны. И все-таки во второй половине дня появились «юнкерсы» и начали методически бомбить лес... А к вечеру гитлеровские войска обложили урочище со всех сторон.

С наступлением темноты все наши отряды двинулись обратно к реке Ломнице. Но возле брода в деревне Блюдники уже стояло более пятидесяти вражеских автомашин с пехотой. Там же заняли оборону до роты гитлеровцев с двумя танками.

Ковпак и Руднев решили: разгромить карателей в Блюдниках, повторив отвлекающий маневр, который мы, кролевчане, осуществили недавно в Роштовце.

Бой под Блюдниками был тяжелый, почти слепой. В этом бою я был ранен в голову, правда, не очень тяжело. Но зато серьезное ранение получил командир Кролевецкого отряда Кудрявский, и мне пришлось принять от него командование.

Пока мы вели ночной бой, все соединение благополучно переправилось через Ломницу в Тимеровцах. Затем партизаны устремились в Черный лес. Ковпак и Руднев надеялись, что в этом крупном лесном массиве, тянувшемся с севера на юг на десятки километров, соединение оторвется от карателей.

Наше появление в окрестностях Станислава вызвало среди немцев и их приспешников небывалую панику. Откуда-то проникли слухи: на город движется огромная армия, даже — две армии! Генерал Ковпак и генерал Руднев ведут за собой целое войско! С артиллерией и танками!..

А в это время ковпаковские немногочисленные батальоны, попавшие в плотное окружение, получили приказ командования: взрывать все мосты на дорогах, ведущих к Станиславу.

Наступать на нас каратели не рискнули, хотя соединение остановилось на дневку в лесу всего в десяти километрах от города; зато весь день фашисты наугад бомбили этот лес.

Вечером ковпаковцы двинулись дальше на юг. Вышли пораньше, чтобы успеть до рассвета втянуться в горы и таким образом оторваться от преследования. Но в пути пришлось вести бой, и соединение задержалось. Утро застало нас на марше.

Едва партизанская колонна вошла в Маняву, растянувшуюся на несколько километров вдоль узкого горного ущелья, как на соединение налетело звено бомбардировщиков. В результате ударов с воздуха у нас погибло десять человек, двадцать четыре было ранено. И кроме того, мы потеряли около ста лошадей.

Колонна продолжала упорно пробиваться в горы. С каждым шагом продвигаться становилось все труднее: круче становился подъем, дорога за Манявой перешла в узкую тропу.

На третьем заходе один вражеский бомбардировщик был сбит партизанским огнем. Трудно сказать, кем именно: стреляли все из винтовок, пулеметов и даже из про-

тивотанковых ружей... Когда фашистский самолет задымил и врезался в скалу, остальные бомбардировщики скрылись.

К вечеру, преодолев еще один крутой подъем, соединение достигло высоты с отметкой 936,0 и затаилось в лесу.

— Но самое трудное, товарищи, ожидает нас в горах,— сказал на коротком командирском совете комиссар Руднев.— Во-первых, мы тут, в условиях бездорожья, связаны тяжелым обозом, а это лишает нас свободы маневра. Во-вторых, у нас нет заранее подготовленной базы — вроде Брянского или Полесского партизанского края, где бы мы могли отдохнуть, эвакуировать раненых.

— Да...— согласился Вершигора.— Мы идем в неизвестность!

— Ничого, будэм разжигать пожар народной войны и тут! — коротко подвел итог дед Ковпак.

Но гитлеровское командование, не сумевшее справиться с партизанами на равнине, решило сделать это любой ценой в горах. Для ликвидации нашего соединения было стянуто в Карпаты несколько охранных дивизий, в большинстве своем горно-стрелковых. Карателям были приданы танки и авиация. Командовать этими антипартизанскими войсками Гитлер назначил заместителя Гиммлера по рейхскомиссариату онемечивания генерала Крюгера, знавшего Карпаты еще со времен первой мировой войны.

Впрочем, Ковпак — опытный брусиловский разведчик, заслуживший не один Георгиевский крест — знал Карпаты куда лучше, чем Крюгер. И считал, что здесь в горах мы будем неуязвимы.

Однако Руднев, служивший когда-то в Крыму и тоже хорошо знавший, что такое горы, сказал Ковпаку:

— Так-то оно так, Сидор Артемович. Но я невольно вспоминаю сейчас старую мудрость: прежде чем войти в какую-либо обитель, подумай, как выйти из нее!

— Ничого, шо-нэбудь придумаем! — с лукавой искрой в глазах ответил Ковпак.

Однако на следующую ночь, когда соединение, совершив тяжелый горный переход, вошло перед рассветом в деревню Пасечну Надвурнянского района, а затем двинулось дальше, на Зеленую и Зеленицу, оказалось: за Зеленой и Зеленицей дороги, сходившиеся

снизу лентами в один узел, вдруг кончились. Дальше, а точней, выше, в Карпаты можно было пробираться только пастушьими да козьими тропами.

Конечно, суворовскую премудрость об олене и солдате мы знали — она, с легкой руки комиссара Руднева, бодрящим ветерком гуляла по всей колонне:

— Где даже олень не пройдет, там русский солдат пройдет! А где один наш солдат пройдет, там вся армия пройдет!..

Но для того, чтобы ковпаковцы могли продвигаться дальше по лесистым горам, нужен был другой, более легкий транспорт. Решили задержаться в этом районе на трое-четверо суток и переделать повозки на двуколки.

Кролевецкому отряду было приказано занять прочную оборону в трех километрах восточнее деревни Зеленая и не допустить прорыва противника в расположение соединения. Именно через эту Зеленую, зажатую в узком ущелье, лежал единственный путь, который мог сейчас использовать противник.

Утром 25 июля, как и предполагало ковпаковское командование, гитлеровцы начали наступление со стороны местечка Надвурная на Зеленую. Сначала ко взорванному нами мосту подъехали две танкетки. Танкисты вылезли из машин, осмотрели обрывистые берега реки. Затем укатили обратно.

Спустя час сюда подъехало около пятидесяти автомашин с пехотой, пушками, минометами. Артиллерия немедля стала занимать огневые позиции. Пехота выгрузилась и начала переправляться вброд через Быстрицу-Надвурнянскую.

А мы в это время с Берсеневым, доложив о прибытии в Надвурную трех эсэсовских полков, прикидывали, как и где нам лучше отразить их удар, сохранив при этом своих людей.

— Если навалятся все три полка сразу, вряд ли устоим,— прищурив красные от бессонницы и усталости глаза, заметил Саша.

— Да, если сразу — можем не выдержать,— согласился я. И вдруг вспомнил рассказ ковпаковского танкиста-самоучки Дмитрия Черемушкина о первом, самом страшном бое в Спадщанском лесу в декабре 1941 года, когда комиссар Руднев вместо жестокой обороны пред-

ложил бить карателей, которые в несколько раз превосходили по численности молодой Путивльский отряд, «кочующими» засадами.— А если бить их по частям, из засад, тогда, может, и выстоим...

На этом и порешили.

И вот, когда первая вражеская колонна втянулась в партизанский «мешок», мы ударили из автоматов и пулеметов. Фашисты не успели даже открыть ответный огонь, попав под смертоносный свинцовый ливень на узкой ленте дороги, огражденной с двух сторон каменистыми склонами.

По документам убитых мы установили, что наступал на нас 13-й СС полк. Почти половина его состава осталась на дороге. Остальные удрали.

Вскоре мои разведчики доложили: уцелевшие немцы собрались у своих машин и укатили обратно в Надвурную.

Я понимал: до вечера гитлеровцы повторить атаку уже не смогут. А завтра наверняка будут атаковать этот рубеж. Но увидев, что мы исчезли, свернут пехоту опять в колонну и осторожно двинутся дальше. Стало быть, надо встретить их где-то на другом рубеже, чтобы снова бить врага в походной колонне.

И точно: наутро немцы «брали» наш вчерашний рубеж с боем. Затем все произошло точно так, как вчера утром: каратели снова попали в партизанский «мешок» и были разгромлены в походной колонне. И так же убегали обратно те, кто уцелел... На этот раз в ловушку к нам попал 26-й СС полк.

Было еще десять утра. «Раньше, чем через четыре часа, каратели не смогут повторить атаку,— думал я.— Но до вечера они попытаются атаковать нас. Где же снова их лучше встретить?»

Конечно, брать с боем вчерашний наш рубеж не станут. Они уверены, что после сегодняшнего боя партизаны отойдут еще дальше. И стало быть, до второго, то есть сегодняшнего, нашего рубежа вражеская колонна будет двигаться опять в походном порядке... Значит, встречать противника надо снова на первом рубеже, а еще лучше — вынести нашу блуждающую засаду метров на двести вперед...

Пять раз бросались немцы в атаку на кролевчан, оберегающих соединение. И пять раз откатывались

назад. Наконец, когда Саша Берсенев со своими разведчиками обошли противника лесом и ударили из автоматов по колонне, спешившей на исходное положение для очередной, шестой, атаки, немцы растерялись и побежали в панике прямо в Надвурную. Больше наступать на Зеленую они уже не пытались.

Оказывается, гитлеровцы, так любившие обходы и охваты, сами боялись их, как черт ладана... Да и не мудрено: три эсэсовских полка (13-й, 24-й и 26-й) потеряли чуть ли не половину личного состава, так и не увидев партизан.

Кролевецкий отряд в этих трехдневных боях потерял всего четырех человек.

Семен Васильевич Руднев записал в своем дневнике:

«25 июля 1943 года

Подвели итоги нашей боевой деятельности с 10 по 20 июля 1943 года. За это время уничтожено 783 солдата и офицера, сбито 2 самолета, уничтожено два 75-мм орудия, 500 снарядов, 139 автомашин, два склада с боеприпасами. Уничтожено 32 нефтевышки с суточным дебитом 48 тонн. Сожгли 565 тонн нефти, 12 тонн бензина. Уничтожили 2 нефтепровода и много другого оборудования...»

Комиссар хотел что-то уточнить у Базымы, сидевшего рядом. Но вдруг к Рудневу подошел Панин и напомнил вполголоса:

— Семен Васильевич, уже время провожать венгерских товарищей.

Руднев молча кивнул в ответ и, спрятав свою тетрадь в планшет, вместе с Паниным направился на скалистую площадку, где в окружении группы партизан стояли восемь венгерских солдат, одетых в поношенную форму, но с подновленными знаками отличия и с одинаковыми венгерскими винтовками. Год назад эти люди добровольно сдались в плен ковпаковцам, а вскоре стали сами лихо воевать на стороне партизан.

Увидев комиссара и секретаря парткомиссии Панина, снаряженная по-походному шеренга стала по стойке смирно.

— Вольно...— мягким, дружеским голосом сказал Руднев, всматриваясь в лица солдат.— Дорогие венгерские друзья! Нам жаль расставаться с вами. Ведь

за этот год вы стали полноправными членами нашего боевого коллектива. Но именно потому, что вы стали настоящими антифашистами, ваш высокий долг заключается теперь в том, чтобы разжигать пожар освободительной борьбы на своей родине. Этому делу мы, коммунисты соединения, придаем громадное политическое значение. Мы понимаем, вам будет нелегко.

И вдруг, вместо всяких напутствий, после короткой паузы он тихо, но так, чтобы слышал каждый боец, прочитал на память любимые горьковские строки:

— Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни, и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света...

Некоторые из бойцов украдкой вытирали глаза...

А Руднев, подойдя к шеренге венгров, крепко обнял каждого... И потом, когда они, закинув за плечи свои тяжелые вещмешки, пошли гуськом в сторону границы, комиссар еще долго махал им вслед рукой.

Позже в своем дневнике Руднев записал об этом событии:

«Сегодня снарядили и отправили 8 пленных венгров. Дали им по винтовке, по 50 патронов, по 2 гранаты, по 10—15 метров мануфактуры, масла, хлеба, сахара. Выдали им справки. В ротах сделали проводы, проинструктировали их и со своими проводниками направили до границы. Этому делу мы придали большое политическое значение...

Ходят слухи, что немцы решили окружить в горах наше соединение и уничтожить его. Дураки и безумцы!..

Сейчас 17 часов, а из 4-го батальона передали, что на их участке идет ружейно-пулеметная стрельба. Эта перестрелка может перерасти в крупные бои».

Эти строки имели прямое отношение к нашему Кролевецкому отряду, начавшему отчаянный бой с полками генерала Крюгера.

То была последняя запись в дневнике Руднева: во время ночного перехода лошадь комиссара сорвалась в ущелье вместе со всеми его вещами, находившимися в переметных сумках. Был там и дневник, о потере которого Семен Васильевич очень сокрушался.

Дальше события разворачивались с каждым часом все драматичней и стремительней.

Двуколки, на которые мы все так рассчитывали и ради которых соединение задержалось на три дня, не оправдали наших надежд: на козьих тропах они были непригодны.

Тем временем немцы, в основном альпийские стрелки (а на каждого ковпаковца их приходилось больше, чем по взводу) уже углубились в горы и начали проческу леса с двух сторон: с юга, от Яремчи и Делятина, и с севера, со стороны Пасечной. Разгорелись непрерывные жестокие бои...

По существу соединение уже выполнило задание ЦК КП(б)У и Верховного командования: удар по важнейшим коммуникациям врага был нанесен, карпатская нефть не досталась фашистам, народ Закарпатья поднимался на борьбу... Теперь задача ковпаковского командования состояла в том, чтобы спасти личный состав. Надо было поскорей отрываться от противника и, совершив новый марш-маневр, опять уходить в другой район. Но куда уйдешь по горам, без дорог, с ранеными и артиллерией?

В полдень Ковпак отвел в сторону Руднева и сказал ему:

— Сэмэн Васильевич, кажется, нам прыдэться расстаться с обозом и даже — с артиллерией!

Руднев хорошо понимал Ковпака, но никак не мог примириться с мыслью, что придется пожертвовать пушками.

— А как быть с боеприпасами?.. И как наши раненые?..— спросил он с болью в голосе.

Обоим было сейчас очень тяжело. Но жесткое решение было продиктовано жизнью. Точнее — борьбой за нее.

— Легкораненые пойдут пешком или поедут верхом на лошадях, а лежачих прыдэться нэсты, сделаем им носилки,— ответил Ковпак.— Снаряды и мины выпустим по противнику — устроим на прощание партизанский концерт!..

Вечером 29 июля Карпаты вдруг разразились громом партизанских орудий и минометов. Казалось, само небо и горные вершины обрушились на врага!..

Наконец канонада смолкла. Потом прогремели один за другим полтора десятка взрывов: это минеры взорвали всю нашу артиллерию.

Навьючившись патронами и положив на самодельные носилки тяжелораненых, ковпаковцы снова двинулись в путь, рассчитывая за ночь оторваться от противника.

Но на следующее утро, когда вернулись наши разведчики, выяснилось, что соединение — в двойном кольце. Одно — внутреннее кольцо блокады противника проходило в горах, а второе, внешнее по линии: Зеленая, Пасечная, Пнив, Надвурная, Лоева, Делятин, Дора, Яремча.

Блокировав соединение, гитлеровское командование решило сразу же разделаться с партизанами. Утром 30 июля немцы начали яростные атаки, наносились удары и с воздуха. Девять «юнкерсов» до позднего вечера остервенело бомбили лес. Правда, потерь от бомбежки у нас почти не было, но эта бомбежка изматывала бойцов, и без того уже измученных непрерывными боями, тяжелыми горными переходами и голодом.

И, пожалуй, страшней всего был сейчас для нас именно голод. Фашисты угнали с гор весь скот. Есть нашим людям было нечего, кроме лесных ягод. А если кто-нибудь с риском для жизни что-то и доставал у местного населения, то все это, по неписанному рудневскому закону, партизаны отдавали раненым.

К исходу четвертых суток, 2 августа, войскам генерала Крюгера удалось предельно сжать кольцо вокруг ковпаковцев в районе гор Шевка и Синичка. После полудня противник даже прекратил свои атаки.

— Значит, наутро гитлеровцы готовят завершающий удар,— подвел итог Руднев на штабном совещании, обращаясь к Вершигоре, склонившемуся над картой.— И если ты, Петрович, не найдешь к ночи какой-нибудь щели — будет поздно!

И наши разведчики нашли такую лазейку: это было узкое, заросшее кустарником ущелье, на самом верху которого расположились вражеские засады. В темноте, под шум горного ручья, партизаны выскользнули из внутреннего кольца и, совершив трудный тридцатикилометровый переход, остановились к утру 3 августа

на вершине Вовтарува, северо-западнее местечка Делятин.

Отсюда мы могли наблюдать, как противник штурмует оставленные нами позиции, а его авиация старательно бомбит на этих высотах свои же войска.

В тот день немецкие самолеты разбросали по всей Станиславщине листовки, в которых оккупационные власти хвалились, что якобы здесь, в горах, уничтожены опаснейшие советские партизанские дивизии Ковпака и Руднева.

— Не могли же гитлеровцы,— заметил с иронической усмешкой комиссар, лежавший рядом с Ковпаком на вершине горы и рассматривавший в бинокль Делятин,— объявить во всеуслышание, что «доблестные» войска фюрера стреляли из пушек по своим и что на горах Шевка и Синичка самолеты генерала Крюгера забросали бомбами не партизан, а своих же солдат и лошадей.

Можно было теперь попытаться ночью выбраться незаметно и из второго кольца блокады. Но тут вдруг наши разведчики доложили командованию, что в Делятине находится штаб самого генерала Крюгера. И Ковпак с Рудневым, верные своему дерзкому почерку, решили обрушиться на Делятин и накрыть крюгеровский штаб. Все карательные войска его находились сейчас в горах, а штаб-квартиру Крюгера охраняли несколько танков и батальон эсэсовцев.

План захвата Делятина был прост: в час ночи на 4 августа Путивльский и Шалыгинский отряды под общим командованием Вершигоры должны были атаковать город и овладеть северной его частью, уничтожить мосты на железной и шоссейной дорогах Делятин—Надвурная, Делятин—Коломыя и стать заслоном на этих дорогах. Путивльский головной отряд, при котором находились Ковпак с Рудневым и весь штаб, овладев мостом на реке Прут и местечком Заречье, обязан был пропустить все отряды и кавдивизион в Ославы Белые.

Глуховскому и Кролевецкому отрядам предстояло овладеть южной частью города и железнодорожной станцией, уничтожить мосты на железной и шоссейной дорогах Делятин — Яремча и, не задерживаясь, двигаться на Ославы Белые.

До Делятина, который с вершины горы Вовтарув был виден как на ладони, по извилистым пастушьим тропам оставалось еще часа четыре ходу.

Перед заходом солнца отряды построились поротно на небольшой каменистой площадке. Лица у партизан были суровые, измученные. Люди понимали: предстоит решающий, а может быть, и последний бой.

Комиссар Руднев, от которого все ждали сейчас какого-то особого, очень важного слова, шагнул вперед и легко вскочил на гранитную глыбу. Это был один из бесчисленных «камней Довбуша» — мест, где по преданию появлялся полусказочный герой гуцулов, приходящий им на помощь в борьбе против иноземных захватчиков.

Багровое солнце уже почти совсем скрылось за горы, и в этот предвечерний час лицо комиссара и вся его сильная, устремленная вперед фигура тоже казались высеченными из гранита.

— Друзья мои!..— начал комиссар тихим, но постепенно набирающим силу голосом.— Мы не хотим скрывать от вас правды. Пусть горькая, но правда: мы окружены!.. Противник значительно превосходит нас численностью. У нас же с вами нет более никаких резервов. Есть нечего. Патроны на исходе. И каждый из вас должен сделать выбор: сдаться на милость победителям — или вступить в смертельную схватку с врагом? Я думаю, у нас с вами есть только один выход: атаковать гитлеровцев в Делятине, уничтожить их внезапным ударом и вырваться из вражеского кольца! Я знаю: при создавшемся соотношении сил это будет нелегко. Мы уже четверо суток ничего не ели, и многие едва держатся на ногах...

Комиссар сделал паузу, обвел строй суровым и в то же время добрым взглядом, может быть, на одну лишь секунду задержав его на Радике, и добавил:

— Возможно, не всем нам удастся вырваться. Возможно, и я говорю с вами в последний раз. Но другого выхода нет! Так выполним же свой долг перед Родиной с честью. Вперед, друзья!

Руднев протянул вперед руку, показывая путь к Делятину.

И не один я почувствовал эту слитность комиссара с нашей великой Родиной, с нашей славной советской

историей. Комиссар для всех нас был частицей самого лучшего, что есть в каждом советском человеке — его партийной совестью, его нравственным долгом.

Мы, словно горная лавина, двинулись на Делятин. Внезапным ударом вражеский гарнизон был уничтожен. Но достался нам этот прорыв дорогой ценой: в бою был ранен командир соединения Сидор Артемович Ковпак, а наш любимый комиссар Семен Васильевич Руднев навеки остался под Делятином. Он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Погиб и сын комиссара юный Радий Руднев — уже при выходе из Карпат...

Выходили из Карпат мы шестью «лучами», чтобы затем соединиться в условленном месте, применив таким образом знаменитый звездный, или Давыдовский, маневр. Часть партизан пробиралась на равнину мелкими группами. Одна из таких групп и обнаружила в знакомом ущелье труп коня, а на нем новое седло комиссара, в переметных сумках которого нашли дневник Руднева, ставший ныне исторической реликвией.

После выхода из Карпат мы совершили еще два героических рейда: Польский и Неманский, в которые водил нас уже Петр Петрович Вершигора, достойный ученик Ковпака и Руднева, создавших соединение.

И хотя в этих рейдах с нами уже не было ни самого Ковпака, ни комиссара, но все наши дальнейшие боевые дела были продолжением славных ковпаковских традиций, а все поступки и помыслы партизан измерялись рудневской нравственной меркой. И поныне вечно горящее сердце комиссара освещает жизненный путь каждому из нас.

Москва, 1980 год

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Евсеевич Брайко

ПАРТИЗАНСКИЙ КОМИССАР

Документальная повесть

Заведующий редакцией Г. М. Некрасов
Редактор В. Н. Курбатов
Художник О. П. Шамро
Художественный редактор Г. Л. Ушаков
Технический редактор Д. А. Стеганцева
Корректор Е. А. Платонова

ИБ № 1340.

Сдано в набор 20.01.81. Подписано в печать 24.06.82. Г-54340. Формат 84×108/32. Бумага газетная. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. п. л. 13,02. Уч.-изд. л. 13,49. Тираж 100 000 экз. Зак. № 26. Цена 1 р. Изд. № 3/280.

Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР
129110, Москва, И-110, Олимпийский просп., 22.

Областная книжная типография, 320091, Днепропетровск, ул Горького, 20.

1 р.

П. БРАЙКО ★ ПАРТИЗАНСКИЙ КОМИССАР ★